

*Прибавленіе къ отчету о состояніи Вологодской Гимназіи
за 18⁸⁰/81 учебный годъ.*

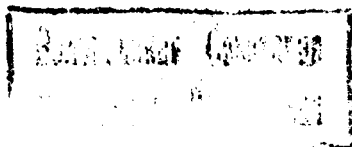
ИСТОРИЯ

ПРОСВѢЩЕНІЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

ВЪ XVII СТОЛѢТІИ

И ПЕРЕХОДЪ ЕГО ВЪ МОСКВУ.

Печатано по постановленію Педагогического Совѣта
Вологодской Гимназіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Историческія событія, вызвавшія усиленное умственное движеніе на юго-западѣ Руси въ началѣ XVII столѣтія. Мѣры противъ уни.

Въ половинѣ XVI-го столѣтія въ Польшѣ произошло событіе, имѣвшее громадное вліяніе на ея послѣдующую исторію и на судьбу юго-западной Руси и Литвы. Въ 1569 г. на Люблинскомъ сеймѣ совершилось окончательное соединеніе Польши, Литвы и юго-западной Руси, связанныхъ до сихъ поръ только одной династіей Ягеллоновъ, которой въ скоромъ времени грозило совершенное прекращеніе. Отъ этого соединенія, которое давно уже было завѣтной мечтой Ягеллоновъ, долго отказывались Литовскія и Русскія православныя области, не хотѣвшія неразрывно соединиться съ католической Польшей, зная, что прямымъ слѣдствіемъ этого будутъ притѣсненія въ вѣрѣ и попытки подчинить русскую церковь власти панъ. Въ XVI вѣкѣ въ Польшѣ, влѣдствіе распространенія гуманыхъ идей реформаціи, вліяніе Рима сдѣлалось очень незначительно, религіозная терпимость господствовала въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ нигдѣ; во главѣ государства стоялъ Сигизмундъ-Августъ, заботившійся болѣе о цирахъ и чувственныхъ наслажденіяхъ, чѣмъ о религіи; все это могло быть достаточнымъ ручательствомъ для православныхъ, что политическая унія не повлечетъ за собой никакихъ притѣсненій въ вѣрѣ. Но послѣдующія событія доказали, какъ они ошиблись въ своихъ надеждахъ. Подписывая актъ соединенія на сеймѣ, они не видѣли, что въ Польшѣ появились опасные враги ихъ народности и религіи—знаменитые защитники католицизма—иезуиты, введенные при общемъ ропотѣ кардиналомъ Гозіемъ. Иезуиты встрѣченные сначала негодованіемъ поляковъ, называвшихъ ихъ возмутителями, скоро успѣли такъ всѣхъ расположить къ себѣ, что пріобрѣли всеобщую любовь

и мало по малу захватили въ свои руки все образованіе страны. Приванные сначала для борьбы съ протестантами, они быстро сѣумѣли обезсилить ихъ и тогда-то обратили все свое вниманіе на православныхъ, бывшихъ для нихъ не менѣе ненавистными, чѣмъ протестанты. Обстоятельства благоприятствовали имъ. На престолѣ Рѣчи Посполитой сѣлъ уже не Сигизмундъ-Августъ, но сначала Баторій, а потомъ ревностный до фанатизма католикъ Сигизмундъ III Ваза. Эти короли давали іезуитамъ все зависящія отъ нихъ средства къ распространенію школъ, важнѣйшихъ проводниковъ ихъ стремленій. Дѣйствительно, іезуитскіе коллегіи вскорѣ появились въ русскомъ краѣ, сначала въ Вильнѣ, потомъ въ Полоцкѣ, Ярославлѣ Галицкомъ и во Львовѣ, а въ началѣ XVII вѣка въ Луцкѣ, Барѣ, Перемышлѣ, въ 1620 г. въ Кіевѣ, въ 1624 г. въ Острогѣ, а затѣмъ даже перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. Русское дворянство, за немѣніемъ своихъ собственныхъ школъ, принуждено было отдавать своихъ дѣтей къ іезуитамъ, если хотѣло дать имъ образованіе, необходимосъ въ то время для всякаго шляхтича. А здѣсь-то незамѣтно, даже какъ будто противъ воли своихъ воспитателей, научались дѣти презирать свою родную вѣру и убѣждались въ превосходствѣ католицизма; хитрые патеры достигали этого не убѣжденіемъ: они напротивъ даже часто удерживали своихъ воспитанниковъ отъ переменъ религіи, увѣряя, что разница между вѣроисповѣданіями вовсе не существенна; но они старались дѣйствовать на впечатлительную душу, на сердце дѣтей. Торжественность богослуженія, сценическія представленія, разныя процессіи, вымышленныя чудеса и т. п. были дѣйствительнѣе всякихъ научныхъ доказательствъ. Какъ успѣшны были эти средства, можно видѣть изъ свидѣтельства одного современника. Вотъ что говоритъ Кассіанъ Саковичъ, описывая положеніе русскаго юноши въ польскомъ обществѣ: «Дѣти русской шляхты, учась въ школахъ и коллегіяхъ іезуитскихъ, привыкають къ церковнымъ обрядамъ римской церкви, а вышедши изъ школы или опредѣляются въ военную службу или поступаютъ ко двору какого либо пана; въ этомъ случаѣ они должны ходить съ паномъ въ костелъ; въ военной же службѣ они принуждены участвовать въ исполненіи различныхъ католическихъ религіозныхъ обрядовъ; а потомъ при-
выкнувши къ католическимъ обрядамъ, отстають отъ своихъ рус-

свихъ; они даже не любятъ, чтобы ихъ называли русскими... и имъ такъ легко перейти въ католичество».

Опасность со стороны іезуитовъ рано была замѣчена образованнѣйшими людьми Западной Руси, ревностно охранявшими свою вѣру. Важнѣйшими поборниками православія въ XVI вѣкѣ были князья Курбскій и Острожскій.

Извѣстный по своимъ отношеніямъ къ Грозному князь Андрей Михайловичъ Курбскій, бѣжавши изъ Москвы (1563 г), поселился въ Литвѣ и впослѣдствіи на Волыни. Будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, онъ сразу проникъ въ намѣренія іезуитовъ и, сознавая ихъ силу, старался, на сколько могъ, если не противодѣйствовать имъ открыто (что было не возможно при тогдашнемъ состояніи православія), то хоть приготовить достойныхъ защитниковъ его. Понимая, какъ невѣжественны и слабы въ сравненіи съ іезуитами его единовѣрцы, онъ совѣтовалъ имъ по возможности избѣгать споровъ съ католиками, а еще болѣе остерегаться отдавать дѣтей въ collegiі. *) Самымъ существеннымъ, на его взглядъ, недостаткомъ его единовѣрцевъ было незнакомство съ твореніями восточныхъ учителей и отцевъ церкви. Курбскій обратилъ все свое вниманіе на устраненіе этого недостатка и ревностно принялся за переводъ важнѣйшихъ произведеній греческихъ церковныхъ писателей. Съ помощью нѣсколькихъ образованныхъ людей, сочувствовавшихъ ему въ его предпріятіи, какъ напр. князя Оболенскаго, бѣглаго монаха Артемія и др., онъ оказалъ неоцѣненную услугу дѣлу православія, давши русскому народу многочисленные переводы. Лично перевелъ онъ нѣкоторыя бесѣды Іоанна Златоуста, извѣстную книгу: „Небеса или фрагменты о разныхъ предметахъ“ Іоанна Дамаскина и его же Логикку или діалектику. Всѣ свои переводы онъ снабжалъ предисловіями, въ которыхъ съ увлеченіемъ возставалъ противъ закоренѣлаго невѣжества своихъ соотечественниковъ, смотрѣвшихъ на книги, какъ на что-то еретическое. Кромѣ того, желая дать православнымъ оно-

*) Такъ напр. въ письмѣ къ княгинѣ Чарторижской онъ совѣтуетъ ей не отдавать сына въ іезуитскую школу, какъ она хотѣла, говоря, что тамъ „не науча, прежде всего отлучаютъ дѣтей отъ православія“. (см Соловьева „Исторія Россіи“ т. VII.)

ру въ спорахъ съ католиками, часто ссылавшимися на Флорентійскую унію, онъ написалъ исторію Флорентійскаго собора. Не менѣе Курбскаго заботился о просвѣщеніи Руси другой ревнитель православія князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, заводившій сношекія съ далекимъ востокомъ для пріобрѣтенія необходимыхъ книгъ. Онъ разсылалъ по Литвѣ и Руси проповѣдниковъ, завелъ въ Острогъ знаменитую школу (о которой мы будемъ имѣть случай говорить) и типографію, гдѣ была напечатана первая полная славянская библія (1580—1581).

Но не смотря на просвѣтительную дѣятельность этихъ борниковъ православія, католицизмъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе послѣдователей въ средѣ православныхъ, а нестроенія русской церкви увеличивались, благодаря поведенію духовенства. Въ то время какъ русскіе вельможи всѣми силами старались поддержать русскую церковь въ борьбѣ съ іезуитами, епископы, пренебрегая своими обязанностями, стремились только къ тому, чтобы пріобрѣсти себѣ права, которыми пользовалось католическое духовенство. Имъ не нравилось вмѣшательство свѣтскихъ пановъ въ дѣла церкви, но они принуждены были до поры до времени сносить этотъ патронатъ; когда же право надзора надъ ними и защиты церкви пріобрѣли такъ называемыя братства, они рѣшительно воспротивились покровительству пановъ.

Братства или братчины, представляя явленіе общее всей Руси, получили на юго-западѣ особенное значеніе, преобразовавшись въ оригинальныя корпораціи. Начало братствъ нужно искать въ древнемъ обычаѣ дѣлать складчину для устроенія пира на какойнибудь праздникъ. Съ теченіемъ времени начали учреждаться для этихъ цѣлей постоянныя общества; эти-то общества получили въ юго-западной Руси особенное развитіе, благодаря «Магдебургскому праву» и общинно-цеховому устройству городовъ, и пріобрѣли многія важныя привилегіи для самоуправленія. Въ чемъ заключалась дѣятельность ихъ въ это время и какими правами пользовались они, мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго. Въ 1582 г. Виленскіе мѣщане объявили королю Баторію, что у нихъ есть въ Вильнѣ братскій домъ, построенный на братскія деньги, гдѣ они собираются для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ и благотворительныхъ; при этомъ они просятъ короля утвердить ихъ уставъ, что

и было исполнено. Изъ пунктовъ этого устава мы узнаемъ слѣдующее. Кромѣ постоянныхъ братьевъ или «вписанныхъ» могли явиться на бесѣды посторонніе гости, которые были обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ братства. «Вписанные» братья ежегодно выбираютъ изъ своей среды *старостъ*, которымъ передаются всѣ дѣла братства, и которые обязаны слѣдить за исполненіемъ братскихъ постановленій; по прошествіи года старосты перемѣняются, при чемъ даютъ отчетъ всему братству о своемъ управленіи; на сходкахъ въ братскомъ домѣ всѣ должны были вести себя прилично: не напиваться ньявыми и слушаться старостъ, въ случаѣ ссоры дѣло разбирается всѣми братьями на слѣдующій день и виновный обязанъ подчиняться братскому приговору, а обиженный не имѣетъ права нигдѣ искать суда, кромѣ братьевъ; въ случаѣ смерти брата, все братство провожаетъ его тѣло и поминаетъ его. Значитъ, цѣль братствъ въ началѣ была исключительно религіозно-благотворительная. *)

Но юго-западнымъ братствамъ суждено было имѣть болѣе важное значеніе въ жизни русскаго народа въ самый тяжелый періодъ его исторіи. Во время распространенія католическаго вліянія на юго-западѣ Руси, когда (не смотря на всѣ старанія защитниковъ вѣры русской) вслѣдствіе угнетеннаго положенія русскаго народа, невѣжества и порочности духовенства, православная церковь приходила мало по малу въ упадокъ, на погоню ей и угасающей русской народности выступили эти самыя братства. Въ 1586 г. во время проѣзда чрезъ Западную Русь патріарха Іоакима, Львовскіе ктитори храма Успенія представили ему на утвержденіе правила. Если мы сравнимъ послѣднія съ правилами Виленскаго братства, то увидимъ всю разницу между цѣлями, которыми руководились братства въ 1582 г. и въ 1586 г. Правила вступленія въ члены братства и отношеній между братьями не представляютъ ничего новаго противъ прежнихъ, хотя они гораздо подробнѣе изложены здѣсь; но Львовское братство получило отъ патріарха важное *право отлучать отъ церкви братьевъ*, оказавшихъ неповиновеніе братскому суду и еще болѣе важное *право надзора за нравственностью* не только своихъ членовъ но и всѣхъ мірянъ, самаго духовенства и даже епископовъ. Эти

*) Этотъ уставъ см. Соловьева: „Исторія Россіи“ т. VII.

же права подтверждены и для другихъ братствъ, но Львовское должно было, какъ старшее, наблюдать и за ними *). Понятно что епископамъ не могъ быть приятенъ надзоръ мірскихъ людей за ихъ поведеніемъ. Въ особенности имъ былъ недоволенъ епископъ Львовскій Гедеоитъ Валобанъ, вступившій по этому поводу въ борьбу съ братствомъ, но безъ успѣха. Въ 1589 г. западную Русь постигъ патріархъ Іеремія. Его пріѣздъ произвелъ много перемѣнъ въ русской іерархіи. Нерадивый митрополитъ Онисифоръ (Дѣвочка) принужденъ былъ оставить митрополию, а на его мѣсто по представленію вѣхъ православныхъ былъ поставленъ епископъ Минскій Михаилъ Рагоза, человекъ благочестивый и нравственный, что было тогда рѣдко, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабый и нерѣшительный. Въ то же время была учреждена новая должность — экзаршество патріаршее, на которую былъ назначенъ человекъ унылый энергичный Кириллъ Терлецкій, епископъ Луцкій. Его положеніе по вступленіи въ должность оказалось весьма затруднительнымъ: онъ вскорѣ поссорился съ княземъ Острожскимъ и въ то же время подвергся преслѣдованіямъ со стороны католиковъ. Это и побудило его вмѣстѣ съ Гедеономъ Валобаномъ, продолжавшимъ препираться съ Львовскимъ братствомъ, и съ двумя другими епископами заявить королю Сигизмунту о своемъ желаніи принять унію. Вскорѣ послѣ этого заявленія къ Терлецкому присоединился еще одинъ могущественный союзникъ, — это былъ Ипатій Потѣй, епископъ Владимірскій. Возведенный въ этотъ санъ прямо изъ свѣтскаго сановника, онъ выказалъ благочестиваго человека и прекраснаго христіанина, но мало свѣдущій въ богословіи, онъ не хотѣлъ признавать различія восточной и западной церкви и присоединился къ Терлецкому, списавшись предварительно съ княземъ Острожскимъ, который и самъ былъ не прочь отъ уніи (что видно изъ его писемъ), **) но при томъ условіи, если вся восточная церковь будетъ согласна на это. Потѣй былъ убѣжденъ въ невозможности этого и потому присоединился къ Терлецкому. Они открыли свой замыселъ митрополиту Рагозѣ, чѣмъ поставили его въ крайне затруднительное положеніе. Слабый и нерѣшительный онъ совершенно потерялся и своими двуличными дѣйствіями обма-

*) Этотъ уставъ см. также Соловьева „Исторія Россіи“ т. X.

**) см. Соловьева „Исторія Россіи“ т. X ст. . 29 (изд. 1860 г.).

нывалъ и короля, и епископовъ, и Острожскаго съ мірянами, отвергая предъ послѣдними свое участіе въ уніи. Но долго хитрить было нельзя. Князь Острожскій выдалъ посланіе къ жителямъ русскихъ областей, гдѣ объявлялъ всѣмъ о томъ, что „многіе пастыри, митрополитъ съ епископами въ волковъ претворились, святой восточной церкви отверглись, святѣйшихъ патріарховъ, пастырей и учителей нашихъ вселенскихъ отступили, къ западнымъ приложились,“ *). Въ это время Гедсонъ Балобанъ Львовскій, помирившійся при помощи Острожскаго съ братствомъ, отсталъ отъ Терлецкаго и Потѣя. Рагоза, не смотря на грозныя обличенія Острожскаго, не рѣшался открыто примкнуть къ уніи, пока самъ король не ободрилъ его. Въ Вильнѣ православные жители, возбуждаемые учителемъ Стефаніемъ Визаніемъ, требовали собора для рѣшенія дѣла объ уніи, отвергая право епископовъ безъ согласія всего народа рѣшать такія важныя дѣла, какъ соединеніе церквей. Сигизмундъ, чтобы задержать открытіе собора, отдалъ приказъ не пропускать въ Польшу посла патріаршаго, котораго ждали на соборъ, и въ тоже время выдалъ грамоту, подтверждавшую всѣ обѣщанныя уніатамъ привилегіи. Митрополитъ, не смотря на увѣренія короля, снова началъ отвергать свое согласіе на унію. Но 24-го сентября 1595 г. было объявлено королемъ соединеніе церквей, и Терлецкій съ Потѣемъ отправились въ Римъ къ папѣ Клименту VIII. На торжественной аудіенціи епископы отъ имени всего духовенства и народа Русскаго заявили о желаніи соединиться посредствомъ уніи съ западной церковью и въ знакъ подчиненія цѣловали папскую туфлю. Въ началѣ 1596 г. на большемъ сеймѣ въ Варшавѣ православное дворянство требовало, чтобы епископы, отступившіе отъ православной вѣры, были лишены сана и чтобы на мѣсто ихъ были поставлены православные епископы. Король отказалъ. Векорѣ послѣ этого 29 мая 1596 г. онъ издалъ манифестъ о соединеніи церквей, послѣднимъ актомъ котораго долженъ былъ быть соборъ. Въ октябрѣ 1596 г. въ Брестъ съѣхались: представитель Константинопольскаго патріарха грекъ Никифоръ, митрополитъ Михаилъ, семь русскихъ епископовъ, множество прочаго духовенства, кн. Острожскій съ другими мірскими людьми, имѣвшими вліяніе на дѣла церкви; изъ поляковъ были: знаменитый

* См. тамъ же.

іезуитъ Петръ Скарга, Антошій Поссевианъ и послы отъ короли. Засѣданія собора происходили отдѣльно: уніаты съ митрополитомъ Кіевскимъ во главѣ совѣщались въ соборѣ, а православные подъ предсѣдательствомъ грека Никифора въ частномъ домѣ. Три раза звали послѣдніе къ себѣ митрополита, но онъ не явился и тогда грекъ Никифоръ объявилъ Рагозу и всѣхъ уніатовъ — епископовъ лишенными сана, а Михаилъ проклиналъ всѣхъ, оставшихся вѣрными православію.

Такимъ образомъ Брестскій соборъ раздѣлилъ Русскую церковь на уніатскую и православную. Всѣ обстоятельства благопріятствовали распространенію уніи. Король Сигизмундъ, какъ ревностный папистъ и другъ іезуитовъ, а за нимъ и все польское правительство не могли не сочувствовать подчиненію Русской церкви папѣ и поэтому употребляли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для поддержанія уніи и для ослабленія православія. Вслѣдствіе этого приверженцы послѣдняго находились въ самомъ жалкомъ положеніи: лишенные всякой защиты со стороны правительства, они принуждены были безнаказанно терпѣть произволь и насилія. У нихъ въ продолженіе 20 лѣтъ слишкомъ не было не только митрополита, но и епископовъ, такъ что некому было поставлять священниковъ, и многія церкви стояли пусты или даже были обращены въ шинки. Но все, что происходило въ православныхъ городахъ, ничего не значить въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалось въ панскихъ усадьбахъ. Несчастные холопы подвергались всевозможнымъ притѣсненіямъ. Паны, католики и уніаты, употребляли всѣ средства для того, чтобы принудить своихъ крестьянъ принять унію. Православные священники изгонялись, вездѣ на ихъ мѣстахъ появляясь уніаты; церкви отдавались въ аренду ненавистнымъ жидамъ. Но насиліе пановъ и жидовъ приносило гораздо меньшіе плоды, чѣмъ происки хитрыхъ іезуитовъ. Предоставивъ панскому произволу обращать въ католицизмъ низшіе классы, они сами продолжали дѣйствовать на высшій классъ русскаго народа путемъ школьнаго образованія и распространенія книгъ. Успѣхи ихъ были блестящи: православію грозило совершенное исчезновеніе изъ Рѣчи Посполитой. Но эти-то успѣхи и были причиною пробужденія русскаго народа, почувствовавшаго въ себѣ обиліе нравственныхъ силъ и сознавшаго свою способность къ умственной жизни. Собирая свои силы къ кровавой борьбѣ за свою вѣру и народность,

русскій народъ увидѣлъ прежде всего необходимость бороться тѣмъ же орудіемъ, которое употребляли его враги, т.-е. просвѣщеніемъ; поэтому-то все вниманіе передовыхъ русскихъ людей было теперь обращено на народное образованіе.

I.

Братскія общины; учебная и воспитательная сторона въ братскихъ школахъ.

До конца XVI вѣка школьное дѣло на Руси шло довольно плохо: въ православныхъ школахъ при церквяхъ можно было получить самыя ограниченныя знанія: тамъ учили читать и писать и этимъ-то ограничивалась вся школьная подготовка къ умственной дѣятельности для большинства Русскихъ. Знатные паны не могли не желать для своихъ дѣтей бѣльшаго, и вслѣдствіе этого молодые люди отправлялись или въ знаменитую Краковскую академію, или въ заграничныя университеты. Недостаткомъ православныхъ школъ воспользовались іезуиты, съумѣвшіе на этомъ построить цѣлый планъ обращенія православныхъ сначала въ унию, а потомъ въ католичество. Надежды іезуитовъ оправдывались Это-то и побудило кн. Константина Острожскаго преобразовать училище въ Острогѣ, основанное его отцемъ въ первой половинѣ XVI столѣтія; преобразование это совершилось около 1580 г. Новая академія, какъ стало называться это училище со времени преобразования, была первой правильно и систематически организованной русской школой. Въ программу ея входило главнымъ образомъ преподаваніе языковъ: славянскаго, греческаго и латинскаго, особенно необходимое въ то время. Враги русской вѣры, пользуясь незнаніемъ русскими славянскаго языка, позволяли себѣ прямо измѣнять въ свою пользу многія мѣста священныхъ книгъ, несогласныя съ католическимъ ученіемъ; вслѣдствіе этого на исправленіе попорченныхъ книгъ смотрѣли, какъ на дѣло первой важности, и это-то преимущественно имѣли въ виду, когда вводили въ кругъ наукъ изученіе языка славянскаго; латинскій языкъ въ то время былъ главнѣйшимъ признакомъ образованности: только съ тѣмъ, кто хорошо владѣлъ имъ, іезуиты (и вообще католики) не считали унизительнымъ вступитъ въ ученый споръ, а ученики академіи именно къ этому и приготавливались. Но еще важнѣе считался языкъ греческій, который и въ Западной Европѣ пріобрѣлъ уже къ этому времени почти такое же значеніе, какъ и латинскій

языкъ, а въ Острожской академіи обращали на него большое вниманіе потому, что для успѣшной защиты необходимо было познакомиться учениковъ съ богословскими и вообще научными сочиненіями византійскихъ писателей, на которыхъ они должны были ссылаться въ полемикѣ съ католиками, имѣвшими твердую точку опоры въ твореніяхъ западныхъ схоластиковъ—богослововъ. Такимъ образомъ Острожскій хотѣлъ противопоставить латинско-католической учености противниковъ русской вѣры греческо-православное образованіе своей школы; поэтому въ его академіи, равно какъ и въ братскихъ школахъ, преобладало греческое направленіе; самые учителя были часто греки, и первымъ ректоромъ Острожской школы считается Кирилль Лукарисъ. О преподаваніи другихъ наукъ, кромя языковъ, имѣются весьма скудныя свѣдѣнія; вѣроятно только, что въ Острожской академіи проходило если не все, то приблизительно тоже самое, что и въ братскихъ школахъ, но безъ сомнѣнія, въ болѣе краткомъ объемѣ. Острожской академіи не долго однако суждено было быть разсадникомъ просвѣщенія Югозападной Руси: она вскорѣ послѣ преобразованія потеряла свое значеніе, отбѣсненная назадъ братскими школами, а послѣ смерти Острожскаго, вслѣдствіе перехода въ католицизмъ его наслѣдниковъ, въ 1649 г. была передана іезуитамъ, которые и основали на ея мѣстѣ свой коллегіумъ. Такимъ образомъ академія кн. Острожскаго не имѣетъ для насъ никакого другого значенія, какъ первая попытка завести школу на манеръ европейскій, которая и послужила образцомъ для братскихъ школъ, достигшихъ апогея своего развитія въ началѣ XVII вѣка до основанія Кіевской коллегіи *).

Какъ ни замѣчательна въ исторіи Югозападной Руси политическая дѣятельность братствъ, но не чрезъ нее имѣли они такое вліяніе на судьбы своего отечества; гораздо болѣе пользы дѣлу православія принесли они распространеніемъ школъ. Эти школы, явившіяся вслѣдствіе тѣхъ же событій, какъ и Острожская академія, устроены были на тѣхъ же основаніяхъ: греческое направленіе господствовало и въ этихъ школахъ. Въ числѣ учителей и здѣсь мы видимъ также ученыхъ грековъ, какъ напр. митрополита Элассонскаго Арсенія, учившаго во Львовѣ, извѣстнаго Никифора

*) О братскихъ школахъ см. Линевскаго: педагогія братскихъ школъ и Кіевской Академіи. Тр. К. Ак. 70 г.

и мн. др. Самой первой братской школой была Львовская, получившая начало въ 1586 г; затѣмъ появились братства, а съ ними и школы въ Вильнѣ, Кіевѣ, Брестѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и въ др. городахъ. До насъ дошли уставы братскихъ заведеній въ Львовѣ и Луцкѣ, на основаніи которыхъ мы можемъ судить о правилахъ этихъ школъ и объ условіяхъ, при какихъ получали образованіе будущіе русскіе дѣятели.

Строгость и вмѣстѣ простота отношеній была характеристической особенностью братскихъ училищъ: малѣйшій проступокъ, какъ напр. двойной пропускъ занятій безъ уважительныхъ причинъ, велъ къ исключенію изъ заведенія; даже за опаздываніе строго взыскивали съ учениковъ. Школа, обязанная своимъ возникновеніемъ обществу, считала себя обязанной не разрывать связи съ нимъ. Желавшій поступить, прежде чѣмъ записывался въ число „спудеевъ“ (т.-е. учениковъ), долженъ былъ выдержать три дня присматриванія къ порядкамъ училища; если ему что-нибудь не нравилось, онъ могъ уходить, если же хотѣлъ оставаться, то его записывали въ реестръ, но предварительно родителямъ поступавшаго объяснялись всѣ правила заведенія и указывались методы обученія. Не смотря на то, что въ школы поступали дѣти родителей изъ разныхъ сословій, они считались равными и отличались только своимъ прилежаніемъ и успѣхами; изъ числа воспитанниковъ избирались дежурные, которые обязаны были мести комнаты, топить печи, а также записывать неприсходящихъ товарищей. Надзоръ за учениками простирался на ихъ поведеніе и внѣ школы. Ученики обязаны были какъ можно чаще посѣщать храмъ, говѣть четыре раза въ годъ по крайней мѣрѣ; вообще за ихъ религіозностью слѣдили очень строго; по субботахъ и воскресеньямъ происходили бесѣды, во время которыхъ учитель долженъ былъ внушать своимъ слушателямъ правила нравственности и объяснять происхожденіе праздника и евангеліе, читанное въ этотъ день.

Итакъ, изъ краткаго перечня главнѣйшихъ правилъ братскихъ школъ мы видимъ, что онѣ заботились о нравственности воспитанниковъ не менѣе чѣмъ объ ихъ умственномъ развитіи; это и понятно: для защитниковъ православія, какими хотѣли сдѣлать учениковъ этихъ школъ, была необходима высоконравственная жизнь.

Переходи къ собственно учебной части школъ, мы должны замѣтить, что братскія училища давали образо-

ваніе, начиная съ чтенія и письма, и кончая философіей и богословіемъ. Обученіе чтенію и письму производилось по букварямъ, которые въ то же время должны были знакомить ребенка съ основными положеніями христіанства и съ тѣми догматами, въ которыхъ православная церковь расходилась съ католической. Научившись читать и писать, воспитанникъ приступалъ къ изученію наукъ, прежде всего грамматики, т. е. языковѣднїя. Руководствуясь тѣми же основаніями, что и Острожская академія, братскія школы всего болѣе обращали вниманія на основательное изученіе языковъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ проходились только языки—греческій и славянскій, но по большей части преподавался и латинскій. Руководство по грамматикѣ было не мало; самымъ первымъ—напечатаннымъ въ Россіи—считается такъ называемая „грамматика доброглаголиваго—еллино-словенскаго языка, совершеннаго искусства восьми частей слова, въ наказаніе многоименному русскому роду,“ составленная и изданная учениками львовской школы въ 1591 г. Грамматика эта раздѣляется на четыре части: правописаніе, преѣзваніе (просодія), правословіе (этимологія) и сочиненіе (синтаксисъ). Въ 1596 г. въ Вильнѣ была напечатана грамматика Лавренція Зизанія, пріобрѣтшая заслуженную извѣстность. Но всѣхъ знаменитѣе грамматики Мелетія Смотрицкаго славянская и латинская,—особенно первая. О преподаваніи философіи, риторики, словесности, математики и исторіи почти не осталось никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что въ братскихъ школахъ преподавались діалектика и логика, вѣроятно, по руководству Іоанна Дамаскина, философскія сочиненія котораго въ переводѣ Курбскаго пользовались почетной извѣстностью въ югозападной Руси, тогда какъ о западныхъ ученыхъ мы часто встрѣчаемъ неблагопріятные отзывы. Риторика, памятниками преподаванія которой остались „орачіи разсмаитыя“, составлявшіяся учениками для привѣтствія знатныхъ посѣтителей, изучалась, вѣроятно, съ большимъ стараніемъ въ виду цѣли школь. Словесныя науки также, безъ сомнѣнія, не оставались безъ вниманія, о чемъ можно догадываться потому, что еще при изученіи грамматики ученики знакомились съ просодіей и правилами стихосложенія. Изъ математическихъ наукъ изучались—арифметика, неизвѣстно по какому способу, и астрономія, которая еще несовсѣмъ освободилась отъ примѣси астрологическихъ нелѣ-

постей. Какъ ни важны были все эти науки сами по себѣ, они все таки служили только подготовкой къ богословію, которое преподавалось въ очень широкихъ размѣрахъ. Священное писаніе было предметомъ особенно тщательнаго изученія; догматическое богословіе читалось по системѣ Кирилла Транквиліона; кромѣ того существовали специально для братскихъ школъ написанные катихизисы Желиборскаго и Лавр. Зизанія. Упомянутыя выше бесѣды учителей съ воспитанниками о нравственности замѣняли уроки нравственнаго богословія, а объясненія праздниковъ и евангелія — литургики, такъ что въ братскихъ школахъ проходились почти все богословскія науки и проходились согласно съ ученіемъ православныхъ отцевъ церкви, а не схоластическихъ богослововъ, какъ впоследствии въ Кіевской коллегіи.

Прежде чѣмъ покончить съ педагогіей братскихъ школъ, укажемъ еще, какими методами преподаванія пользовались тогдашніе учителя. Преподаватель, читая урокъ, писалъ его въ то же время на доскѣ, ученики списывали въ школь, потомъ еще разъ переписывали дома и подавали работу учителю. При объясненіяхъ чаще всего употреблялся методъ акроматическій, когда ученики слушали объясняемое учителемъ; не рѣдко прибѣгали къ методу эротематическому и діалогическому, когда учитель отвѣчалъ на вопросы учениковъ, или самъ доводилъ ихъ вопросами до познанія. Ученики употребляли между собой такъ называемый методъ взаимнаго обученія, помогая другъ другу, причемъ они должны были спрашивать по гречески, а отвѣчать по славянски.

Таковы были братскія школы, которымъ обязана югозападная Русь возрожденіемъ образованности и литературы. Легко замѣтить, что эти школы, со своей строго — религіозной дисциплиной, со своими стараніями развить ученика умственно и нравственно, давали обществу людей, способныхъ бороться съ учеными католиками. Но для успѣшной борьбы съ іезуитами необходимо было ближе познакомиться со всеѣмъ, что служило послѣднимъ опорой въ ихъ нападкахъ на православіе; словомъ нужно было перенести западную образованность на русскую почву и привить ее къ русскому обществу. Въ первой половинѣ XVII вѣка въ Кіевѣ явилось училище, удовлетворявшее этимъ требованіямъ. Основателемъ его былъ Петръ Могила, подчинившій русское просвѣщеніе вліянію

схоластики, господствовавшей въ Западной Европѣ въ средніе вѣка и занесенной іезуитами въ Польшу. Это вліяніе было настолько важно, что мы должны прослѣдить въ краткихъ чертахъ возникновеніе и развитіе схоластики и указать на состояніе просвѣщенія въ современной Польшѣ, откуда заимствовалъ Могила новое направленіе своей знаменитой школы.

II.

Историческое развитіе схоластики и ея вліяніе, отразившееся въ образованіи и литературѣ XVII ст.

Схоластика *) получила начало въ школахъ, основанныхъ въ IX вѣкѣ Карломъ Великимъ при монастыряхъ. Знаменитыя *septem artes liberales*, къ которымъ относились все науки, преподававшіяся впоследствии въ іезуитскихъ коллегіумахъ и въ Кіевской Академіи, были предметомъ изученія въ этихъ школахъ. Отличительной чертой ихъ было полное отсутствіе какого — либо движенія какъ въ самыхъ наукахъ, такъ и въ методахъ преподаванія. Грамматика варварской средневѣковой латыни преподавалась цѣлыя столѣтія по однимъ и тѣмъ же руководствамъ, астрономія въ рукахъ невѣждъ — монаховъ превращалась въ астрологію, слабыя познанія о природѣ почерпались изъ самой модной, если можно такъ выразиться, науки — алхиміи. Вездѣ и во всемъ господствовала страсть къ безчисленнымъ подраздѣленіямъ и утомительной классификаціи. Больше чѣмъ въ этихъ отрасляхъ чело- вѣческаго знанія замѣтно умственное движеніе въ схоластической философіи, которая вмѣстѣ съ богословіемъ считалась въ то время наукой принципиальной. Какъ ни странно это съ перваго взгляда, но философія и богословіе шли рука объ руку во все время господства схоластики. Въ тогдашнихъ школахъ, не смотря на ихъ строго религіозное направленіе, не забывались и философы древности, сочиненія которыхъ иногда служили даже руководствами, какъ напр. „Тимей“ Платона и „Органонъ“ Аристотеля. Задача школьнаго учителя того времени именно и состояла въ томъ, чтобы примирить философію съ религіей и согласить права разума съ правами вѣры. Эти стремленія перешли изъ школы въ литературу и ими — то характеризуется все направленіе науки среднихъ вѣковъ.

*) О схоластикѣ см. различные курсы философіи.

Отцомъ схоластики считается Іоаннь Скоттъ Эригена (ум. 886), который въ четырехъ книгахъ „De divisione naturae“ (о раздѣленіи природы) проводитъ мысль о равноправности разума и вѣры, называя философію теоретической стороною религіи, а религію—практической стороною философіи, вслѣдствіе чего та и другая сливаются въ одно познаніе Бога, въ которомъ заключается вѣчная жизнь. Послѣ Эригены средневѣковая философія приняла двоякое направленіе: разсудочное и мистическое. Главнѣйшими представителями перваго были: Ансельмъ Кентерберійскій (1033—1109), Росцеллинъ (ок. 1092) и Абельяръ (1079—1142). Два первые изъ нихъ, сходясь въ своихъ стремленіяхъ поставить критическое изслѣдованіе выше слѣпой вѣры и на основаніяхъ разума построить понятіе о Богѣ, были въ тоже время врагами въ спорѣ реалистовъ и номиналистовъ, на которыхъ раздѣлились всѣ тогдашніе ученые. Это раздѣленіе имѣетъ въ основѣ своей двоякое опредѣленіе общихъ понятій или такъ называемыхъ универсалевъ: первые признавали идеи вещей самостоятельными, реальными, существующими прежде отдѣльныхъ предметовъ, индивидуумовъ, вторые же на оборотъ—общія понятія считали только за имена, обозначающія сходства отдѣльныхъ предметовъ и являющіяся слѣдовательно послѣ вещей. Ансельмъ возставалъ противъ номинализма, въ торжествѣ котораго онъ предчувствовалъ паденіе схоластики, тогда какъ Росцеллинъ поддерживалъ его. Примирителемъ того и другаго направленія былъ Абельяръ, представлявшій себѣ универсалы несуществующими реально и не именами вещей, но понятіями о предметахъ, являющимися вмѣстѣ съ ними. Разсудочному направленію совершенно противоположно мистическое. Мистики, знаменитѣйшими изъ которыхъ были Бернардъ Клервосскій и Вильгельмъ Шампо, стремились подчинить разумъ вѣрѣ и познать Бога не размысленіемъ, а сердцемъ. Послѣ ожесточенной борьбы эти два направленія примирились въ „сентенціаріяхъ“. Часто уличаемое въ противорѣчій съ священнымъ писаніемъ, которое въ этотъ періодъ богословія всегда оставалось на второмъ планѣ, схоластики рѣшились признать наконецъ его авторитетъ и потому часто начали приводить въ своихъ сочиненіяхъ тексты или „сентенціи“, почему и получили названіе сентенціаріевъ. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ Петръ Ломбардскій, *magister sententiarum*, оставившій очень любимыя въ средніе вѣка четыре книги „сентенцій“. Въ XII вѣкѣ

въ схоластической наукѣ произошелъ переворотъ: къ этому времени относится знакомство средневѣковыхъ философовъ съ арабскими комментаторами Аристотеля, которые какъ будто открыли имъ глаза на этого писателя. Онъ началъ пріобрѣтать громадное вліяніе на науку, которое важно въ особенности тѣмъ, что ускорило стремленіе къ систематизаціи, такъ какъ отъ него заимствовали преимущественно форму построенія его трактатовъ, а не идеи и духъ его ученія. Извѣстнѣйшимъ философомъ—систематикомъ былъ Тома Аквинатъ (1225—1274), имѣвшій громадное вліяніе на богословіе всѣхъ вѣковъ, принятый впоследствии за образецъ въ іезуитскихъ школахъ и въ Кіевскомъ коллегіумѣ. Будучи реалистомъ, онъ не признавалъ дѣйствительности всеобщаго самой по себѣ, а признавалъ его существующимъ въ отдѣльныхъ вещахъ, которыя разнообразятся индивидуальными чертами. Между философіей и наукой Тома провелъ рѣзкую границу: философія, по его ученію, разсматриваетъ истины, доступныя разуму, тогда какъ богословіе занимается истинами, не противорѣчащими разуму, но превышающими его; методы ихъ также различны: философія отъ сотвореннаго доходитъ до познанія Творца, а богословіе наоборотъ. Отъ Тома осталось множество анологетическихъ и діалектическихъ сочиненій; система же его изложена въ такъ называемой „Суммѣ“, которая раздѣляется на три части: о Богѣ, о человѣкѣ и о Богочеловѣкѣ. Въ самомъ блистательномъ своемъ представителѣ схоластики выставила человѣка, который положилъ начало ея паденію, отдѣливъ философію отъ богословія. Его противникъ Іоаннъ Дунсъ Скоттъ свелъ схоластическое богословіе на степень софистической діалектики, а современникъ его Лулла далъ окончательный перевѣсъ формализму, который отдаливъ на задній планъ содержаніе, превратилъ философію въ пустыя хитросплетенія. Съ этого времени схоластика начала падать и, не представивъ ни одного замѣчательнаго дѣятеля, кромѣ Вильгельма Оккама, совершенно была побѣждена мистицизмомъ, изъ послѣдователей котораго для насъ важенъ Тома Кемпійскій, книга котораго „о подражаніи Христу“ (*De imitatione Christi*) была весьма любимымъ чтеніемъ на Руси.

Господство схоластики кончилось и теперь можно замѣтить, какіе результаты принесли всѣ стремленія философовъ—богослововъ. Цѣль, поставленная ими—согласовать принципы языческой

философіи съ христіанскими догматами, не могла быть никогда достигнута и не могла привести къ другому рѣшенію, какъ полнѣйшее разграниченіе предметовъ, входящихъ въ сферу философскаго изученія, отъ истинъ, познаваемыхъ не умомъ, но сердцемъ. Дойдя до отрицанія возможности достиженія своей цѣли, т.-е. убивъ самое себя, схоластическая наука занялась бесплодными спорами о самыхъ мелкихъ предметахъ, пока совершенно не пала, побѣжденная сначала мистицизмомъ, а потомъ эпохою возрожденія и гуманистическими стремленіями литературы времени реформаціи.

Схоластика пала, но богословіе, выработанное ея представителями систематиками, ихъ научный методъ, форма трактатовъ, діалектическія тонкости, въ которыя пустились философы послѣднихъ лѣтъ ея господства, исключительная забота о вѣщности, ловкая софистика оказались какъ нельзя болѣе пригодными для іезуитовъ въ виду ихъ честолюбивыхъ намѣреній. Понавши въ Польшу, они и сюда принесли отжившую схоластику, которая здѣсь принялась лучше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, и въ рукахъ іезуитовъ оказалась вѣрнымъ средствомъ убить всякую умственную самостоятельность общества и доставить католицизму фанатичныхъ защитниковъ. Они застали Польшу въ такомъ состояніи, которое всего менѣе могло способствовать успѣху ихъ дѣятельности. Все почти образованіе страны находилось въ рукахъ протестантовъ; кромѣ низшихъ и среднихъ школъ, особенно многочисленныхъ на сѣверѣ, они имѣли свой университетъ въ Кенигсбергѣ. Прежнее высшее учебное заведеніе Польши—Краковская академія, приходившая совершенно въ упадокъ, истощала всѣ средства, чтобы воспрепятствовать распространенію протестантскихъ школъ. Іезуиты, вызванные въ Польшу для той же цѣли, быстро и рѣшительно начали дѣйствовать и въ скоромъ времени пришли къ блестящимъ результатамъ. Въ концѣ XVI вѣка ихъ коллегіумы появились вездѣ и даже въ Западной Руси, гдѣ они имѣли, какъ мы говорили выше, громадное вліяніе на судьбу православнаго народонаселенія. Образованіе, даваемое іезуитами въ ихъ школахъ, было направлено къ единственной цѣли возбудить въ польскомъ обществѣ ревность къ католицизму, ослѣпить его религіознымъ фанатизмомъ. Для этой цѣли они прежде всего должны были заглушить въ полякахъ природное чувство любви къ родинѣ, развить

въ нихъ космополитизмъ, на которомъ держалась власть папъ, внушить имъ идеалъ теократическаго государства съ Римскимъ первосвященникомъ во главѣ. Поэтому въ ихъ школахъ не обращалось никакого вниманія ни на родной языкъ, ни на родную литературу; для ихъ воспитанниковъ роднымъ языкомъ долженъ былъ быть языкъ латинскій, родной литературой—Римская. Развивая учениковъ умственно въ духъ своихъ стремленій, патеры старались достигнуть своихъ цѣлей посредствомъ воспитанія. Полное повиновеніе старшимъ, допущеніе всякихъ средствъ для достиженія доброй цѣли—вотъ тѣ принципы, которыми руководились іезуиты при воспитаніи своихъ учениковъ. Всякія личныя отношенія отступали на второй планъ; одинъ долженъ былъ подматривать за другимъ и доносить начальству малѣйшій его проступокъ; шпионство считалось самымъ лучшимъ доказательствомъ преданности религіи. Но это нравственное паденіе прикрывалось ханжествомъ, еженедѣльными исповѣдями, частыми постами и молитвами. Въ преподаваніи польскихъ коллегій повсюду господствовала страшная рутина: ихъ школы ничѣмъ почти не отличились отъ средне-вѣковыхъ школъ съ ихъ неизбѣжными семью искусствами. Великія открытія въ области человѣческихъ знаній какъ будто не существовали; Ньютонъ, Баконъ, Декартъ, благодаря іезуитамъ, не были извѣстны въ Польшѣ, въ стѣны учебныхъ заведеній не доносились даже ихъ имена въ виду того, что отъ воспитанниковъ ихъ должно быть удалено всякое сомнѣніе въ истинѣ того, что проповѣдывалъ католицизмъ, а современная наука колебала авторитетъ папъ въ области знаній и критическое изслѣдованіе ставило выше слѣпой вѣры.

Схоластика, занесенная и развиваемая іезуитами въ польскихъ школахъ, естественнымъ образомъ оказывала сильное вліяніе и на польскую литературу. Всего замѣтнѣе это вліяніе на проповѣди, которая около этого времени получила въ Польшѣ развитіе преимущественно предъ другими родами литературныхъ произведеній; особенно этому развитію способствовала усиленная борьба съ протестантизмомъ. Простота, строго-религіонный тонъ иногда полемическій, иногда обличительный, дѣлали произведенія этого времени вполнѣ достойными вниманія и полезными для слушателя. Этотъ характеръ проповѣди совершенно измѣнился въ рукахъ іезуитовъ. Для увлеченія слушателей, они прибѣгали въ своихъ

произведеніяхъ къ такимъ приѣмамъ, которые никакъ не гармонировали съ важностью задачи церковнаго оратора. Дѣльное толкованіе св. писанія замѣнилось самымъ безсодержательнымъ пустословіемъ; строгая важность произведеній XVI вѣка — шутивымъ тономъ. Тогдашніе проповѣдники всего болѣе обращали вниманіе на виѣшнюю одѣлку своихъ рѣчей; интересные разсказы, часто не идущіе совершенно къ дѣлу, нестрили ихъ проповѣди: концерты, т. е. замысловатые и запутанные вопросы были въ большой модѣ между ними; они старались озадачить слушателя, привести его въ недоумѣніе и вотомъ ловко и остроумно разъяснить непонятный вопросъ. Сравненія, самыя натянутыя, самыя смѣшныя, доходящія даже до кощунства, были весьма употребительнымъ приѣмомъ *).

Самыми блестящими представителями польской проповѣди были въ концѣ XVI вѣка Петръ Скарга, а въ XVII — Тома Млодзиневскій, особенно важные для насъ тѣмъ, что всего болѣе оказали вліянія на западно-русское проповѣдничество.

Петръ Скарга по своей литературной дѣятельности стоитъ на рубежѣ двухъ различныхъ направленій польской духовной литературы. Возпитанный въ Краковской академіи, онъ еще держался въ своихъ сочиненіяхъ той простоты и естественности, которою отличались дѣятели досхоластической литературы, и хотя онъ былъ едва ли не самымъ первымъ членомъ іезуитскаго ордена изъ Поляковъ, однако на его произведеніяхъ еще совершенно не замѣтно вліянія новаго направленія, занесеннаго ими. Его церковныя проповѣди отличаются тѣми же характеристическими чертами, какъ и произведенія проповѣдниковъ XVI вѣка. Основательность сужденія, серьезное толкованіе св. писанія, простота рѣчи дѣлаютъ его проповѣдь истинно художественной.... Но для характеристики Скарги, какъ дѣятеля литературнаго и политическаго, гораздо важнѣе его полемическія сочиненія и такъ называемыя политическія рѣчи. Скарга былъ полякъ въ полномъ смыслѣ

*) Какъ дико и неумѣстно бывали эти сравненія, можетъ служить примѣромъ слѣдующее: проповѣдникъ Барковскій въ проповѣди на день св. Стефана сравниваетъ его съ вѣтухомъ, на томъ основаніи, что Стефанъ значить вѣнецъ, а вѣтухъ родится съ вѣнкомъ на головѣ, что вѣтухъ воетъ съ ужами и коршунами, а св. Стефанъ съ глухими змѣями, каковы жиды.

(См. Млицевича) „Польскій проповѣдникъ XVII вѣка“ Тр. К. Акад. 1870 г.)

этого слова. Горячо любя свою родину, онъ въ то же время увлекался прекрасной фантазіей религіознаго единства Польши, которое могло существовать только въ воображеніи католика, искренно преданнаго своей вѣрѣ. Онъ видѣлъ признаки близкаго паденія своей дорогой отчизны, но былъ убѣжденъ, что Польша можетъ существовать только своей ревностью къ католицизму; его идеаль церковнаго единства Польши мѣшалъ ему здраво разсуждать о недостаткахъ современнаго общества и вмѣсто того, чтобы проповѣдывать терпимость и всеобщую свободу, которая одна могла поддержать Польшу, онъ всѣми силами старался побудить своихъ соотечественниковъ путемъ притѣсненій обратить всѣхъ схизматиковъ и еретиковъ въ католичество.

Теократія въ духѣ папскаго господства была особенно ему любезна, что можно видѣть изъ того мѣста его полемической книги: „*О единствѣ церкви Божіей и о грѣшномъ отъ этого единства отступленіи*“, гдѣ онъ утверждаетъ, что въ церкви Русской не будетъ порядка вслѣдствіе вмѣшательства свѣтскихъ въ ея дѣла. Не свѣтскіе люди должны указывать церкви, но духовенство должно управлять государствомъ—вотъ его основное убѣжденіе. То же самое проповѣдуетъ онъ и въ своихъ политическихъ рѣчахъ. Поэтому Скарга не любитъ той шляхетской вольности, которою гордились Поляки; онъ вооружается противъ всѣхъ прерогативъ дворянства, противъ безопасности и политическихъ раздоровъ и предсказываетъ гибель своимъ соотечественникамъ при подобномъ состояніи государства. Его полемическія сочиненія, имѣвшія близкое отношеніе къ униі, важны для насъ именно этимъ самымъ; наиболѣе интересное произведеніе въ этомъ родѣ это — только что упомянутый трактатъ: „*О единствѣ церкви Божіей и т. д.*“ въ которомъ очень прозрачно высказывается взглядъ католиковъ на унию, какъ на переходную ступень изъ православія въ католичество. Трактатъ этотъ дѣлится на три части, изъ которыхъ двѣ первыя посвящены историческому и догматическому изслѣдованію о раздѣленіи церквей, а третья — очерку состоянія Русской церкви: въ этой же части рекомендуется уния, какъ средство улучшенія ея несчастнаго положенія. Здѣсь особенно характеренъ одинъ взглядъ Скарги, именно взглядъ на просвѣщеніе: „нѣтъ и не будетъ, говоритъ онъ, такого коллегіума, гдѣ бы философія, богословіе и др. науки преподавались не на латинскомъ языкѣ“.... Произведенія

Скарги оказали значительное вліяніе на Русскую югозападную литературу, такъ какъ слава его не могла не достигнуть до православныхъ, имѣвшихъ даже возможность слышать его лично, но вліяніе это въ значительной степени парализировалось тѣми отношеніями, въ которыхъ онъ находился къ Русскимъ и православію. Даже пока русскіе литературные дѣятели получали образованіе въ братскихъ школахъ въ духѣ греческомъ, онъ не имѣлъ почти никакого значенія, и только уже послѣ его смерти, когда литература русская подчинилась польскому вліянію, Скарга сдѣлался недостижимымъ авторитетомъ въ проповѣди, хотя ему всетаки мало подражали, такъ какъ онъ не отличался тѣми качествами, которыя цѣнились тогда, т. е. искусственнымъ краснорѣчіемъ и натянутымъ остроуміемъ. Его краснорѣчіе, лишенное всякаго риторизма, но тѣмъ неменѣе увлекательное, не могло производить впечатлѣнія на публику, избалованную шутивымъ и легкимъ тономъ схоластической проповѣди; поэтому, повторяемъ, онъ былъ очень уважаемъ, но ему мало подражали. Гораздо болѣе по вкусу приходились Русскимъ проповѣдники въ такомъ родѣ, о которомъ мы говорили выше. Во второй половинѣ XVII вѣка особенно выдавался между польскими проповѣдниками и особенно былъ цѣнимъ въ Западной Руси — Оома Млодзюновскій. *)

Оома Млодзюновскій жилъ и дѣйствовалъ въ то время, когда схоластическая проповѣдь достигла высшей степени развитія, и дѣйствительно на немъ всего рельефнѣе отразился поворотъ въ польскомъ проповѣдничествѣ, произведенный іезуитами, особенно, если сравнить его съ блестящимъ предшественникомъ Скаргой, съ которымъ онъ имѣетъ много общаго. Таже любовь къ родинѣ, тѣже убѣжденія въ пользѣ уничтоженія диссидентовъ, тѣже горячія нападки на распущенность современнаго общества составляютъ содержаніе его „казаній“. Но какая разница въ изложеніи! Въмѣсто прекраснаго, часто доходящаго до поразительнаго величія изложенія Скарги, насъ поражаютъ въ произведеніяхъ Млодзюновскаго приемы шутиво юмористической проповѣди схоластиковъ — іезуитовъ, за которыми исчезаетъ вся сила убѣжденія и обличенія. Имѣя богатый запасъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ путешествій по Востоку и Европѣ (гдѣ онъ провелъ много

*) См. Мацѣевича: „Польскій проповѣдникъ XVII вѣка.“ Тр. К. Ак. 70 и 71 г.

лѣтъ), онъ на каждомъ шагу приводитъ занимательные рассказы. Его доказательства и сравненія не менѣе дики, чѣмъ приведенныя выше; но все это было не болѣе, какъ дань испорченному вкусу слушателей, искавшихъ въ проповѣди не наставленій и разъясненій, но интересныхъ новостей и свѣдѣній,—и если рѣчь проповѣдника не была украшена новыми цвѣтами остроумія, если нечему было удивиться, нечему посмѣяться, то слушатели, по словамъ самого же Млодзяновскаго, начинали или разговаривать, или просто-на-просто дремать. Но, какъ мы сказали, за непривлекательной для насъ внѣшностью рѣчей Млодзяновскаго кроется содержаніе, достойное лучшей формы, и часто онъ, покинувъ кривляніе и отвратительное фразерство, является передъ слушателемъ во всемъ блескѣ истиннаго ораторскаго таланта; это особенно бывало тогда, когда онъ начиналъ говорить о дорогой, возлюбленной по погибающей отчизнѣ, а къ ней онъ обращался въ каждомъ словѣ. Отъ этого въ его проповѣдяхъ всегда замѣтна рѣзкая разница между началомъ проповѣди, гдѣ онъ является предъ нами въ качествѣ льстиваго панегириста, и концомъ, гдѣ проявляется весь его талантъ, на минуту освобождаясь отъ оковъ схоластическихъ правилъ, и гдѣ постоянно слышится неподдѣльное чувство тоски о милой родинѣ. Къ сожалѣнію, наши Русскіе проповѣдники заимствовали только внѣшніе приемы первой части: для нихъ было чуждо одушевленіе автора, которымъ отличалась обыкновенно вторая часть его „казаній“.

Еще задолго до начала литературной дѣятельности Млодзяновскаго, но уже въ то время, когда для Польскаго просвѣщенія наступилъ новый періодъ, характеристической чертой котораго является вліяніе іезуитской схоластики, и который вслѣдствіе этого носитъ насмѣшливое названіе макароническаго, въ Кіевѣ возникло учебное заведеніе, имѣвшее цѣлію пересадить эту схоластическую образованность изъ Польши на Русскую почву, чтобы такимъ образомъ окончательно овладѣть всѣмъ, чѣмъ были такъ могущественны враги православія. Не смотря на быстрое распространеніе школъ, не смотря на то, что образованіе, получаемое въ этихъ школахъ, было далеко не недостаточно, русскій народъ еще не много могъ выставить противъ іезуитовъ защитниковъ своей вѣры и народности, и имя русскаго все еще было синонимомъ невѣжды. Это происходило, какъ уже ранѣе замѣчено, вслѣдствіе того, что обра-

зованіе, получаемое въ братскихъ школахъ, хотя и отличалось многими достоинствами, но всетаки уступало образованію іезуитскихъ коллегіумовъ, такъ какъ въ школахъ греческаго направленія науки преподавались не въ строгой систематической послѣдовательности, и ученики ихъ, обладая богатымъ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній, не имѣли такой научной подготовки, какой отличались воспитанники іезуитовъ. Поэтому они естественно не были людьми учеными въ глазахъ современнаго общества и не могли успѣшно бороться съ католицизмомъ, имѣвшимъ въ ряду своихъ ревнителей людей, получившихъ систематическое образованіе. На помощь русской вѣрѣ явилась Кіевская коллегія, которая имѣла цѣлю дать русскому юношеству образованіе, одинаковое съ образованіемъ Польковъ, снабдить его всеми тѣми научными средствами, которыми были такъ богаты враги Іезуитскія коллегіи съ схоластическимъ направленіемъ были самыми пригодными для этого: здѣсь можно было заимствовать научныя формы, вложивъ въ нихъ содержаніе въ духѣ православія.

Тогдашняя ученость заключалась въ систематически—послѣдовательномъ усвоеніи различныхъ научныхъ формулъ и въ многочисленныхъ упражненіяхъ ихъ примѣненія на всякій ладъ. *Non multa, sed multum*—было основнымъ правиломъ іезуитской педагогіи. Поэтому схоластическая наука, обращавшая преимущественно свое вниманіе на внѣшность, очень удобно могла быть перенесена въ православныя училища, гдѣ и примѣнялись выработанныя ею формы къ изученію наукъ въ духѣ православія. Но если эта реформа въ образованіи русскаго юношества и достигла своей цѣли, все таки она дорого обошлась русскому обществу. Умственная ломка, безцѣльное зазубриваніе правилъ, безконечныя діалектическіе споры приучали русскихъ юношей обращать слишкомъ много вниманія на слова и красивыя формы, часто въ ущербъ содержанію. При этомъ молодой человекъ, набившій себѣ голову всевозможными вокабулами и формами, приобретающій навыкъ въ говореніи, считалъ себя вправѣ гордиться своей ученостью и съ презрѣніемъ относиться къ необразованнымъ соотечественникамъ. А это возбуждало, въ свою очередь, въ простомъ народѣ ненависть къ ученымъ и такимъ образомъ вносило вредный раздоръ въ среду самихъ Русскихъ. Главнымъ поводомъ къ неудовольствію западно-русскаго народонаселенія противъ ученыхъ было предпочтеніе, оказываемое

западно — католической наукѣ и латинскому языку, такъ ненавистному въ то время для всякаго православнаго хлопа или казака. Безусловное уваженіе въ преподаваніи богословія къ западнымъ схоластикамъ не рѣдко имѣло слѣдствіемъ то, что ученики незамѣтно усвоивали многое, несогласное съ ученіемъ православной церкви и потомъ въ своихъ сочиненіяхъ проводили мнѣнія, явно образовавшіяся подъ вліяніемъ католицизма — какъ напр. извѣстный Симеонъ Полоцкій — чѣмъ они безсознательно помогали распространенію католицизма и уніи. Главнымъ недостаткомъ образовательной реформы XVII вѣка было то, что, обратившись къ католическимъ ученымъ за наукой, оставили безъ вниманія греческое богословіе и греческихъ духовныхъ писателей, которые могли бы предохранить учениковъ отъ безсознательнаго усвоенія мнѣній, несогласныхъ съ православіемъ. Но какъ-бы то ни было, образованіе русскаго юношества въ началѣ XVII вѣка приняло новое направленіе. Теперь мы перейдемъ къ исторіи важнѣйшаго разсадника новой науки — кіевскаго коллегіума — и къ дѣятельности его великаго основателя — Петра Могилы.

II. Андреевъ, ученикъ VII кл. Вологодской гимназіи.

III.

Кіево-Могилянскій коллегіумъ; уставъ коллегіума; его цѣли; учебная и воспитательная часть коллегіума.

Въ 1615 г., послѣ пожара, истребившаго училищный домъ, нѣкто Галшка, урожденная Гулевичъ, жена Мозырскаго маршалка Лозки, пожертвовала въ пользу Кіево-Богоявленскаго братства мѣсто и нѣсколько строеній для школы и монастыря, подѣ тѣмъ однако условіемъ, чтобы эти имѣнія находились постоянно въ рукахъ православныхъ и подѣ вѣдомствомъ одного только Константинопольскаго патріарха; притомъ потомству своему дала право за несоблюденіе вышеуказанныхъ условій отнять даръ у братства и передать имѣніе въ другія руки. Въ 1620 году Іерусалимскій патріархъ Теофанъ утвердилъ уставъ новой школы, который намъ не извѣстенъ, но, по всей вѣроятности, онъ не отличался отъ уставовъ прочихъ братскихъ школъ ничѣмъ, кромѣ того только, что въ школѣ Кіевского братства изучался языкъ польскій, какъ показываетъ самое названіе ея, упомянутое въ грамотѣ Теофана: „Школа Еллино-славянскаго и Латино-польскаго письма.“ Этому училищу надлежало имѣть болѣе продолжительное и болѣе полезное существованіе, чѣмъ другимъ братскимъ школамъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ утвержденія устава школа была преобразована въ „коллегію“ митрополитомъ Кіевскимъ Петромъ Могилою.

Петръ Могила принадлежалъ къ одному изъ самыхъ знатнѣйшихъ и древнѣйшихъ родовъ Молдавскихъ; онъ какъ говорятъ, слушалъ лекціи въ Парижскомъ университетѣ, главнымъ разсадникѣ средне-вѣковой схоластики. Пріѣхавъ изъ за границы, онъ поступилъ въ Польскую военную службу, но не имѣя еще 30 лѣтъ отъ роду, постригся въ 1625 году въ монахи Кіево-Печерской Лавры. Знатное происхожденіе, не смотря на молодость, доставило ему возможность заступить мѣсто (черезъ годъ умершаго послѣ вступленія Могилы въ монашескій санъ) архимандрита Лавры, Захарія Коныстенскаго, не смотря на то, что въ этомъ дѣлѣ были у него и противники. Новый архимандритъ оказался чрезвычайно дѣятельнымъ человекомъ; особенное вниманіе обратилъ онъ на образованіе и нравственность духовенства въ подвластныхъ ему монастыряхъ и сельскихъ церквахъ; онъ заставлялъ малограмотныхъ священниковъ учиться; невѣждъ и людей безнравственныхъ удалялъ отъ мѣстъ.

Могила вполне понял недостаточность тогдашняго образованія, зналъ какія важныя послѣдствія могло бы оно принести для Руси и потому задумалъ основать высшее учебное заведеніе при монастырѣ на подобіе іезуитскихъ коллегій. Чтобы привести эту мысль въ исполненіе, необходимо было сначала позаботиться о наставникахъ заведенія; съ этой цѣлью онъ отправилъ за границу, на свой счетъ, нѣсколькихъ молодыхъ людей, между которыми находились знаменитые впоследствии: Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій, Тарасій Земка и Иннокентій Гизель. Узнавъ о планахъ архимандрита, старѣйшины Кіевского Богоявленскаго братства обратились къ нему съ просьбой, не заводить новаго училища, а средства, предназначенныя на него, употребить на улучшеніе и преобразование братской школы. Могила, вполне сознавая разумность такого предложенія, согласился на него и въ 1631 году было составлено условіе между нимъ и братствомъ, по которому Могила былъ назначенъ старшимъ братомъ, блюстителемъ и пожизненнымъ опекуномъ братства. Въ это время произошло большое измѣненіе въ положеніи православной церкви: въ 1632 году умеръ король Сигизмундъ III, и на польскій сеймъ, собравшійся для избранія новаго короля, во главѣ русской депутаціи, посланной для ходатайства о различныхъ правахъ христіанской церкви, былъ отправленъ Петръ Могила. Отъ польскаго правительства между прочимъ требовали возвращенія всѣхъ православныхъ церквей отнятыхъ у русскихъ, и безусловнаго права заводить училища. Но не смотря на всѣ старанія и происки Петра Могила, русскимъ удалось выхлопотать отъ сейма возвращенія только нѣсколькихъ церквей, о чемъ и составленъ былъ меморіаль. Вновь избранный король Владиславъ, отличавшійся своими свободными взглядами на дѣла вѣры, по вступленіи своемъ на престолъ, далъ православнымъ довольно широкія права. Представители русскаго народа, сознавая громадную услугу, которую оказалъ православнымъ Могила, тутъ же выбрали его въ митрополиты, не смотря на то, что Исаія Копинскій, занимавшій эту должность съ 1631 года, былъ живъ. Рукоположенный во Львовѣ Волошскимъ митрополитомъ и епископами, утвержденный королевскою грамотою въ санъ митрополита, Могила съ торжествомъ возвратился въ Кіевъ. Новый митрополитъ привелъ въ порядокъ одну изъ драгоцѣнныхъ святынь Русскаго народа и обратилъ вниманіе на исправленіе мно-

гихъ нестроений, происшедшихъ въ церкви во время смутнаго царствованія Сигизмунда. О литературныхъ занятіяхъ и трудахъ Петра Могилы мы скажемъ при обзорѣ литературы этого періода, а теперь бросимъ взглядъ на его просвѣтительную дѣятельность, на его заботы объ образованіи. Имѣя въ рукахъ королевское разрѣшеніе на преобразование школы Кіевского Богоявленскаго братства, выхлопотанное во время пребыванія на сеймѣ, Могила немедленно принялся за исполненіе своего завѣтнаго плана. Посланные имъ за границу молодые люди возвратились, и теперь, слѣдовательно, не было недостатка въ опытныхъ наставникахъ. Братская школа была преобразована въ коллегію, которая въ честь ея образователя получила названіе „Кіево-Могилянскоі коллегіи“. При новомъ, высшемъ учебномъ заведеніи былъ построенъ братскій монастырь и типографія, подчиненные Кіевскому митрополиту. Петръ Могила измѣнилъ не только собственно учебную часть училища, но далъ ему совершенно новыя дисциплинарныя правила. Коллегія находилась подъ вѣдѣніемъ ректора, который въ то же время былъ игуменомъ братскаго монастыря и преподавателемъ богословія; онъ же творилъ судъ и расправу, завѣдывалъ монастырскими и училищными доходами и вообще экономическою частью. Кромѣ всѣхъ этихъ обязанностей на немъ лежалъ, какъ и на всѣхъ наставникахъ и воспитателяхъ коллегіи, надзоръ за поведеніемъ учениковъ какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея. Помощникомъ ректора былъ префектъ, одинъ изъ іеромонаховъ, главной обязанностью котораго было наблюденіе за поведеніемъ учениковъ,—его должность отчасти равнялась должности нынѣшняго инспектора. Кромѣ этихъ двухъ высшихъ властей изъ учителей низшихъ классовъ выбирался суперъ-интендентъ; онъ былъ обязанъ имѣть ближайшій надзоръ не только за поведеніемъ учениковъ, но и за ихъ матеріальными средствами и положеніемъ: онъ долженъ былъ знать нужды воспитанниковъ, ихъ званія, мѣста нахождения родителей, родственниковъ, попечителей. Надзоръ надъ учениками не ограничивался наблюденіемъ властей. Изъ іезуитскихъ школъ Польши, откуда заимствовано было по большей части все внѣшнее устройство коллегіи, перешелъ въ нее и обычай заставлять нѣкоторыхъ учениковъ, болѣе благонаправныхъ, подсматривать за своими товарищами,—обычай не всегда заслуживающій одобренія, часто имѣвшій вредное вліяніе на нравственное развитіе учащихся. Въ коллегіи существо-

валъ обычай выбирать изъ среды учениковъ нѣсколькихъ, которымъ поручались различныя обязанности. Таковы были: сеньоры, инспекторы, визитаторы, цензора, директора. Сеньоры выбирались изъ учениковъ, благонадежныхъ по успѣхамъ и поведенію изъ высшихъ и среднихъ классовъ; обязанность сеньора состояла въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ воспитанниками школьныхъ обязанностей и особенно за поведеніемъ ученика. Инспекторы были двухъ родовъ: одни изъ нихъ состояли въ качествѣ домашнихъ учителей для малолѣтнихъ воспитанниковъ, другіе по своимъ обязанностямъ были нѣчто среднее между суперъ-интендентомъ и сеньорами; инспекторъ-репетиторъ назывался также и директоромъ. Обязанность визитаторовъ состояла въ наблюденіи за поведеніемъ не только „рядовыхъ“ воспитанниковъ, но и сеньоровъ, и инспекторовъ; они были явными и тайными. Для соблюденія надлежащаго порядка въ классахъ, преимущественно въ низшихъ, въ отсутствіе преподавателя, избирались цензора; они же обязаны были наблюдать за чистотою, теплотою и цѣлостію въ классахъ казенныхъ вещей. Кромѣ того въ каждомъ классѣ былъ свой „калѣфаторъ“, который производилъ тѣлесное наказаніе своимъ товарищамъ за ихъ шалости и проказы. Такимъ образомъ въ новой коллегіи замѣчается существенная разница воспитательной системы сравнительно съ братскими школами: вмѣсто любви и простыхъ дружескихъ отношеній воспитанниковъ братскихъ школъ, въ коллегіи поддерживалась система доносовъ и влѣдствіе этого господствовала разрозненность и несогласіа.

При коллегіи существовала такъ называемая „бурса“, гдѣ жила часть учениковъ на счетъ Могилы, а въ послѣдствіи на доходы коллегіи и пожертвованія; остальные жили на квартирахъ или при церквяхъ; положеніе послѣднихъ было особенно печально: они часто должны были питаться милостыней. Мы не будемъ распространяться о правилахъ для „бурсаковъ“; замѣтимъ только что на первомъ планѣ постоянно стояли религиозныя обряды, т. е. молитвы, чтеніе книгъ св. писанія во время стола и т. п. Занятія учениковъ начинались въ 6 часовъ утра и продолжались до 10, потомъ съ 1-го часа снова начинались и продолжались до 5-ти часовъ вечера. Въ обращеніи съ учениками не допускалось грубости даже на словахъ: учитель былъ обязанъ обращаться вѣжливо и прилично, а главное не имѣть любимцевъ что можетъ дать поводъ къ несправедливостямъ. Каждый празд-

никъ воспитанники присутствовали при богослуженіи, приче́мъ они пѣли и читали на клиросѣ и исполняли обязанности причетниковъ и служителей. За поведеніемъ въ церкви строго слѣдили: пересмѣшки, разговоры, даже улыбки строго воспрещались. Передъ богослуженіемъ и послѣ него всѣ слушали объясненіе Евангелія или священныя рассказы, что было, какъ уже упомянуто, въ обычаѣ и въ братскихъ школахъ. Свободное отъ занятій время ученики младшихъ классовъ употребляли на игры, а старшіе занимались въ это время пѣніемъ, рисованіемъ или музыкою.

Обозрѣвая эти правила, мы невольно сопоставляемъ ихъ съ дисциплиной братскихъ школъ; замѣчаемъ значительную перемену учителей къ воспитанникамъ: здѣсь нѣтъ уже той привлекательной простоты, которая господствовала въ братскихъ школахъ, здѣсь болѣе официальное, строгое обращеніе. Проводя сравненія дальше, мы видимъ, что главная—то цѣль какъ коллегіи, такъ и братскихъ школъ одна и таже: какъ та, такъ и другая стремится пріучить юношество къ серьезному исполненію церковныхъ обрядовъ, внушить имъ любовь и преданность вѣрѣ и укрѣпить въ нихъ православіе. Самое рѣзкое и самое важное различіе замѣтно собственно въ учебной части. Мы имѣли случай подробно говорить о тѣхъ причинахъ и поводахъ, вслѣдствіе которыхъ греческое направленіе братскихъ школъ замѣнялось латинскимъ; теперь посмотримъ, въ чемъ выразилась эта перемена. Если въ братскихъ школахъ греческій языкъ предпочитался латинскому, то въ Киевской коллегіи было наоборотъ: латинскій языкъ здѣсь былъ языкомъ разговорнымъ, на немъ преподавались всѣ науки, за исключеніемъ славянской грамматики и катихизиса; всѣ должности, всѣ вещи носили латинскія имена, какъ напр. ректоръ, префектъ, цензоръ, аудиторія и др., тогда какъ въ школахъ братскихъ ту же роль играетъ греческій языкъ; въ коллегіи этотъ послѣдній стоялъ на той же ступени, на какой въ школахъ съ греческимъ направленіемъ стоялъ латинскій. Отличіе въ преподаваніи остальныхъ наукъ составляло то, что здѣсь читался полный, систематическій курсъ по образцу іезуитскихъ школъ; здѣсь также является раздѣленіе на классы, что въ братскихъ школахъ, кромѣ нѣкоторыхъ, было неупотребительно. Обращаясь къ обзору преподаванія наукъ, замѣтимъ, что вся коллегія раздѣлялась на двѣ конгрегаціи, изъ которыхъ младшая состояла изъ шести, а старшая изъ двухъ классовъ. Это раздѣленіе на классы заимствовано изъ

іезуитскихъ коллегій. Классы носили слѣд. названія: фара (или аналогія), инфима, грамматика, синтаксима, поэзія, риторика, философія и богословіе. Въ фарѣ занимались первоначальнымъ обученіемъ въ чтеніи и письмѣ и не только на славянскомъ языкѣ, но также на латинскомъ и греческомъ; впоследствии въ этомъ классѣ преподавались и нѣкоторыя грамматическія правила, краткій катихизисъ, начатки ариѳметики и пѣнія. Надо замѣтить, что этого класса не было въ іезуитскихъ коллегіяхъ, а въ Кіевской онъ былъ собственно подготовительнымъ для занятій въ слѣдующихъ классахъ. Въ инфимѣ сообщались ученикамъ самыя краткія свѣдѣнія изъ разныхъ наукъ, особенное же вниманіе обращалось на латинскій языкъ, который изучался по знаменитой грамматикѣ Альвара; изъ нея преподавалась только первая часть, какъ и у іезуитовъ, носившая названіе „rudimenta“ и заключавшая въ себѣ первоначальныя правила латинской грамматики. Для упражненія учениковъ здѣсь занимались переводами со строгимъ грамматическимъ разборомъ и съ этого же класса ученики начинали говорить по латыни. Классъ грамматики почти исключительно занимался языками. Здѣсь кончались грамматики: латинская, греческая и славянская, продолжались упражненія въ переводахъ, причѣмъ разборъ дѣлался также на латинскомъ языкѣ и очень часто задавались письменныя работы. Въ этомъ классѣ всѣ были уже обязаны даже внѣ школы говорить на латинскомъ языкѣ. Относительно остальныхъ наукъ нужно замѣтить, что въ „грамматикѣ“ только повторялось все пройденное въ предъидущихъ классахъ. Изученіе языковъ оканчивалось въ Синтаксимѣ, гдѣ проходилась такъ называемый „краснорѣчивый синтаксисъ“, и ученики упражнялись въ составленіи письменныхъ упражненій, въ которыхъ обращалось вниманіе не только на грамматическую правильность языка, но и на стилистическія особенности слога. Здѣсь переводили Сульпиція и письма Цицерона; кромѣ языковъ занимались изученіемъ краткаго катихизиса, географіи и исторіи священной, всеобщей и русской. Четыре разсмотрѣнные класса составляли низшіе классы коллегіи; въ нихъ, какъ можно видѣть, все преподаваніе состояло въ твердомъ изученіи языковъ, преимущественно латинскаго. Учебникомъ, которымъ руководствовались при его изученіи, была вышеупомянутая грамматика Альвара. Это растянутое, темное и безтолковое руководство было самымъ употре-

бительнымъ въ іезуитскихъ школахъ, откуда перешло и въ Кіевъ; однако наставники понимали все неудобство такого руководства и обыкновенно облегчали учениковъ, заставляя ихъ учить грамматическія правила по своимъ собственнымъ рукописнымъ лекціямъ. Языкъ болѣе усваивался практически: уже съ инфимы воспитанники начинали говорить на латинскомъ языкѣ; кромѣ того для большаго побужденія ихъ къ такому разговору въ коллегіи былъ заимствованъ отъ іезуитовъ такъ называемый „Калькулюсъ“, состоявшій изъ листа бумаги, вложеннаго въ футляръ, который надѣвался на шею ученику, сказавшему что-нибудь не на латинскомъ языкѣ, а этотъ могъ передать его другому, сдѣлавшему тотъ же проступокъ или сказавшему неприличное слово; такимъ образомъ калькулюсъ переходилъ изъ рукъ въ руки, а тотъ, кто имѣлъ несчастіе оставить его у себя вечеромъ, подвергался обычному въ то время наказанію розгами. Впрочемъ, къ занятіямъ ученики побуждались не одними наказаніями, но также и наградами: прилежнѣйшихъ учениковъ отличали почетнымъ именемъ сенаторовъ и разсаживали на переднихъ скамьяхъ, а остальные составляли популюсъ, который сидѣлъ на заднихъ скамейкахъ. Изъ сенаторовъ выбирались аудиторы, на обязанности которыхъ лежало спрашивать своихъ товарищей и отмѣчать ихъ знанія въ особыхъ журналахъ; послабленій со стороны аудиторовъ своимъ товарищамъ не позволялось да и быть не могло, потому что ихъ отмѣтки часто провѣрялись учителями и въ случаѣ несправедливости или пристрастія аудиторъ изгонялся изъ сенаторовъ. Подобныя средства побуждали учениковъ выставять себя на видъ среди товарищей и обращать на себя вниманіе наставниковъ. Таковы были порядки и программа низшихъ классовъ коллегіи, откуда воспитанникъ понадалъ въ средній классъ — поэзіи. Особенно заманчивы были средніе и высшіе классы, такъ какъ тутъ проходились уже науки, и ученики могли заявить о себѣ внѣ стѣнъ заведенія своими виршами и ораціями.

Прежде чѣмъ сказать о занятіяхъ этого класса, остановимся на поэзіи того времени. Принявши всѣ средне-вѣковыя знанія чрезъ посредство іезуитовъ, кіевскіе ученые перенесли и поэзію среднихъ вѣковъ въ русскую литературу, но не ту изящную, полную чувства, рыцарскую поэзію трубадуровъ, миннезингеровъ и менестрелей, которая послужила началомъ позднѣйшей лирики, а сухую, школьную поэзію монаховъ-схоластовъ, лишенную всякаго истинна-

го одушевленія и полную трескучихъ и пышныхъ оборотовъ. Поэзія этого рода воспиталась на классическихъ произведеніяхъ преимущественно римскихъ поэтовъ. Величайшимъ образцомъ средне-вѣковыхъ стихотворцевъ былъ Виргилій, который больше приходился имъ по вкусу, чѣмъ Гораций и Овидій, произведенія которыхъ дышать всегда чувствомъ и полны внутренняго содержанія. Энеида была понятнѣе для нихъ, ея внѣшнія достоинства доставляли массу подражателей, которые за блестящей отдѣлкой стиха, хотя и не вездѣ выдержанной, за роскошными, но слишкомъ правильными картинами, не видѣли всей пустоты содержанія поэмы. Плодомъ увлеченія Энеидою явилось множество поэмъ, которыя и утвердили въ средне-вѣковой литературѣ господство формы и внѣшности. Въ Кіевѣ поэзія окончательно перешла въ пустое, часто лишенное смысла, хитросплетеніе. При такомъ состояніи поэзіи не удивительно, что въ кіевской коллегіи, не смотря на извѣстное изреченіе: „*poëtae nascuntur, oratores fiunt*“, пытались сдѣлать учениковъ поэтами и вполнѣ достигали своей цѣли: воспитанники выходили изъ ея стѣнъ ловкими виршеслагателями, равно искусными во всякомъ родѣ стихотворныхъ произведеній, что тогда и требовалось духомъ времени. Пѣтика въ учебникахъ того времени раздѣлялась на двѣ части: общую и прикладную. Въ первой излагаются общія правила стихосложенія, во второй идетъ рѣчь о разныхъ видахъ поэтическихъ произведеній. Поэзія опредѣлялась такъ: „поэзія есть наука — стихомъ выражать подражаніе дѣйствіямъ человѣческимъ“. Изъ этого опредѣленія ясно, что въ пѣтикѣ отличались: внѣшняя сторона — стихъ и внутренняя — подражаніе. „Подражаніе есть изображеніе другой вещи“ или „подражаніе есть произведеніе образовъ“, говорится въ учебникахъ. Подражаніе было двоякое: „подражаніе природы“ и „подражаніе труда“. Подражаніе природы есть „изображеніе какого-нибудь правдоподобнаго предмета“ т. е. тоже, что вымыселъ; подражаніе труда или въ трудѣ есть „сходство въ изобрѣтеніи, или въ расположеніи, или въ выраженіи“. Второе мѣсто занимаетъ въ поэзіи стихъ, который сначала былъ латинскій, потомъ польскій и, наконецъ, славяно-русскій, образовавшійся по образцу перваго. Строеніе стиха было какъ латинское, классическое, такъ и средне-вѣковое, извѣстное подъ названіемъ курьознаго или забавнаго стиха. Къ курьозному стиху относится акростихъ во всѣхъ его видахъ, т. е. стихи,

написанные въ формѣ яйца, бокала, пирамиды, топора и т. п. фигуръ. Прикладная поэтика представляетъ способы приложенія теоретическихъ правилъ къ извѣстнымъ случаямъ или событіямъ.

Поэзія дѣлилась на четыре главные рода: на поэзію эпическую, драматическую, лирическую и эпиграмматическую. Эпическая поэзія считалась главою всѣхъ остальныхъ видовъ: „она такъ возвышается надъ ними, какъ герой надъ другими смертными; посему прочія поэтическія произведенія получаютъ свою силу отъ эпоса, какъ отъ царицы“. О драматической поэзіи въ руководствахъ поэтики говорится: „Драма или драматическая поэзія есть такая поэзія, въ которой другіе говорятъ, тогда какъ поэтъ молчитъ. Она раздѣляется на трагедію, комедію и траги-комедію“. „Трагедія или драма есть поэзія, дѣйствіемъ и рѣчью лицъ подражающая важнымъ дѣйствіямъ знаменитыхъ мужей и преимущественно несчастіямъ и бѣдствіямъ. Комедія есть такая поэзія, которая для устроенія жизни и, особенно, для искорененія худыхъ нравовъ людей общественныхъ и частныхъ, въ дѣйствіи воспроизводитъ дѣянія народа и выражаетъ ихъ рѣчью лицъ съ шутками и остроуміемъ“. Лирическая поэзія не имѣла одного цѣльнаго отдѣла; главную форму ея составляли оды, отличительной чертой которыхъ было величайшее самоуниженіе автора и чрезмѣрная лесть восхваляемому лицу, — „его можно сравнять даже съ Богомъ, но выше ставить нельзя“, по ученію поэтиковъ. Эпиграмматическая поэзія сначала имѣла значеніе простой надписи на монументахъ, но, потомъ, вошла въ составъ поэзіи и раздѣлялась на художественную эпиграмму, въ которой преобладалъ акростихъ, и на эпиграмму внутренняго содержанія, похожую на сатиру. Пристрастіе къ такимъ стихамъ, какъ акростихъ, не рекомендуетъ кievскихъ ученыхъ и заставляеть приходиться къ тому убѣжденію, что форма въ ущербъ содержанію преимущественно привлекала вниманіе поэтовъ, не смотря на то, что въ то время уже существовалъ болѣе серьезный взглядъ на поэзію.

Въ поэтическомъ классѣ ученики коллегіи знакомились со всѣми вышеизложенными правилами поэзіи и въ тоже время писали такъ называемыя экзерциціи. Кромѣ поэтики ученики этого класса проходили катихизисъ, математическія науки, географію и исторію. Во второмъ среднемъ классѣ, — риторикѣ — преимущественно занимались изученіемъ ораторскаго искусства, которое тогда пра-

вославленнымъ было болѣе чѣмъ необходимо. Сначала ученикамъ преподавалась теорія риторики, а затѣмъ они уже приступали къ практическимъ занятіямъ. Учебники риторики обыкновенно начинались общимъ введеніемъ, которое представляло рѣчь о достоинствахъ и необходимости ораторскаго искусства и заключало въ себѣ объясненія касательно названія, раздѣленія и цѣли науки. Самое изложеніе распадалось на двѣ части и нѣсколько главъ: въ 1-й главѣ чрезвычайно обширно излагается трактатъ о періодахъ, этихъ „вратахъ ведущихъ въ область краснорѣчія“, по выраженію одного учебника. Самыми лучшими образцами періодической рѣчи считались сочиненія Квинтилиана и особенно Цицерона, этого непогрѣшимѣйшаго авторитета въ риторикѣ, которому жадно подражали всѣ тогдашніе ораторы, о чемъ и идетъ рѣчь во 2-й главѣ. Самой трудной и самой важной главой была глава „о тронахъ и фигурахъ“. Удивительно, какимъ образомъ можно было заучить массу разныхъ фигуръ, когда напр. однихъ фигуръ мысли насчитывалось до семидесяти! Классомъ риторики заканчивалось младшее отдѣленіе (конгрегация) коллегіи, — два послѣдніе составляли уже старшее, въ которомъ все рѣзко отлччалось отъ предъидущихъ классовъ: здѣсь учились уже не дѣти, на каждомъ шагу нуждавшіяся въ руководствѣ наставника, здѣсь занимались люди взрослые, болѣе или менѣе развитые, которые уже сами въ состояніи были заниматься, почему и обязанность наставниковъ была только направлять, руководить ихъ занятіями; здѣсь уже не могло быть и мысли о различныхъ калькулюсахъ и потому подобныхъ иезуитскихъ ухищренійхъ для побужденія воспитанниковъ къ занятіямъ. Самыя науки, преподаваемыя въ отдѣленіяхъ коллегіи, отличались другъ отъ друга: не трудно замѣтить, что въ младшемъ отдѣленіи преподавались науки, не требующія большаго умственного развитія, а философія и богословіе, хотя бы и при той системѣ преподаванія, которая господствовала въ коллегіи, все таки доставляли не мало умственной работы. Философія преподавалась по Аристотелю или, лучше сказать, по средневѣковой системѣ схоластиковъ, которые изъ всего Аристотеля оставили только внѣшнюю форму. Философія въ учебникахъ, дошедшихъ до насъ, раздѣляется на три части: Логику (философію умственную), которой предшествуетъ діалектика, физику (философію естественную) и метафизику (философію божественную). Діалектика, предшествовавшая

логику, разсуждала о законахъ разума; собственнымъ предметомъ логики было приложеніе этихъ законовъ къ выраженію мыслей. На эту часть философіи всего болѣе обращалось вниманіе, такъ какъ для людей, приготовлявшихся вступить въ борьбу съ прекрасно владѣвшими діалектикой іезуитами и образованными уніатами, всего необходимѣе было подробное знакомство со всеми тонкостями этой науки, что и достигалось трудомъ не менѣе трехъ лѣтъ. Физика, въ которую входила также и психологія, основанная на Св. Писаніи и на толкованіяхъ схоластиковъ, и метафизика, трактовавшая о существахъ возможныхъ и безтѣлесныхъ, занимали сравнительно съ діалектикой и логикой второе мѣсто, и на нихъ употреблялось меньше времени. Къ этимъ тремъ частямъ философіи въ нѣкоторыхъ учебникахъ присоединяется и этика (наука о нравственности). Философскіе трактаты состояли изъ ряда диспуцій съ безчисленными подраздѣленіями. Аристотель, которымъ руководствовались Кіевскіе ученые, не всегда разрѣшалъ философскіе вопросы, и тогда они обращались къ средне-вѣковымъ схоластикамъ—философамъ и къ Св. Писанію. Въ классѣ философіи были также въ употребленіи практическія занятія—*диспуты* и т. назыв. *великія диссертаціи*. Диспуты состояли въ томъ, что предлагался на разрѣшеніе болѣе запутанный и спорный вопросъ; одинъ долженъ защищать его, а другой опровергать доводы первого; диспуты бывали домашніе, школьные и, наконецъ, публичныя.

Самымъ древнѣйшимъ руководствомъ по богословію должно признать „*Православное исповѣданіе католической вѣры*“ Козловскаго, о которомъ мы будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ при разборѣ литературы того времени. Такъ какъ „православное исповѣданіе,, есть книга, написанная лишь для того, чтобы всякому мало-мальски образованному человѣку дать возможность познакомиться съ основными догматами и обрядами православной вѣры, то, понятно, оно не могло удовлетворить требованіямъ и быть принято, какъ руководство въ высшемъ классѣ коллегіи. Поэтому, за неимѣніемъ другихъ, болѣе или менѣе подходящихъ руководствъ, наставники коллегіи въ богословскомъ классѣ должны были сами работать надъ составленіемъ учебниковъ и лекцій, причемъ, необходимо замѣтить, Кіевскіе богословы пользовались, какъ пособіемъ, трудами западныхъ схоластиковъ и особенно болѣе распространеннымъ въ іезуитскихъ школахъ Тоюмо Аквинатомъ. Само

собой понятно, что вышеупомянутая система богословія, проникнутая католическими взглядами, могла дать единственно только форму православнымъ учебникамъ. Богословскіе трактаты въ системахъ, изучаемыхъ въ коллегіи, были очень обширны, отчасти потому, что вмѣстѣ съ догматическимъ богословіемъ проходило полемическое и нравственное, отчасти же потому, что въ виду постоянной борьбы за православіе необходимо было будущихъ борцовъ подробно знакомить съ этимъ важнымъ предметомъ, на что употреблялось никакъ не меньше четырехъ лѣтъ. Учебники богословія состояли, обыкновенно, изъ двухъ частей: въ одной излагалось догматическое богословіе, въ другой -- полемическое, такъ что за какимъ-нибудь пунктомъ православнаго ученія слѣдовали возможныя на него возраженія и придирки, а затѣмъ опроверженіе ихъ. Кромѣ богословія въ богословскомъ классѣ преподавались: всеобщая исторія, священная герминевтика (наука, служащая къ объясненію Св. Писанія), пасхалія и каноническое право (т. е. совокупность правилъ, которыя даны церкви Спасителемъ, Апостолами и Святыми Отцами на 7 вселенскихъ и 9 помѣстныхъ соборахъ). Въ этомъ же классѣ преподавалась гомилетика. Средствами къ лучшему усвоенію проходимаго въ богословскомъ классѣ считались какъ и въ классѣ философіи, диспуты; письменныя же упражненія учениковъ состояли изъ сочиненій проповѣдей. Проповѣдь играла немаловажную роль въ то время: поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что гомилетика, наука о составленіи проповѣдей, была одной изъ самыхъ запутанныхъ. Дѣленіе проповѣдей по родамъ было чрезвычайно запутано и разнообразно: одни считали 4 основныхъ рода, другіе 3, 2 и даже одинъ. Способовъ составленія проповѣдей по руководствамъ, болѣе употребительнымъ и извѣстнымъ въ коллегіи, насчитывалось до двѣнадцати.

Переходя отъ обзора школьнаго образованія ю.-з. Руси къ литературѣ этой эпохи, нужно сказать нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которое оказывала школа на литературу. Пробывши въ коллегіи по меньшей мѣрѣ тринадцать лѣтъ, вполне понятно, что воспитанники долго и даже впродолженіи всей своей жизни не могли освободиться отъ всего школьнаго: всѣ приемы, изучаемые имъ въ школѣ, всѣ наклонности, развитыя ей, всѣ взгляды остаются на всю жизнь, они какъ бы прирастаютъ къ самому существу человѣка и не разлучаются съ нимъ. Школа передаетъ свое направленіе литературѣ, идетъ впереди ея, выпуская изъ своихъ стѣнъ

болѣе или менѣе важныхъ литературныхъ дѣятелей своего времени. Эти дѣятели въ своихъ сочиненіяхъ повторяютъ заученныя ими приемы и правила схоластическихъ наукъ, не имѣя ни малѣйшей способности подчинять сказанное ими хотя самой незначительной критикѣ.

IV.

Югозападная литература въ XVII ст. Полемическія сочиненія. Сочиненія научныя.

Главной побудительной причиной быстрого развитія литературы на ю.-з. Руси была унія. Русь раздѣлилась тогда на два враждебные лагеря, а такъ какъ католики и уніаты, главнымъ образомъ, дѣйствовали словомъ и сочиненіями, то понятно, что и оставшіеся вѣрными православію обратились къ такому же оружію для защиты своей вѣры.

Литературные памятники ю.-з. Руси второй половины XVII ст. удобнѣе всего разсматривать послѣдующимъ тремъ отдѣламъ: 1) Полемическая литература, 2) Научныя сочиненія и 3) Проповѣди.

А) Полемическая литература получила свое развитіе послѣ появленія уніи; первымъ противъ нея возсталъ въ своихъ проповѣдяхъ *Стефаній Зизаній*, который и былъ отлученъ за это отъ православной церкви перешедшимъ на сторону уніи митрополитомъ Киевскимъ Рагозой, какъ еретикъ, а потомъ православными епископами на Брестскомъ соборѣ объявленъ невиннымъ. Противъ Зизанія со стороны католиковъ появилась книга: „*Конколъ (плевелы), ктуры разсева Зизани*“, сочин. Жебровскаго, изданное въ 1595 году. Отвѣтомъ на это сочиненіе были изданы въ 1596 году Зизаніемъ „*слова (казанья) Св. Кирилла, патріарха Иерусалимскаго объ Антихристѣ*“, гдѣ авторъ утверждалъ, что вмѣстѣ съ уніей наступили времена Антихриста. Въ этомъ же году появился и отвѣтъ на книгу Зизанія: „*писмы Стефанка Зизаніевскаго*“. Всѣ вышеприведенныя сочиненія были только вступленіемъ въ ожесточенную полемику, которая началась послѣ Брестскаго собора. Въ 1597 году появились съ обѣихъ сторонъ описанія всего происходившаго на соборѣ: православное описаніе „*Ектезисъ*“ и католическое „*Синодъ Брестскій и оборона Брестскаго синода*“, составленное Скаргою, въ которомъ авторъ утверждалъ, что Брестскій соборъ незаконенъ; законно только то,

что сдѣлано митрополитомъ и епископами, т. е. уніа, потому что міряне не должны вмѣшиваться въ духовныя дѣла, а должны повиноваться пастырямъ. Отвѣтомъ на книгу Скарги явился: „*Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжки о соборъ Берестейскомъ, именемъ людій старожитной реліги Греческой, чрезъ Христофора Филалета* (псевдонимъ Христофора Бронскаго)“. Какъ и обыкновенно бываетъ при полемикѣ, Филалетъ всѣми силами напираетъ на основной взглядъ Скарги, именно относительно вліянія мірянъ на духовныя дѣла. Опроверженіе Филалета мнѣній и взглядовъ Скарги было такъ наглядно и неоспоримо, что католики ограничились только ругательнымъ сочиненіемъ: „*Антирризисъ*“, изданнымъ въ 1600 году, гдѣ авторъ, не имѣя доказательствъ противъ врага, прибѣгаетъ ко лжи и брани: „Авторъ Апокрисиса, говоритъ онъ между прочимъ, наполнилъ свою книгу такимъ множествомъ непристойныхъ и ложныхъ вещей, что и самъ діаволъ, изъ ада вылѣзши, не могъ большей неправды сочинить, какъ этотъ Христофоръ Филалетъ въ своихъ книжкахъ написалъ; по истинѣ, каждый можетъ назвать его „*diabolofor* и *philopseudis*, а не *Christum ferens et amator veritatis*.“ Апокрисисъ, изданный на польскомъ и западно-русскомъ языкахъ, благодаря дѣятельности іезуитовъ, скоро сдѣлался рѣдкостью. Немного спустя послѣ Апокрисиса появилось другое сочиненіе о дѣлахъ Брестскаго собора православнаго Львовскаго священника подъ заглавіемъ „*Перестрога* (предостереженіе) „*згло потребная на потомные часы православнымъ христіанамъ*“, заключающее много подробностей, довольно интересныхъ, но трудно читаемое вслѣдствіе отсутствія хронологіи и плана.

Находясь въ непрерывной полемикѣ, католики и православные дошли до сильнаго раздраженія, когда выступилъ на сцену *Мелетій Смотрицкій*. Смотрицкій еще при Острожскомъ занимался литературой и написалъ „*Вирии на отступниковъ*“, напечатанныя въ Острогѣ въ 1598 году. Онъ получилъ образованіе въ іезуитскихъ школахъ въ Вильнѣ и dokonчилъ его во время своего путешествія по Германіи, которое онъ совершилъ въ качествѣ наставника одного литовскаго пана. Возвратившись изъ этого путешествія, онъ принялъ дѣятельное участіе въ полемикѣ между православными и католиками. Въ 1610 году появилось его сочиненіе: „*Плачь восточной церкви*“ или „*Өренось*“, гдѣ

подъ псевдонимомъ Теофила Ороеолога, старался возбудить сочувствіе къ православію, яркими красками обрисовывая тогдашнее бѣдственное положеніе православнымъ и особенно выражая сожалѣніе о томъ, что шляхетскіе роды, издревле защищавшіе православіе и служившіе болѣе или менѣе опорой ему, начали переходить въ католичество и унию. Это сочиненіе сильно встревожило католиковъ и вызвало сначала довольно ѣдкое опроверженіе, написанное Скаргою, подъ названіемъ: „Предостереженіе Руси на счетъ жалобъ и воплей Теофила Ороеолога“, потомъ: „Паригорію или Утоленіе плача“ униата Мороховскаго, и, наконецъ, въ 1617 году Виленскій униатскій архимандритъ Леонъ Креуза написалъ: „Оборону единства церковнаго“, гдѣ, оправдывая поведеніе униатовъ въ послѣднее время, силится доказать, что униа существовала и прежде. Въ 1615 году Смотрицкій сдѣлался учителемъ въ Евью, въ Литвѣ, гдѣ и напечаталъ свою знаменитую грамматику славянскаго языка (1619). Іерусалимскій патріархъ Теофанъ, возстановляя православную іерархію, посвятилъ Смотрицкаго въ санъ Полоцкаго архіепископа, который въ этомъ же году (1620) написалъ по польски: „Верификацію или оправданіе невинности и опроверженіе мнѣній, унижающихъ русскій народъ“, гдѣ доказывалъ право православныхъ на возстановленіе іерархіи, противъ котораго такъ много было возраженій, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывался отъ взводимыхъ на него клеветъ, будто онъ хочетъ передаться Туркамъ. Противъ этого сочиненія появилось тотчасъ же „Двойная вина“. Послѣ убіенія Іосафата Кунцевича (1623), извѣстнаго гонителя православія, Смотрицкій, обвиняемый въ участіи при этомъ преступленіи, долженъ былъ скрыться за границу. Сначала онъ отправился на Востокъ и, путешествовавъ тамъ три года, пріѣхалъ въ Римъ, гдѣ этотъ прежде ревностный защитникъ православія и противникъ униіи самъ принялъ ее. Эта неожиданная переменъ со стороны одного изъ талантливѣйшихъ полемическихъ дѣятелей православія возстановила противъ него всѣхъ русскихъ, такъ что, по возвращеніи на родину, онъ въ 1628 году издалъ въ защиту своего путешествія на Востокъ и принятія униіи напечатанное по русски сочиненіе: „Апологию“, гдѣ прежній борецъ за православіе въ „плачѣ Восточной церкви“ излагаетъ совершенно противныя первымъ взгляды и, стараясь доказать заблужденіе право-

славной церкви, предлагаетъ ея послѣдователямъ принять унию. На созванномъ въ томъ же (1628) году митрополитомъ Кіевскимъ Говомъ Борецкимъ соборѣ Смотрицкій отказался отъ своихъ убѣжденій и просилъ прощенія, сваливая всю вину на игумена Дубенскаго Преображенскаго монастыря Кассіана Саковича, перешедшаго въ унию, которому онъ далъ печатать свою книгу; однако, какъ только выѣхалъ изъ Кіева, снова объявилъ себя униатомъ и написалъ протестъ противъ собора подъ заглавіемъ: „*Протестация*“, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ снова распространять свою Апологію. Въ 1629 году Слуцкій протоіерей Андрей Мужилловскій написалъ: *Антидотумъ* (противоядіе), въ которомъ съ силою опровергалъ доводы Смотрицкаго. Послѣдній, въ свою очередь, опровергалъ Мужилловскаго въ „*Экзетезисъ*“ (расправа), изданномъ въ томъ же году; здѣсь онъ старался между прочимъ доказать свое мнѣніе, что кіевскіе ученые не имѣютъ достаточнаго образованія и все заимствуютъ отъ западныхъ или подражаютъ имъ, и въ „*Паренезисъ*“, т. е. въ увѣщаніи къ русскому народу. Противъ Экзетезиса Іовъ Борецкій написалъ: „*Апологию*“, (уничтоженіе) а Геласій Диплицъ въ 1632 году „*Антисапологию*“. Въ 1632 году Смотрицкій издалъ свое полемическое сочиненіе противъ кіевскихъ ученыхъ „*Календары стары*“, въ которомъ говоритъ, что наставники коллегіи не православные, потому что, получивши окончательное образованіе за границей, въ академіяхъ Римскихъ, Польскихъ и Нѣмецкихъ, они заразились различными ересями и вводятъ юношество въ заблужденія. Отвѣтомъ на это сочиненіе послужилъ „*Экзетезисъ*, или отчетъ о кіевскихъ и винницкихъ школахъ“, изданный въ 1635 году наставникомъ коллегіи Коссовымъ. „*Календары стары*“ было послѣднимъ произведеніемъ Смотрицкаго. Дѣятельность его на поприщѣ литературы заслуживаетъ особеннаго вниманія вслѣдствіе той рѣзкой противоположности между первымъ ея періодомъ, гдѣ онъ ратовалъ за православіе, и послѣднимъ, когда онъ дѣйствовалъ въ духѣ униі. Его сочиненія имѣли громадное вліяніе на современниковъ, благодаря тому увлекательному, полному чувства тону, которымъ отличаются всѣ его сочиненія и особенно его первое и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшее полемическое сочиненіе „*Өреность*“. Потому—то такъ много опроверженій вызвала его „*Апология*“, которая, благодаря извѣст-

ности автора, могла привлечь многих православных къ униі. Смотрицкій умеръ въ 1633 году униатомъ, не отказавшись отъ своихъ послѣднихъ убѣжденій.

Б) На ряду съ произведеніями полемическаго характера появлялись и сочиненія чисто **научныя**, такъ современникъ Мелетія Смотрицкаго Корецкій протоіерей *Лаврентій Зизаній Тустановскій* въ 1596 году издалъ свою *грамматику славянскаго языка*. Она начинается просодіей, объясняющей между прочимъ долгіе и краткіе слоги, по духу греческаго языка. Затѣмъ слѣдуетъ этимологія. Частей рѣчи принимается 8. Падежей 6: правый (именительный), родный (родительный), виновный (винительный), дательный, творительный и звательный. Степеней сравненія три: положительный (извѣстно, что слово „степень“ считалось прежде муж. рода), разсудительный и высшій. Залоговъ пять: дѣлательный, страдательный, средній, посредственный и общій. Образовъ (т. е. наклоненій) четыре: изъянительный, желательный, молитвенный и неопредѣленный Супружествъ (т. е. спряженій) два: къ первому относятся глаголы на *аю, тю, яю*; ко второму на *—у, ю* и *ую*. Временъ пять: настоящее, мимолетное, протяжное, пресовершенное и будущее. Въ главѣ о метрѣ приложены правила стихосложенія. Къ концу своей грамматики Л. Зизаній присоединилъ впослѣдствіи еще краткій словарь славянскаго языка, потребность котораго чувствовалась при пересмотрѣ древнихъ рукописей.

Впослѣдствіи (1619 г.) М. Смотрицкій издалъ новую грамматику, содержаніе которой таково: кромѣ извѣстныхъ родовъ именъ, еще три: всякій, недоумѣнный и преобщій. Къ 6 пад. Зизаніевой грамматики прибавленъ сказательный (предложный). Залоговъ глагола 5: дѣйствительный, страдательный, средній, отложительный и общій. Видовъ 2: первообразный и производный. Наклоненій 6: изъявительное, повелительное, молитвенное, сослагательное, подчинительное и неопредѣленное. Временъ 5: настоящее, прешедшее, мимолетное, непредѣльное и будущее. Склоненій 5; Спряженій 2, различающіяся по 2 лицу единств. числа наст. вр Смотрицкій рздѣляетъ всѣ буквы на долгія, краткія и двовременныя. Эта книга была, какъ извѣстно, учебнымъ руководствомъ во всѣхъ русскихъ школахъ до появленія грамматики Ломоносова.

Смотрицкій и Визаній начали собою цѣлый рядъ писателей по разнымъ отраслямъ науки. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ: Захарія Копыстенскій, Кирилль Транквилліонъ Ставровецкій, Исаія Коинскій, Иннокентій Гизель, Петръ Могила, Коссовъ и мн. др.

Захарія Копыстенскій, Еп. Владимірскій и Брестскій, а потомъ архимандритъ Кіево-Печерской Лавры, въ 1620 году написалъ „*Номоканонъ*“ („Законоправильникъ“) или „сборникъ“, составленный изъ разныхъ правилъ Апостольскихъ, Вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. Отцовъ. Въ этой книгѣ находимъ мы извѣстіе о многочисленныхъ суевѣріяхъ того времени, господствовавшихъ въ простомъ народѣ. Въ 1622 г. была написана имъ же „*Полинадія*“, гдѣ онъ разбираетъ главнѣйшія различія западной церкви отъ Восточной и защищалъ правоту послѣдней. Въ 1625 году Копыстенскій издалъ „*Томованіе на Апокалипсисъ*“ Андрея Кесарійскаго, которое посвящено Григорію Далмату, отступившему отъ православія. Авторъ посвященія совѣтуетъ Григорію возвратиться къ вѣрѣ его отцовъ, ревностныхъ православныхъ. Вдаваясь въ объясненіе радости при обращеніи въ православіе Далмата, Копыстенскій начинаетъ приводить совсѣмъ не подходящія къ дѣлу примѣры изъ греческой міѳологіи. Приложеніемъ къ „Апокалипсису“ служитъ переводъ нѣсколькихъ „словъ *Златоуста*“, причемъ, касаясь въ „словѣ на Пятидесятницу“ словъ Христа: „Ты еси Петръ, — и на семь каменъ созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ю“, — словъ, на которыя всегда ссылаются католики, какъ на свидѣтельство главенства Петра, а потому и папъ, авторъ дѣлаетъ такое причудливое объясненіе этихъ словъ: „Видите, Христось не сказалъ „на Петръ“, а сказалъ „на камнѣ“; не на человекѣ, а на вѣрѣ Христось построитъ церковь свою, такъ какъ Петръ сказалъ съ вѣрою: „Ты еси Христось, Сынъ Бога Живаго“. Не Петра, а церковь нарекъ онъ камнемъ. Въ 1625 году Копыстенскій, будучи уже архимандритомъ, напечаталъ рѣчь, произнесенную имъ въ день поминовенія своего предшественника, гдѣ доказывалъ необходимость поминовенія усопшихъ, что начали опровергать нѣкоторые православные, поддаваясь вліянію мнѣній протестанскихъ. Здѣсь же онъ упоминаетъ, что ученіе св. отцовъ о мытарствахъ души совсѣмъ

не то, что ученіе католическое о чистилищѣ: мытарства только задержки, которыя случаются на таможенныхъ и заставахъ. Такимъ образомъ Котыстенскій въ своихъ сочиненіяхъ затрагиваль живо интересовавшіе тогдашнее общество вопросы и, надо отдать справедливость, иногда довольно мѣтко и ясно разрѣшалъ ихъ.

Кирилль Транквилліонъ Ставровецкій былъ сначала учителемъ Львовской школы, а потомъ черниговскимъ архимандритомъ. Въ 1618 году въ Почаевѣ онъ издалъ „*Зерцало Богословія*“, гдѣ, по возможности точнѣе старался изложить богословскую православную систему, опираясь уже на схоластическую почву. Это сочиненіе было вызвано потребностями времени: католики и униаты очень часто упрекали православныхъ, что у нихъ нѣтъ книги, гдѣ была бы изложена ихъ вѣра. Сочиненіе это посвящено молодому пану Ермолинскому, которому предназначалось въ руководство. Транквилліонъ, видимо, любитъ похвастать своими знаніями и еще въ предисловіи говоритъ: „Мала тебѣ сдается эта книжечка, но прочитай-ка ее: увидишь высокія горы небесной премудрости“. „Зерцало Богословія“ раздѣлено на три части: въ первой трактуются о существѣ Бога, вторая излагаетъ космографію, а въ третьей заключаются разсужденія о злосливомъ мірѣ и вообще о злѣ. Какъ можно видѣть изъ самаго раздѣленія сочиненія на части, занимающіяся совершенно различными вопросами, авторъ поддается вліянію своего времени. Онъ прибѣгаетъ, разсуждая о вопросахъ чисто богословскихъ, къ источникамъ и объясненіямъ совершенно другихъ отраслей науки, стараясь нагляднѣе объяснить свою основную мысль. Особенно занимательна для насъ вторая часть этого сочиненія, гдѣ авторъ разсуждаетъ о мірѣ, его законахъ и силится по своему объяснить всѣ законы и явленія природы. Въ этой части онъ передаетъ читателю всѣ нелѣпости средне-вѣковой науки съ наивной увѣренностью въ непоколебимости авторитетовъ ученыхъ схоластиковъ. Видимый міръ авторъ дѣлитъ на 4 различныя стихіи, занимающія мѣста по своей тяжести. Низшая и самая тяжелая стихія есть земля, далѣе—вода, воздухъ и огонь. Огонь и вода непримиримые враги, но между ними посредникъ-воздухъ. Воду раздѣляетъ на двѣ части: одна вода надъ твердью небесной, другая—подъ твердью т. е. на землѣ. Небесною твердью называется легкая, непроницаемая, сухая матерія, надъ которой Богъ раз-

лил воду, чтобъ эфирный огонь не зажегъ ее Солнце, луна и звѣзды, получающія свѣтъ отъ эфирнаго огня, сотворены для предохраненія земли отъ тьмы. Воздухъ есть та тьма на верху бездны, о которой говорится въ библии; къ землѣ онъ теплѣе, согрѣваемый лучами солнца, въ срединѣ холоднѣе, верхніе слои его — горячи. Гроза происходитъ отъ того, что пары, поднимаясь съ моря и достигая верхнихъ слоевъ воздуха, производятъ шумъ подобно тому, какъ это происходитъ при опусканіи въ воду раскаленнаго желѣза. Соленая вода въ морѣ для того, чтобъ она „не загнилась и не замердѣла“. Чувства человѣка соотвѣтствуютъ стихіямъ: вкусъ — землѣ, обоняніе — водѣ, слухъ — воздуху, зрѣніе — огню, а осязаніе „почувательную иѣкую особую силу имать“. Умъ и разумъ различаются только тѣмъ, что первый — сила внутренняя, а второй происходитъ извнѣ: „отъ кого инаго научишься и разумѣешь — то разумъ“. Не менѣе забавны разсужденія Кирилла о злосливомъ мірѣ, который, по его мнѣнію, состоитъ изъ 4-хъ пороковъ, причемъ каждый — опять таки соотвѣтствуетъ стихіямъ: завздность (зависть) соотвѣтствуетъ воздуху, пыха (высокомѣріе) — огню, лакомство (алчность) — водѣ и убійство — землѣ. Творцемъ этого міра признается діаволь.

Изъ этихъ краткихъ свѣдѣній о книгѣ видно, насколько отстали наши Кіевскіе ученые отъ Европейской науки, которая въ это время дѣлала быстрые успѣхи въ познаніи человѣка и природы. Кромѣ „Зерцала Богословія“ Кирилломъ Транквилиономъ написаны: „Евангеліе учительное“ и „Перло многотѣльное“. „Евангеліе учительное“ или „Слова на воскресные и праздничные дни“ — сочиненіе, подобно предъидущему, вызвано потребностями времени. Польскіе, католическіе и уніатскіе проповѣдники часто хвалились своими сборниками проповѣдей и даже указывали на это, какъ на свое превосходство предъ православными, которые, не имѣя своихъ собственныхъ, должны были прибѣгать къ проповѣдямъ польскимъ. Православные перѣдко говорили польскую проповѣдь, дѣлая кое-какія измѣненія: можно думать, что на это-то и опирался въ послѣдствіи Галатовскій, говоря безъ сомнѣнія съ насмѣшкой, что можно одну и ту же проповѣдь сказать на дни всѣхъ святыхъ, только стоитъ измѣнить собственныя имена съ ихъ приложеніями. Такое положеніе проповѣднаго слова и за-

ставило Транквилліона составить и около 1619 года издать свое «Учительное Евангеліе» — первый сборникъ православныхъ проповѣдей. Этотъ сборникъ, составленный по образцу такъ называемыхъ «Толковыхъ Евангелій», гдѣ поученія, выбранныя преимущественно изъ отеческихъ писаній, располагались по порядку церковной службы, былъ распространенъ по всей не только юго-западной, но даже и по Московской Руси, гдѣ ввелъ проповѣдничество патріархъ Никонъ. „*Перло многоцѣнное*“ есть сборникъ духовно-нравственнаго содержанія; почти половина этого сочиненія, написана стихами въ похвалу св. Троицы, Богородицы, Ангеловъ и Святыхъ. Не смотря на то, что Транквилліонъ написалъ всего три произведенія, его дѣятельность весьма важна для характеристики литературы того времени. Онъ первый понялъ необходимость дать русскому народу серьезное толкованіе св. писанія, о чемъ въ то время вовсе не заботились проповѣдники.

Исаія Копинскій († 1634), кіево-печерскій монахъ, потомъ устроитель, по просьбѣ князя Михаила Вишневецкаго, Густиннаго монастыря, а впоследствии (1631) кіевскій митрополитъ, свергнутый Моголою, написалъ сочиненіе: „*Духовную Лѣствицу*“. Это былъ представитель монашескаго, византійскаго направленія, такъ долго господствовавшаго на Руси. «Духовная Лѣствица» была написана по образцу «Лѣствицы духовнаго по Бозѣ жительства» Іоанна Лѣстничника, которая была одной изъ самыхъ распространенныхъ между благочестивыми людьми книгъ. Выводы, къ которымъ приходитъ Копинскій, очень разнообразны и оригинальны. Онъ признаетъ началомъ грѣха—безуміе, незнаніе; началомъ добродѣтели — разумъ и знаніе, а истинное познаніе достигается только путемъ ученія и уразумѣнія природы. Послѣ познанія природы, разсуждаетъ онъ, можно начать изученіе самихъ себя, а познавши себя, можно приступить къ познанію Бога. Подобнаго уваженія къ наукѣ не высказывалъ еще ни одинъ монахъ и не придавалъ ей такого значенія; къ сожалѣнію, авторъ не можетъ выдержать до конца своихъ воззрѣній и вступаетъ опять на монашескую почву, напр. разумъ у него является уже двоякимъ: внѣшнимъ и божественнымъ, и въ концѣ концовъ выходитъ, что Бога можно познать только высшимъ божественнымъ разумомъ. Конецъ сочиненія состоитъ изъ бесѣдъ о должномъ соблюденіи монахами строго-пост-

нической жизни, объ избѣжаніи хвастовства и вообще дурныхъ качествъ. Все произведеніе раздѣлено на 33 главы «по образу Господня на земли въ плоти житія»

Подобное же сочиненіе явилось въ 1684 г. (?), это было: „*Миръ съ Богомъ человеку*“, ректора Кіевской академіи **Иннокентія Гизеля**, который научаетъ покаянiю во грѣхахъ и исправленію жизни. Онъ разсуждаетъ о волѣ, совѣсти и другихъ душевныхъ качествахъ челоуѣка, объясняя все сравненіями, взятыми изъ свѣтскихъ наукъ. Его сочиненіе, подобно „Духовной лѣствицѣ“, раздѣлено на 33 главы. Кромѣ вышеупомянутаго сочиненія Гизель составилъ: „*Синописисъ*“ (обозрѣніе) или „краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ словено-россійскаго народа и первоначальныхъ князей богоспасаемаго града Кіева“. Это сочиненіе есть передѣлка „хроникъ“ Сафоновича; дополнивши новѣйшими событіями и отбросивъ ненужныя и маловажныя, Гизель изъ нея и составилъ „Синописисъ“. Книга эта проникнута горячей любовью автора къ родинѣ; самое имя „Славянъ“ онъ производитъ отъ „Славы“, а родословная первыхъ кіевскихъ князей—Кія, Щека и Хорива начинается отъ Мосоха, сына Іафетова; названіе Россовъ или Руссовъ объясняется разсѣянiемъ русскихъ по обширнымъ землямъ, надъ которыми они господствуютъ. Гизель составилъ Синописисъ, какъ учебникъ для школъ, и сдѣлалъ это для того, что такой учебникъ, такое осязательное напоминаніе объ историческомъ значеніи было необходимо среди пробужденнаго къ умственной дѣятельности и поднимавшаго свои нравственныя качества угнетеннаго вѣками русскаго народа. Не смотря на многія историческія несообразности и грубыя ошибки, эта книга была употребляема, какъ руководство во вѣхъ школахъ Руси до временъ Ломоносова, и важна для насъ особенно потому, что, какъ надо полагать, она явилась вслѣдствіе сознанія своего бывшаго величія и, потому, твердой надежды на улучшеніе быта и значенія загнанныхъ своихъ собратій.

Отъ игумена Кіевскаго Михайловскаго монастыря **Теодосія Сафоновича**, кромѣ упомянутой „хроники“, осталось сочиненіе: „*Трактатъ о церкви и ея тайнахъ*“, которое въ свое время имѣло не малое значеніе.

Сильвестръ Коссовъ, († 1657), призванный Могилою изъ Львова сначала въ наставники коллегіи, а потомъ митрополитъ Кіевскій, въ 1635 году издалъ на польскомъ языкѣ „*Патерикъ или житіе святыхъ отцовъ печерскихъ*“ — сочиненіе, о которомъ современные ученые были весьма высокаго мнѣнія, что видно изъ ссылокъ, дѣлаемыхъ на него въ современныхъ ему сочиненіяхъ. Этотъ польскій „Патерикъ“, имѣетъ для насъ то важное значеніе, что по его образцу былъ изданъ въ 1661 году первый на славянскомъ языкѣ въ Кіевѣ „Патерикъ“.

При быстро возрастающей литературѣ явилась, понятно, нужда въ иностранныхъ произведеніяхъ и произведеніяхъ древне-русскихъ. Такъ какъ языкъ, которымъ были написаны все вышеуказанныя сочиненія былъ или чисто польскій, или особый, выработанный юго-западными русскими учеными и состоявшій изъ смѣси церковно-славянскаго, польскаго, южно русскаго и отчасти латинскаго языковъ, а чисто славянскій почти исчезъ, то понадобились различные словари. Мы замѣтили уже, что Зизаній приложить къ концу своей грамматики словарь славянскаго языка; болѣе пріобрѣлъ извѣстность **Памва Берында**, кіево-печерскій монахъ, который въ 1627 году издалъ: „*Лексиконъ словено-россійскій имень толкованіе*“. Словарь Зизанія, различные хроники и лѣтописи послужили ему пособіемъ.

Важнѣйшимъ дѣятелемъ юго-западной литературы XVII столѣтія былъ великій основатель Кіевской коллегіи **Петръ Могила**. Мы видѣли дѣятельность его по отношенію къ коллегіи; теперь скажемъ нѣсколько словъ собственно объ его литературной дѣятельности. Могила, какъ человекъ хорошо образованный, ясно видѣлъ, что въ наши церковныя книги вкрались нѣкоторыя ошибки, и въ 1629 г. издалъ „*Служебникъ*“, который былъ одобренъ на Кіевскомъ соборѣ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ и епископами. Къ этому „Служебнику“ было приложено догматическое и обрядовое объясненіе литургіи, составленное Тарасіемъ Земкою. Сдѣлавшись митрополитомъ, Могила въ 1639 г. издалъ свой „Служебникъ“ вторымъ изданіемъ, значительно дополнивъ его ектеніями и молитвами на разные случаи. А чтобы окончательно установить одну форму отправленія богослуженія, Могила въ 1640 г. созвалъ соборъ въ Кіевѣ и не только изъ духовныхъ, но так-

же и изъ свѣтскихъ лицъ, считая мірянъ, членовъ церкви, имѣющими право подавать свой голосъ. Результатомъ этого собора явился въ 1646 г. „Требникъ“ или „Евхалогіонъ“, который содержитъ въ себѣ подробѣйшій сборникъ богослуженій на все случаи. Этотъ Требникъ долгое время былъ руководствомъ во всей Россіи и получилъ названіе „Требника Петра Могилы“. Онъ былъ составленъ не только по образцамъ греческимъ, древне-славянскимъ, великорусскимъ, но даже и римскимъ, гдѣ это не шло въ разрѣзъ съ духомъ православнаго ученія. Въ своемъ сочиненіи Могила не ограничился однимъ изложеніемъ службъ: онъ прибавилъ много другихъ свѣдѣній, объясненій и наставленій, сдѣлавши тѣмъ самымъ свою книгу какъ бы и научнымъ пособіемъ духовенству. Виолнѣ сознавая необходимость имѣть православнымъ полную систему своего вѣрученія, Могила поручилъ **Исаи Трофимовичу Козловскому** составить полный православный катихизисъ. Козловскій былъ однимъ изъ молодыхъ людей, отправленныхъ Могилою для образованія за границу. Въ 1631 г. онъ былъ призванъ изъ Львовскаго братства въ наставники Кіевской коллегіи; ѣздилъ за патриаршимъ благословеніемъ для Петра Могилы на митрополию. Написавши „православное исповѣданіе католической вѣры“, Козловскій защищалъ его на Кіевскомъ соборѣ 1640 г., гдѣ, по настоянію Могилы получилъ званіе доктора богословія. Въ 1643 г. для окончательнаго утвержденія этой книги, которая получила названіе „*Катихизиса Петра Могилы*“, (конечно потому, что была написана по его желанію), былъ созванъ въ Яссахъ соборъ, на которомъ со стороны Могилы были: Козловскій вмѣстѣ съ братскимъ игуменомъ Іосифомъ Капоновичемъ и проповѣдникомъ Игнатіемъ Старушичемъ, со стороны же Константинопольскаго патриарха два ученыхъ грека. Греки остались недовольны и утвердили книгу съ довольно порядочными измѣненіями. Тогда она была послана на утвержденіе другихъ патриарховъ, которыми разсматривалась до 1662 года, когда, послѣ уже смерти Могилы, была напечатана въ греческомъ переводѣ. Вмѣсто „православнаго исповѣданія“ Могила въ 1645 г. издалъ краткій катихизисъ подъ заглавіемъ: „*Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-католической*“, который по способу изложенія послужилъ образчикомъ для всѣхъ послѣдующихъ. Подобно своимъ современ-

никамъ, Могила принялъ участіе въ полемикѣ съ католиками и униатами. Кассіанъ Саковичъ, бывшій игуменомъ Дубенскаго Преображенскаго монастыря, перешедшій въ унию, когда Могила въ 1642 г. хлопоталъ о соборѣ, написалъ сначала сатиру на польскомъ языкѣ и затѣмъ обширное сочиненіе: „*Эпанортосисъ*“ или „Перспектива заблужденій, ересей и предразсудковъ русской церкви“. Какъ и вообще все противники православія, Саковичъ, подмѣчая различныя злоупотребленія церковнослужителей, которые отчасти происходили отъ невѣжества, отчасти отъ общественнаго положенія ихъ, обличаетъ православныхъ за эти подмѣченныя качества ихъ пастырей. Кроме того, какъ ревностный защитникъ католичества и противникъ всего православнаго, онъ доходитъ въ своемъ сочиненіи до того, что православныхъ обвиняетъ въ протестантствѣ, и это обвиненіе, надо замѣтить, было не рѣдко. Въ отвѣтъ Кассіану Саковичу Могила въ 1644 г. издалъ свой: „*Литосъ albo камень*“, подъ псевдонимомъ Евсевія Пимины. Это сочиненіе было написано по польски, съ цѣлью разсѣять несправедливыя обвиненія на православныхъ въ глазахъ католиковъ. По обычаю того времени, оно посвящено Максимилиану Бржозовскому и кроме предисловія состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть содержитъ разсужденія о таинствахъ и обрядахъ, вторая о церковномъ уставѣ; третья о двухъ главнѣйшихъ различныхъ догматахъ въ восточной и западной церквахъ, т.е. объ исхожденіи св. Духа и о главенствѣ папы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ „Литоса“ выходитъ изъ себя и разражается бранью на Саковича, называя его лжецомъ; за то совершенно безпристрастно признаетъ за православнымъ духовенствомъ нѣкоторыя злоупотребленія, объясняя при томъ, что они происходятъ именно или отъ личныхъ качествъ, или вслѣдствіе тяжелаго положенія церкви, угнетаемой ея врагами. Во взглядахъ на обряды Могила отличаетъ существенныя, главныя дѣйствія отъ прибавочныхъ. Существенныя дѣйствія или признаки заключаются, по его мнѣнію: а) въ матеріи, в) формѣ или словѣ и с) интенціи (намѣреніи) совершающаго священнодѣйствіе; напр. въ таинствѣ крещенія вода составляетъ матерію, произнесеніе словъ: „крещается во имя Отца, и Сына, и Св. Духа“ — форму, внутреннее намѣреніе или желаніе священнодѣйствующаго низвести благодать св. Духа — интенцію. Замѣчательнѣе

взглядъ Могилы на унію, или на соединеніе церквей, къ которому стремилась унія; онъ говоритъ: „Восточная церковь всегда и издавна проситъ Бога о воссоединеніи церквей, но не о такомъ соединеніи, какова нынѣшняя унія, которая заставляетъ присоединяться къ вѣрѣ различными насиліями; это не соединеніе, а раздѣленіе церквей“. Противъ Могилы явилась масса сочиненій, въ которыхъ уже не затрагивался вопросъ обрядности, а только доказывалась справедливость признанія главенства папы. Гораздо выше своихъ литературныхъ занятій Могила ставилъ Кіевскую коллегію „своей единственныи залогъ“, какъ онъ самъ выразился.

Этотъ великій дѣятель въ пользу просвѣщенія, этотъ человѣкъ, сдѣлавшій перемѣнить совершенно весь строй образованія, все направленіе литературы, скончался 1-го Января 1647 года на 60 мѣ году своей жизни. Онъ оставилъ завѣщаніе, въ силу котораго Кіевская коллегія получила между прочимъ 81000 польскихъ злотыхъ.

Какъ можно было видѣть, характеръ и направленіе кіевской учености вполнѣ былъ согласенъ съ обстоятельствами времени. Схоластика, отжившая свой вѣкъ въ западной Европѣ, какъ нельзя лучше соотвѣтствовала требованіямъ южно-русской литературы, именно потому, что она не касалась внутренней стороны науки, а только давала внѣшнюю форму. Внутреннее содержаніе—истины православной вѣры—не должны измѣняться или обрабатываться: въ томъ еще не чувствовалось особенной надобности, нужно было только воспользоваться готовымъ матеріаломъ, который заключался въ различныхъ переводахъ. Кіевская ученость и литература имѣютъ важное значеніе, какъ историческое такъ и современное: 1) историческое потому, что кіевская образованность, проникнувъ потомъ въ Москву, подготовила новый періодъ русской литературы, который начинается со временъ Петра Великаго; 2) современное же потому, что характеръ и направленіе кіевской учености надолго остались въ общей духовной литературѣ и, особенно, она положила свою печать на духовномъ воспитаніи: слѣды ея мы видимъ не задолго до настоящаго времени; напр. вся учебная и воспитательная система нашихъ духовныхъ семинарій представляла поразительное сходство съ системами Кіево-Могилянской Академіи.

Теперь обратимся къ разбору сочиненій проповѣдническихъ юго-западной Руси въ XVII столѣтіи.

А. Виноградовъ, ученикъ VII класса Вологодской Гимназіи.

В. ПРОПОВѢДНОЕ СЛОВО.

Іоанникій Галятовскій, Антоній Радивиловскій, Лазарь Барановичъ.

Къ числу выдающихся представителей проповѣднаго слова юго-западной Руси въ XVII столѣтіи принадлежатъ три малорусскихъ писателя: Іоанникій Галятовскій, Антоній Радивиловскій и Лазарь Барановичъ.

Галятовскій родился въ Кіевѣ, учился въ Кіевской академіи, затѣмъ постригся въ монахи и сдѣлался игуменомъ Кунятицкаго монастыря въ Полѣсьѣ; съ 1659 года въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ ректоромъ Кіевской академіи. Остатокъ жизни онъ провелъ въ санѣ архимандрита сначала Новгородъ-Сѣверскаго, а потомъ Черниговско-Елецкаго монастырей. Скончался въ 1688 г.

Живая, чуткая натура Галятовскаго была способна отзываться на все вопросы времени, воспринимать все его вѣянiя; а вопросы эти сводились къ слѣдующему. Находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ католиками, іудеями и магометанами, православное населеніе юго-западной Руси не могло не интересоваться сущностью этихъ вѣроученій. Давать вѣрное понятіе по вопросамъ вѣры, доказывая преимущество православiя, было прямою обязанностью духовенства. Галятовскій, горячо принимавшій къ сердцу духовные интересы народа, явился прежде всего яркимъ противникомъ католичества. Главнымъ его сочиненіемъ противъ нихъ считается „Размова“, написанная (около 1664 года) послѣ диспута, происходившаго при жѣстечкѣ Бѣлая Церковь, куда епископъ Прансмовскій пригласилъ на свиданіе съ польскимъ проповѣдникомъ Пекарскимъ нѣкоторыхъ православныхъ духовныхъ и вмѣстѣ съ ними Галятовскаго. Галятовскій выказалъ въ спорѣ съ Пекарскимъ такое ясное пониманіе дѣла, какого не въ силахъ затемнить никакая іезуитская діалектика. Главнымъ пунктомъ спора было отрицаніе Галятовскимъ главенства папы. Сжато, безъ лишнихъ разглагольствованій, но съ неотразимою логичностью православный духовный доказываетъ, что первенство это присвоено папою самопроизвольно, что, хотя онъ и считаетъ себя преемникомъ Петра, князя апостоловъ, все-таки это не облачаетъ его никакою чрезвычайною властью,

потому что титуль апостольскаго князя навязанъ Петру тѣми же римскими епископами. Съ древѣйшихъ временъ существованія христіанской церкви ни одинъ изъ епископовъ не имѣлъ первенства передъ другими, и всѣ церковныя дѣла болѣе или менѣе важныя рѣшались соборомъ, а не волею одного епископа. Галатовскій такъ опровергаетъ самихъ папистовъ, полагавшихъ, что на соборѣ необходимо присутствіе папы: „у вашего Беллярмина въ сочиненіи о соборахъ сказано, что кардиналы и епископы могутъ сами созывать соборы, если папа впадетъ въ ересь, или умретъ, или сойдетъ съ ума, или потеряетъ свободу. Стало бытъ, у васъ безъ папы могутъ собрать вселенскій соборъ; поэтому папа не можетъ назваться верховнымъ властителемъ церкви“.

Впослѣдствіи (въ 1678 г.) Галатовскій въ дополненіе къ „бесѣдѣ Бѣлоцерковской“ написалъ сочиненіе объ исхожденіи Св. Духа противъ западно-римскаго ученія, защищаемаго тогда іезуитомъ Боймою и Николаемъ Циховичемъ. Сочиненіе Галатовскаго носитъ названіе: „*Старая восточная церковь новой западной показываетъ исхожденіе Св. Духа*“. Здѣсь главнымъ образомъ доказывается неправильность католическаго ученія о восьмомъ членѣ символа вѣры (прибавленіе слова *Filioque*). *).

Иудейскій вопросъ былъ въ то время не менѣе живымъ вопросомъ, чѣмъ вопросъ католическій. Иудеи не могли быть опасными для православія, но взаимная религіозная нетерпимость имѣла своимъ гибельнымъ послѣдствіемъ то, что сыны израиля сильно подрывали экономическое благосостояніе южно-русскаго населенія. Арендаторы напескихъ помѣстій, подрядчики, монополисты, откупщики и ко всему этому христопродавцы — жидаы были для угнетенныхъ христіанъ предметомъ непримиримой ненависти. Галатовскій первый выступилъ противъ нихъ съ грозно-обличительнымъ словомъ. Правда, онъ только мелькомъ касается экономическаго значенія еврейства, но отношенія евреевъ къ христіанамъ со стороны религіознаго различія выяснены у него довольно полно и подтверждены достаточнымъ количествомъ фактовъ. Его сочиненіе противъ іудеевъ „*Мессія Правдивый*“ появилось (въ 1669 г.) при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Среди еврейскаго населенія востока было произведено сильное движеніе, отразившееся повсемѣстно.

*) См. прибавленіе „Души людей умершихъ“.

Въ Смирнѣ явился человекъ, по имени Саббефа-Себе, выдававшій себя за Мессію. Евреи въ своемъ напряженномъ ожиданіи Мессіи вполне удовлетворились тѣми скудными доказательствами, которыя могъ представить имъ Саббефа въ пользу своего высокаго назначенія. Ложныя чудеса, а главное обѣщаніе возстановленія Іерусалима и израильскаго царства, такъ подѣйствовали на евреевъ, что между ними вовсе не находилось скептиковъ. Въ вѣствѣ съ надеждами возрасло и ихъ высокомѣріе. Готовясь къ перенесенію въ Іерусалимъ на облакахъ, русскіе евреи сдѣлались такъ благочестивы, что не только сами постились, но и дѣтей своихъ морили голодомъ, купались, несмотря на зимніе морозы, въ прорубяхъ и не переставали распространяться передъ христіанами о своемъ будущемъ величіи и униженіи христіанъ. Многіе легковѣрные малоруссы изъ страха передъ ожидавшими ихъ мученіями склонны были признать лжемессію. „Для того, чтобы христіанъ не тревожили ложныя слухи о Мессіѣ—говоритъ Галатовскій въ предисловіи къ своему труду—и не смущаясь вѣрили въ Христа, я написалъ свою книгу“. Галатовскій имѣлъ также въ виду устыдить евреевъ, столько разъ обманывавшихся ложными мессіями, и доказать неосновательность ихъ высокомѣрія. Онъ посвятилъ свою книгу царю Алексѣю Михайловичу. Познакомить государя съ тѣмъ, что такое евреи, которые начали проникать въ это время и въ сѣверную Русь, было очень важно. Быть можетъ, Галатовскій и преувеличиваетъ тѣ насилія, которыя производили іудеи надъ христіанами, но достаточно и нѣкоторой части его обвиненій, чтобы понять всю безчеловѣчность евреевъ въ отношеніи христіанъ. Обличитель евреевъ приводитъ множество случаевъ похищенія ими христіанскихъ дѣтей, надъ которыми они производили страшныя истязанія. Чаще всего изъ ребенка дѣлали пародію на распятаго Христа. Ребенка привождали ко кресту, клали на голову терновый вѣнецъ, прободали бокъ и выпускали кровь. Галатовскій указываетъ на такой возмутительный фактъ, случившійся на Волыни. Въ селѣ Возникахъ было найдено исколотое тѣло мальчика, замученнаго раввинами въ день іудейской пасхи. Итакъ—заключаетъ Галатовскій—каждый годъ жида должны умертвить по крайней мѣрѣ одного христіанскаго ребенка. Главное обвиненіе противъ евреевъ то, что они проливаютъ невинную кровь христіанскихъ дѣтей. „Зачѣмъ же

нужна намъ эта кровь?“ спрашиваетъ іудей христіанина. На этотъ вопросъ Галятовскій не даетъ категорическаго отвѣта, который могъ бы разъяснить дѣло. Онъ приводитъ только разнорѣчивыя мнѣнія церковныхъ писателей. Одни изъ нихъ утверждаютъ, что іудеи примѣшиваютъ эту кровь къ своимъ опрѣснокамъ, чтобы избавиться отъ того запаха, который всюду преслѣдуетъ ихъ. Другіе полагаютъ, что іудеи даютъ эту кровь въ пищѣ христіанамъ, чтобы пріобрѣсть ихъ расположеніе къ себѣ. Третьи наконецъ приводятъ такое остроумное разъясненіе: когда еврей умираетъ, ему даютъ эту кровь, произнося: „если Христосъ есть истинный Мессія, то пусть кровь невиннаго человѣка, вѣровавшаго въ Него, исцѣлитъ тебя отъ грѣховъ твоихъ и приведетъ въ жизнь вѣчную!“ и проч. Какъ бы тамъ ни было, а Галятовскій считаетъ несомнѣннымъ, что евреи крадутъ христіанскихъ дѣтей, убиваютъ ихъ и вытаскиваютъ кровь. Христіане, по его мнѣнію, должны дѣйствовать противъ іудеевъ тѣмъ же орудіемъ: должны такъ же поступать съ дѣтьми іудеевъ. Онъ уличаетъ евреевъ въ чародѣйствѣ, съ помощью котораго они причиняютъ христіанамъ столько вреда. Они, по увѣренію Галятовскаго, заражаютъ ядомъ воду въ рѣкахъ и источникахъ и этимъ губятъ христіанъ. Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ онъ ссылается на историческія свидѣтельства, въ особенности же на „Зерцало Польскаго королевства“ Баронія и Кромера. Кромѣ того Галятовскій энергично нападаетъ на мошенничество евреевъ. Уже въ то время на Украинѣ обрѣтались въ средѣ іудеевъ истые виртуозы по части составленія подложныхъ документовъ, дѣланія фальшивыхъ монетъ, поддѣлки мѣди и желѣза подъ золото и другихъ способовъ морочить людей и всячески надувать. Точно также онъ обвиняетъ ихъ въ лихоимствѣ. «Вы—говоритъ христіанинъ— всѣми способами стараетесь обмануть, обратъ христіанина, вы считаете это добрымъ дѣломъ. Вашъ талмудъ учитъ васъ этому. Вы опираетесь на тотъ примѣръ, какъ ваши предки взяли когда то въ Египтѣ золото и серебро, дорогія одежды и убѣжали; имъ это не вмѣнилось въ грѣхъ; вы, жида, насъ, христіанъ, считаете на равнѣ съ египтянами погаными и потому обираете насъ, какъ предки ваши обирали египтянъ“. Въ концѣ сочиненія Галятовскій говоритъ, что іудеевъ, за все зло, которое они причиняютъ христіанамъ, слѣдуетъ выгонять изъ государства

или заставлятъ работать, убивать мечемъ, топить въ рѣкахъ и всячески губить; нужно раззорить ихъ синагоги, и т. п.

Вопросъ о магометанствѣ во время Галитовскаго былъ также злобою дня. Война съ турками—магометанами—дѣлала ихъ имя чрезвычайно популярнымъ. Во взглядахъ на магометанство Галитовскій сходится съ народомъ. Онъ такъ же вѣритъ, какъ и народъ, въ приближающееся паденіе магометанства, считаетъ Магомета плутомъ, обманщикомъ, и ждетъ разрушенія мусульманскаго царства русскимъ царемъ, при чемъ желаетъ совершить этотъ славный подвигъ Алексѣю Михайловичу. Галитовскій оставилъ противъ магометанъ два сочиненія. Первое изъ нихъ, извѣстное подъ названіемъ „*Лебедь съ перьями своими*“ (написано въ 1683 году), посвящено Самойловичу, гетману Малороссіи. По своей склонности къ символизму, подъ именемъ „лебедя“ Галитовскій разумѣетъ христіанство или даже самого Христа, противоположный ему символъ магометанства—„орель“. Въ посвященіи авторъ говоритъ, что „лебедь своимъ голосомъ и перомъ возбуждаетъ христіанъ на ратоборство съ мусульманами“. Поэтому онъ задается цѣлю изложить въ своемъ сочиненіи „ученіе, вымыслы и способы, какъ христіане могутъ на войнѣ побѣдить мусульманъ и истребить ихъ гнусное имя съ лица земли“.

Прежде всего авторъ хочетъ рѣшить вопросъ: почему магометане такъ долго держатся на землѣ? Какъ человѣкъ привыкшій вездѣ ссылаться на волю Бога, онъ смотритъ на это съ нравственно богословской точки: „Господь благъ—говоритъ онъ—еще не исполнилась мѣра беззаконій мусульманскихъ... Богъ, руководящій нравственнымъ усовершенствованіемъ христіанъ, находитъ нужнымъ для нихъ же держать этотъ бичъ; Богъ хочетъ испытать постоянство христіанъ въ вѣрѣ: будутъ ли они служить Ему, находясь въ неволѣ, и такъ ли послужать, когда сдѣлаются свободными?“ Кромѣ этихъ причинъ Галитовскій указываетъ еще и на то, что христіанскіе государи не только не могутъ согласиться между собою и подняться единодушно противъ враговъ Христа, но еще „хановъ, атамановъ, царей басурманскихъ, мурзь ихъ и прочихъ живыхъ и здравыхъ снабжаютъ.“ Наконецъ ученіе Магомета само въ себѣ носитъ задатки прочности. Съ одной стороны чувственные удовольствія, освященныя алкораномъ, а съ другой сила

оружія, къ которой прибѣгаютъ послѣдователи Магомета, распространяя его ученія, дѣлають то, что магометанство растетъ и усиливается. Не мало содѣйствуетъ этому и существующій въ мусульманскихъ земляхъ обычай собирать съ подвласныхъ христіанъ подать ихъ малолѣтними дѣтьми, которыхъ воспитываютъ въ духѣ магометова ученія и въ которыхъ магометане приобрѣтають ярыхъ защитниковъ своей вѣры. Радуніе, съ которымъ басурмане встрѣчаютъ ищущихъ у нихъ пріюта христіанскихъ бѣглецовъ, если они принимаютъ ихъ вѣру, тоже не мало поддерживаетъ ихъ. Но не смотря на эти столь благопріятныя обстоятельства, авторъ „Лебеда“ ждетъ скорого уничтоженія мусульманскаго царства. Въ „Лебедѣ“ Галятовскій касается также быта и правовъ мусульманъ и описываетъ ихъ довольно безпристрастно. Хотя и магометане, подобно іудеямъ, не избѣгаютъ обвиненій въ чародѣйствѣ и иныхъ тайныхъ способахъ причинять зло христіанамъ, но за ними признаются нѣкоторыя и благородныя качества. Особенно нападаетъ онъ на строгую турецкую правду. Вотъ какъ отзывается онъ о нихъ, опираясь на какого-то Варооломея Юрьевича, бывшаго 14 лѣтъ въ плѣну у турокъ: „магометане любятъ правду, кривды, обмана у нихъ отнюдь не обрѣтается ни въ жительство, ни въ походѣ; турки покрываютъ свое нечестіе исполненіемъ правды; нѣтъ у нихъ ни юриста, ни прокурора, сегодня отдавай то, что обѣщали вчера. И малыхъ дѣтей турки воспитываютъ такъ, чтобы они были правдивы...“ Но не смотря на такія превосходныя качества, мусульмане, какъ некрещеные, пойдутъ все въ адъ. Съ ними надобно воевать, чтобы избавить христіанъ, положеніе которыхъ чрезвычайно худо.

Другое сочиненіе (относится къ 1687 году) противъ мусульманъ „Алкоранъ магометовъ, ученіемъ еретическимъ, жидовскимъ и языческимъ наполненный, отъ когелева Христова разрушенный“, изложено въ формѣ разговора Алкорана съ когелевомъ, т. е. проповѣдникомъ, и дѣлится на 12 частей. Цѣль этой книги такая же, какъ и первой, а именно: дать христіанамъ руководство въ ихъ религіозныхъ спорахъ съ магометанами. Здѣсь излагается исторія Магомета, говорится объ его законѣ, о мечѣ пророка, его чудесахъ и проч. Въ концѣ высказывается такъ же,

какъ и въ „Лебедь“, надежда на разрушеніе мусульманскаго царства, что, по мнѣнію Галатовскаго, должно достаться на долю Россіи.

Противъ язычниковъ Галатовскій написалъ сочиненіе подъ названіемъ: „*Боги поганскіе*“ (напечатанное въ Черниговѣ въ 1696 году). Произведеніе это посвящено царевнѣ Софіи и снова показываетъ образчикъ лести. Здѣсь онъ высказываетъ оригинальный взглядъ на идоловъ. По его мнѣнію, это не бездушныя чурбаны, а вмѣстѣлица злыхъ духовъ, которые не только встарь господствовали надъ міромъ, но и въ его время продолжали еще смущать людей.

Можно упомянуть еще о двухъ сочиненіяхъ Галатовскаго— „*Алфавитъ еретиковъ*“, написанномъ въ предостереженіе православнымъ. Здѣсь авторъ приводитъ въ азбучномъ порядкѣ тѣхъ, которыхъ относить къ еретикамъ; показываетъ большую начитанность, но смѣшеніе понятій: къ еретикамъ онъ относитъ не только древнихъ философовъ, но даже и тѣхъ, о которыхъ неизвѣстно, какихъ убѣжденій они держались, напр. въ число еретиковъ попалъ Ксерксъ, только потому, что ему снился сонъ, который, по мнѣнію Галатовскаго, происходитъ отъ бѣса. Другое сочиненіе „*Премудрость Божія*, совершающая въ дому своемъ чудеса“ противъ арианъ и другихъ еретиковъ отличается полемическимъ характеромъ.

Важнѣе этихъ обличительныхъ сочиненій стоитъ проповѣдническая дѣятельность Галатовскаго, къ разсмотрѣнію которой теперь и обратимся. Галатовскій издалъ цѣлый томъ проповѣдей подъ названіемъ „*Ключъ разумній*“, состоящей изъ двухъ частей; въ первой помѣщены проповѣди на праздники Господскіе и Богородичныя, во второй на дни святыхъ. Сборникъ этотъ названъ ключемъ потому, что отворяетъ двери священникамъ къ поученію наставы, а посредствомъ поученія—двери небесныя въѣмъ христіанамъ. Галатовскій смотрѣлъ на эту книгу, какъ на руководство для духовныхъ лицъ, которымъ предлагаетъ читать изъ нея поученія къ народу. Проповѣди его имѣютъ характеръ болѣе догматико-изяснительный, чѣмъ нравственно-поучительный. Онъ чрезвычайно любитъ смѣлыя, затѣйливыя сравненія, которыя не всегда удаются. Такъ напр. объясняя тайну соединенія въ Иисусѣ Христѣ двухъ естествъ, онъ указываетъ какъ на подобіе такого соединенія, на человека, знающаго и богословіе и философію, или на лугъ, связанный съ те-

тивною. Или, говоря о побѣдѣ Христа надъ смертью, онъ приводитъ такое остроумное сравненіе: „Ихнеумонъ, проглоченный крокодиломъ, развѣдаетъ ему внутренность. Такъ и Христосъ поступилъ со смертью“. Сверхъ того онъ любитъ приводить примѣры изъ исторіи, беретъ данныя изъ міѳологіи, смѣшивая ихъ съ христіанскими понятіями; такъ у него являются аргонавты, дельфійскій оракулъ приказываетъ устроить божницу для Дѣвы Маріи; рассказываетъ анекдоты, въ родѣ того, что Витовтъ приказалъ зашить въ медвѣжью шкуру человѣка. При томъ же онъ объясняетъ мѣста Св. Писанія въ символическомъ и аллегорическомъ смыслѣ. Объясненія эти держатся иногда только на однихъ словахъ помимо духа и смысла св. Писанія. Такъ напр. въ словѣ „на Срѣтеніе Господне“, назвавъ Христа камнемъ многоцѣннымъ, онъ примѣняетъ къ нему названія разныхъ драгоценныхъ камней, одаренныхъ, какъ думали въ средніе вѣка, чудесной силой: яшмы, шифера, агата, аметиста, изумруда, магнита и др. Почти вся проповѣдь состоитъ въ указаніи сходства многоцѣннаго камня, т. е. Иисуса Христа и его добродѣтелей со свойствами вышеупомянутыхъ камней. Въ словѣ „на Успеніе Богородицы“ Галатовскій перечисляетъ нитки, изъ которыхъ Дѣва Марія соткала себѣ одежду, — льняную, шерстяную, шелковую и золотую. Каждая нитка берется какъ символъ какой-нибудь добродѣтели ея: нитка льняная обозначаетъ терпѣніе, такъ какъ притетовляя ее „мучать“, т. е. сушить, тнуть и бить; шерстяная — чистоту и невинность; шелковая — смиреніе и покорность, такъ какъ шелкъ отличается мягкостью — его можно согнуть какъ угодно, но такъ же и крѣпостью — его трудно разорвать; золотая нитка — мудрость и пр. Въ словѣ „на Благовѣщеніе“ разъясняется, почему Богородица названа небомъ; при этомъ, согласно съ средневѣковыми астрономическими понятіями, перечисляются 11 небесъ или планетъ: луна, меркурій, венера, солнце, марсъ, юпитеръ, сатурнъ, твердь на которой находится всѣ звѣзды, небо кристалльное, первое небо, эфирей. Дѣва Марія можетъ быть названа луной: подъ вліяніемъ луны человѣкъ растетъ, изъ малаго дѣлается большимъ, — Богородица также дѣлаетъ людей изъ малыхъ великими. Она можетъ быть названа солнцемъ: какъ отъ солнца люди получаютъ свѣтъ, при помощи котораго они могутъ все видѣть и разубнавать, — такъ и Пресвятая Дѣва Марія

дасть людямъ смыслъ. Подъ вліяніемъ юпитера родятся люди сильныя, крѣпкія, — Богородица также дѣлаетъ ихъ сильными и крѣпкими и т. д. Вообще подобныя сравненія, анекдоты дѣлали проповѣди Галаятовскаго весьма занимательными и потому „ключъ разумѣнія“ былъ очень распространенъ въ Малороссіи.

Къ той и другой части „ключа разумѣнія“, какъ прибавленія, присоединены правила относительно составленія проповѣдей, составившія „науку або способъ сложенія казаній“. Въ прибавленіяхъ къ первой части Галаятовскій даетъ наставленія относительно выбора темы, на которую пишется проповѣдь, плава ея, дѣленія на части, пріисканія матеріаловъ. Проповѣдникъ, по его ученію, долженъ прежде всего взять тему, непременно изъ священнаго писанія, какъ фундаментъ сочиненія. Самое сочиненіе должно состоять изъ четырехъ частей: изъ *экзордіума* или приступа, *нарраціи* или повѣствованія, *изложенія* и *конклюдіи* или заключенія. Въ экзордіумѣ, въ такъ называемой пропозиціи, т. е. предложеніи, указывается на предметъ, о которомъ будетъ говорить; кромѣ того здѣсь авторъ проситъ Бога или Божию Матерь о помощи, а слушателей о вниманіи. Наррація—самая главная часть проповѣди, въ ней проповѣдникъ долженъ говорить о томъ, что обѣщаль въ экзордіумѣ. Конклюдія повторяетъ въ краткихъ словахъ сказанное въ нарраціи и проситъ слушателей сохранить рѣчь въ памяти. Части сочиненія должны быть согласны съ темой, такъ чтобы то, что находится въ темѣ, находилось и въ экзордіумѣ, и въ нарраціи, и въ конклюдіи. Разсуждая о матеріалахъ для проповѣди, Галаятовскій главнымъ источникомъ считаетъ слово Божіе и творенія отцевъ церкви, но въ тоже время, слѣдуя примѣру польскихъ и латинскихъ проповѣдниковъ, присоединяетъ сюда и свѣтскія науки: „нужно читать—говорить оны—исторію и хроники о разныхъ государствахъ и странахъ, что въ нихъ прежде происходило и что теперь дѣлается; также слѣдуетъ читать книги о звѣрихъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, камняхъ, травахъ, о разныхъ водахъ, которыя находятъ въ морѣ и рѣкахъ, въ колодцахъ и другихъ мѣстахъ, обращать вниманіе на ихъ происхожденіе, свойство и дѣйствіе,—все это слѣдуетъ замѣчать и приспособлять къ своей рѣчи; а для того, чтобы умѣть приложить къ дѣлу замѣтованное изъ другихъ книгъ, слѣдуетъ изучать со-

временныхъ проповѣдниковъ. „Если ты будешь читать тѣ книги и поученія, то найдешь въ нихъ обильную матерію, изъ которой можешь составить поученіе во славу Божию, на отпоръ еретикамъ, на утвержденіе вѣрныхъ и на спасеніе своей души“. Для того, чтобы легче собирать матеріалъ, Галатовскій совѣтуетъ имѣть въ виду вопросы: кто чинилъ? что чинилъ? въ какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? для чего? какимъ образомъ? въ какое время? Это расположеніе матеріала по выше приведеннымъ вопросамъ есть не что иное, какъ схоластическое ученіе объ источникахъ для сочиненія по семи вопросамъ: *quis, quid, ubi* и т. д. Между другими источниками для проповѣди Галатовскій указываетъ на толкованіе имени святаго, о которомъ говорится въ проповѣди, на объясненіе какого нибудь слова, вообще на виѣшніе признаки. „Пользуясь однимъ этимъ — говоритъ онъ — можно составить цѣлую проповѣдь. Напр. въ недѣлю (т. е. воскресенье) скажи: недѣля названа такъ потому, что въ этотъ день ничего не дѣлають, а только Богу молятся. Въ день Василія говори, что Василій значитъ царь, ибо Василій Святой царствовалъ надъ своимъ тѣломъ и теперь царствуетъ со Христомъ на небѣ“ и т. д. Стараясь сдѣлать проповѣдь какъ можно занимательнѣе, онъ совѣтуетъ составлять не совсѣмъ понятныя для слушателей вступленія, чтобы этимъ возбудить ихъ вниманіе, и хитрыя заключенія, чтобы расположить ихъ придти на слѣдующую проповѣдь. „Если, напр., ты проповѣдывалъ въ Цвѣтную недѣлю и намѣренъ еще проповѣдывать на Страсти Христовы, то, окончивъ свою проповѣдь въ Цвѣтную недѣлю, скажи такъ: Православные христіане! Прошу и увѣщаваю васъ, чтобы вы были благочестивы, ходили въ церковь, молились Богу, такъ какъ на слѣдующей недѣлѣ будетъ страшный судъ. Сказавъ это, сойди съ кафедръ. А когда придутъ Страсти Христовы, то скажи проповѣдь на такую тему: Пилать, слышавъ сіе слово, изведе вонъ Иисуса и сѣде на судици (Іоан. 19.13.), и говори такъ: православные христіане! прошлый разъ я сказалъ, что на этой недѣлѣ будетъ страшный судъ, а вотъ теперь и есть страшный судъ, потому что Пилать и жида судятъ и приговариваютъ къ смерти Иисуса Христа“. Или вотъ еще примѣръ. „Если ты говорилъ проповѣдь въ недѣлю четырнадцатую и намѣренъ былъ проповѣдывать и въ пятнадцатую недѣлю, то, кончивъ первую проповѣдь, скажи:

православные христіане! приглашаю вашу милость на слѣдующую недѣлю въ церковь: буду раздавать вамъ одежды, чтобы вы были готовы къ благочестію и къ слушанію слова Божія. Сказавъ это, сойди съ кафедры. А когда пастанеть пятнадцатая недѣля, то говори проповѣдь на тему: «Друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна» (Мат. 22.12), и начинай ее такъ: православные христіане! я обѣщаль вамъ раздавать сегодня брачныя одежды; исполняю свое обѣщаніе: даю каждому изъ васъ одежду брачную, безъ которой никто не можетъ войти на бракъ небесный, упоминаемый у евангелиста Матѳея*.

Во второй части сборника Галатовскій приложилъ правила, какъ должно пользоваться проповѣднику его словами и поученіями для составленія новыхъ поученій. „Изъ слова на св. Георгія, говоритъ проповѣдникъ, ты можешь составить другое слово на св. Димитрія, Проконія, Евстафія и другихъ мучениковъ; тема будетъ таже, тотъ же экзордіумъ, таже нарраціи и конклюдія, только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіѣ, ты называй Димитрія, Евстафія и др. Изъ словъ на праздники господскіе и богородичныя можно составить слова на дни святыхъ. Напр. въ моей проповѣди на Срѣтеніе Господне изъ камней, съ которыми сравнивается Христосъ, можно сдѣлать архіерейскую корону св. Николаю. Въ нарраціи перечисли тѣ дорогіе камни: лапидъ, шиферъ, аметистъ, топазъ, магнитъ и др., которыхъ Николай имѣетъ въ своей коронѣ—10 и каждого камня объясни свойство и дѣйствіе и прилагай къ св. Николаю такъ же, какъ я прилагалъ ихъ ко Христу. Въ моей проповѣди на Успеніе перечисляются нитки, изъ которыхъ Божія Матерь сдѣлала себѣ одежду; изъ этихъ нитокъ ты можешь сдѣлать одежду св. Онуфрію, котораго изображаютъ нагимъ. Тема будетъ такая: „Аще видѣши нага, одѣй (Исаія 58)“. Въ нарраціи перечисли нитки, изъ которыхъ сдѣлалъ себѣ одежду Онуфрій, и покажи ихъ значеніе. Экзордіумъ же и конклюдію составлай какіе хочешь какъ къ коронѣ св. Николая, такъ и къ одеждѣ св. Онуфрія“. Наконецъ Галатовскій учитъ, какъ изъ цѣлаго слова сдѣлать часть для другаго слова, и наоборотъ, какъ изъ какой-нибудь одной части сдѣлать цѣлое слово. „Нужно-говорить онъ-для этого ту часть слова распространить и расширить, прибавить къ ней примѣры, подобія, изреченія, фигуры, — и небольшая часть слова сдѣлается большимъ словомъ“.

Вообще въ проповѣдяхъ Галлятовскаго стоитъ на первомъ планѣ соблюденіе формы и правилъ, имъ самимъ установленныхъ. Единственное наставленіе относительно внутреннихъ качествъ и характера проповѣди есть то, чтобы проповѣдникъ не доводилъ своихъ слушателей до отчаянія. „Можно смутить и утратить—говорить Галлятовскій—сказавши, что дѣлающіе зло лишаются царствія небеснаго, но потомъ нужно подать надежду на спасеніе и утѣшеніе, если они покаются и перестанутъ дѣлать зло“. Такъ напр. моя наррація въ словѣ на день св. Георгія можетъ смутить и утратить, ибо въ ней сказано, что немного людей будетъ на небѣ, больше будетъ въ аду, но въ конклюдисъ подается надежда на спасеніе, ибо въ ней написано, что на свѣтѣ много жидовъ, татаръ, турокъ, аріанъ, несторіанъ и другихъ поганыхъ еретиковъ; ими Богъ наполнитъ адъ, а мы, православные христіане, надѣемся, что достигнемъ неба, ибо вѣруемъ въ истиннаго Бога, только надо дѣлать добро и покаяться во грѣхахъ“.

Кромѣ того Галлятовскій составилъ „Способъ слаженія надгробныхъ проповѣдей“, въ которыхъ требуется безусловное восхваленіе умершаго. Толкованіе имени и здѣсь стоитъ не на послѣднемъ планѣ. Если покойника звали Стефаномъ, что значитъ вѣнецъ, то, указавъ на умершаго, должно было сказать, что онъ пріобрѣлъ себѣ вѣнецъ какъ бы изъ драгоценныхъ камней или цвѣтовъ, подъ которыми разумѣются его качества и дѣла. Вообще Галлятовскій совѣтуетъ не пренебрегать ничѣмъ, что можетъ наполнить слово похвалами: возрастъ, гербъ, фамилія покойнаго доставляютъ ему много матеріала. „Можешь—говоритъ онъ—припомнить фамилію умершаго, сказать, что она древняя, существуетъ сто или, пожалуй, тысячу лѣтъ на свѣтѣ, что она находилась въ родственной связи съ многими знатными домами; можешь взять прозвище покойнаго; напр. если онъ назывался Бронницкимъ, ты говори: онъ такъ назывался оттого, что боронилъ отчизну; или наприм. умершаго называли Любомирскимъ, ты говори: это онъ оттого Любомирскій, что миръ возлюбилъ“ и т. д.

Между матеріалами для проповѣднаго слова Галлятовскій, слѣдуя примѣру западныхъ богослововъ, которые имѣли обыкновеніе подкрѣплять извѣстіями о чудесахъ догматы и правила христіанскаго ученія, отвелъ мѣсто и сказанію о чудесахъ. Особенно мно-

го было на западѣ сборниковъ чудесъ дѣвы Маріи. Однѣ изъ нихъ былъ два раза переведенъ въ XVII в. (1668 и 1683 гг.), подѣ названіями: „Звѣзда пресвѣтлая“ и „Вѣнецъ разумный“. Подражая западнымъ образцамъ, Галатовскій издалъ (въ 1665 году), въ Львовѣ, вѣроятно, въ дополненіе къ приложенному имъ собранію чудесъ Богородицы при его теоріи духовнаго краснорѣчія, „небо новое съ новыми звѣздами сотворенное, т. е. Благочинная Дѣва съ чудесами своими“ и „скарбницу пожителную“ т. е. сокровищницу полезную (1676 г.). Въ первомъ сборникѣ заслуживаетъ вниманія посвященіе Потоцкой, сестрѣ Петра Могилы, какъ образецъ лести XVII ст. знатнымъ особамъ. Галатовскій производитъ домъ Могилы отъ Муція Сцеволы, „отважпато и къ отчизнѣ своей горязпато (ревностнаго) рыцаря римскаго“, и называетъ его „небомъ, усеяннмъ новыми звѣздами“. „Вотъ, по его словамъ, праотцу нашему Адаму сказалъ: земля еси въ землю пойдеши, а я скажу Пресвятой Богородицѣ: ты небо еси и пойдешъ въ небо могилянское!“.

Подѣ именемъ „Скарбницъ“ разумѣются скарбы, т. е. чудеса Пресвятой Богородицы въ черниговско-елецкомъ монастырѣ, гдѣ Галатовскій былъ игуменомъ. Книга эта назначена священникамъ для назидательнаго чтенія въ церкви, проповѣдникамъ для легчайшаго присканія матеріала, всемъ христіанамъ для защиты вѣры отъ еретиковъ, жидовъ и язычниковъ. Чудеса дѣлятся на группы по періодамъ жизни Богородицы, по родамъ людей, надѣ которыми они были совершены, по мѣсту и по времени ихъ совершенія и т. д. Заимствованное изъ различныхъ источниковъ пополняется чудесами, совершенными въ Россіи.

Антоній Радивилловскій, проповѣдническая дѣятельность котораго имѣетъ не мало чертъ общихъ съ Галатовскимъ, былъ игуменомъ Пустынно-Николаевскаго монастыря въ Кіевѣ. Проповѣди, кромѣ которыхъ онъ никакихъ сочиненій не писалъ, состоятъ изъ двухъ сборниковъ: „Огородка Пресвятой Богородицы“ (1676 г.) и „Винца Христова“ (1688 г.). Первый сборникъ посвященъ Богородицѣ. Въ посвященіи авторъ объясняетъ значеніе этого игриваго названія: „Пречистой дѣвѣ Маріѣ... сей начатокъ труда, огородкомъ Маріи Богородицы названнаго, прахъ и пепель, и недостойный рабъ, огородка того пасадитель, смиренно посвяща-

еть... Молю, да за этотъ посаженный тебѣ огородокъ Ты введешь меня на второмъ пришествіи Сына Твоего въ небесной огородокъ вѣстѣ съ тѣми святыми, которыхъ недостойный рабъ Твой, прославлялъ до настоящаго времени“.

Заглавіе второго сборника, посвященнаго Спасителю: „Вѣнецъ Христовъ съ проповѣдей недѣльныхъ, аки съ цвѣтовъ рожаныхъ на украшеніе православно-каѳолической церкви испостенный“, онъ поясняетъ слѣдующимъ двустиніемъ:

«Цвѣтами словесъ Царя Бога Слова,
Глава да будетъ вѣнчана Христова!»

Давая своему сборнику названіе, напоминающее розовые цвѣты, авторъ имѣлъ въ виду, по собственному паввному признанію, привлечь читателей на эту книгу, какъ врачи подбавляютъ къ лѣкарствамъ сахара, чтобы больные охотнѣе принимали. Сближеніе и сопоставленіе духовныхъ предметовъ съ предметами и явленіями природы физической еще рѣзче высказывается у Радивиловскаго, чѣмъ у Галятовскаго. Пользуясь св. Писаніемъ и церковными учителями, какъ основою для слова, для подтвержденія главной мысли. Радивиловскій весьма часто приводитъ свидѣтельства древнихъ языческихъ писателей: Тацита, Плутарха, Цицерона, Плинія, Виргилія и др., примѣры изъ исторіи и міѳологіи, апокрифы, изъ которыхъ составляетъ иногда цѣлыя слова, разные анекдоты и случаи изъ повседневной жизни, особенно любитъ басни Эзопа, которые примѣняетъ къ религіознымъ предметамъ, и пословицы. Если характеръ легкой болтливости, пріобрѣтенный проповѣдью чрезъ эти украшенія, и не соответствовалъ ей назначенію, то во великомъ случаѣ давалъ Радивиловскому возможность щеголять остроуміемъ и начитанностью. Вотъ нѣкоторыя изъ его сравненій. Въ одномъ мѣстѣ Радивиловскій вѣспоминаетъ, какъ гладиаторы намазывали масломъ свое тѣло и одинъ посыпалъ другаго пескомъ, чтобы можно было ухватиться. Это дѣлалъ, который ухищряется схватить пась, намазанныхъ елеемъ благодати. Въ словѣ въ недѣлю вторую по пятидесятницѣ на текстъ: „Иисусъ ходилъ при морѣ галилейскомъ“ и пр., Радивиловскій, объясняя что, подѣ моремъ галилейскимъ можно разумѣть „сей прелестный свѣтъ“, проводить параллель между міромъ и моремъ, рыбами и людьми. „Въ мірѣ, семъ великомъ и пространномъ морѣ, люди погружены, живутъ и дѣйству-

ютъ, какъ рыбы въ морѣ. Какъ въ морѣ тиверіадекомъ были разныя ловленія рыбъ, такъ и въ этомъ свѣтѣ одни люди ловятъ богатство, другіе — почести; одни роскошь, другіе — расположеніе своихъ господъ. При этомъ употребляются разныя способы ловленія или свѣти: свѣтъ лукавства, свѣтъ пороковъ, лицемерія. Какъ въ морѣ рыбы играютъ и бѣгаютъ повсюду, какъ будто дѣлаютъ что-нибудь нужное и полезное, но иногда ничего не находятъ, и люди бѣгаютъ повсюду, гоняются за почестями, богатствомъ и роскошью свѣта и потомъ приходятъ у него въ забвеніе и проч. Что касается историческихъ анекдотовъ, такъ часто приводимыхъ Радивиловскимъ, то они интересны только сами по себѣ, а къ тому, въ подтвержденіе чего приводятся, не имѣютъ никакого отношенія. Такъ у него встрѣчается рассказъ о Камбизѣ, который съ одного несправедливаго приказалъ снять кожу и на обитомъ ею креслѣ посадить сына казненаго, чтобы и онъ, и окружающіе видѣли, какая казнь слѣдуетъ за мздоимство; передается рассказъ о жидѣ, давшемъ христіанину въ долгъ 500 дукатовъ, съ условіемъ за неуплату вырѣзать у него кусокъ мяса.

Не смотря на удобопонятность своей рѣчи, на обиліе примѣровъ, доказательствъ, сравненій, Радивилловскій, уступаетъ Галатовскому въ даровитости, проповѣди его не такъ занимательны. Онъ бываетъ мѣстами невыносимо скученъ отъ растянутыхъ и безсодержательныхъ фразъ. Часто уходитъ въ такія мелочи, изъ которыхъ даже схоластика не можетъ извлечь ничего занимательнаго. Такъ напр. никакое краснорѣчіе не прикроетъ пустоты одной изъ его проповѣдей на Өомишу педѣлю, все содержаніе которой состоитъ изъ приведенія мѣстъ св Писанія, гдѣ употребляется слово „посреди“ для того, чтобы растолковать, зачѣмъ І. Христосъ явившись ученикамъ послѣ воскресенія, всталъ посреди ихъ. Нравственно-поучительная сторона проповѣдей Радивилловскаго очень слаба и ограничивается общими словами. Вообще о проповѣдяхъ того времени слѣдуетъ замѣтить, что, подражая польскимъ и латинскимъ образцамъ, проповѣдники заботились только о занимательности проповѣдей, нисколько не обращая вниманія на поученіе и назиданіе слушателей, старались больше обратить вниманіе на самихъ себя, блеснуть своимъ умомъ и начитанностью, а для того прибѣгали къ баснословнымъ рассказамъ и анекдотамъ или вдавались въ хитрыя схоластическія разсужденія.

Третій замѣчательный проповѣдникъ Малороссіи, **Лазарь Барановичъ**, не ограничивался, какъ Галятовскій и Радивиловскій, одною литературною извѣстностью: онъ стремился къ высшему духовному сану, достигъ званія монастырскаго настоятеля и послѣ Меодія былъ назначенъ блюстителемъ митрополичьяго престола, по этому ему казалось мало: онъ добивался сана митрополита. Однако, какъ ни боролся со своими соперниками, онъ успѣлъ только достичь сана архіепископа Черниговскаго, въ которомъ и скончался (въ 1694 г.)

Барановичъ писалъ главнымъ образомъ проповѣди и гордился репутаціей краснорѣчиваго проповѣдника. Проповѣди его состоятъ изъ двухъ сборниковъ. Первый изъ нихъ (написанный въ 1666 г.) извѣстенъ подъ названіемъ: „*Мечъ духовный*“, еже есть глаголь Божій“ и заключаетъ въ себѣ слова и поученія на дни воскресные и переходящіе праздники, начиная съ Пасхи и кончая великой субботой. Барановичъ жилъ въ смутное время войнъ казаконъ съ Польшею и присоединенія Малороссіи къ Москвѣ. Объясняя заглавіе „*Меча духовнаго*“, онъ говоритъ: „въ сіи времена полныя брани ничто такъ не полезно, какъ мечъ, читатель возлюбленный!... Самъ Христосъ сказалъ: кто не имѣетъ меча, пусть продастъ одежду и купить его. Но сей мечъ не такой, какъ у Петра, который обрѣзалъ ухо Малху; сей духовный мечъ, глаголь Божій, исходящій изъ устъ Христовыхъ, не убиваетъ, но живить.. Я подаю его на помощь церкви воюющей“.

Другой сборникъ (составленный въ 1674 году) носитъ названіе „*Трубы словесъ проповѣдныхъ*“ и заключаетъ въ себѣ проповѣди на дни святыхъ и непереходящіе праздники. Это сочиненіе связано съ первымъ слѣдующею мыслію, высказанною въ предисловіи: „чтобы сыны восточной воюющей церкви усердиѣ служили ей мечемъ духовнымъ, издалъ я трубный гласъ на праздники; ибо какъ въ битвахъ воинскій жаръ возбуждается трубами, такъ и для возбужденія жара при духовной брани мы трубимъ трубою въ нарочитые праздники“. Барановичъ, какъ сказано было, считался краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Въ краснорѣчьи, въ смыслѣ риторической напыщенности языка, отказать ему дѣйствительно нельзя, но по крайней бѣдности мысли и отсутствію искренняго чувства, проповѣди Барановича стоятъ ниже словъ Галятовскаго и даже Ра-

дивиловскаго. Барановичъ также любитъ останавливаться на какомъ нибудь словѣ, припоминать все, съ чѣмъ это слово или выражаемое имъ понятіе имѣеть какое нибудь соотношеніе, и проводить натянутыя, уродливыя сравненія. Въ словѣ на день св. Георгія у него встрѣчаются такія сопоставленія Великомученикъ Георгій былъ колесованъ. Колесо — это подобіе обручальнаго кольца; значитъ Георгій „яко дѣва чистая обрученъ былъ Христу, а вмѣсто кольца принялъ колесо“ Колесо напоминаетъ проповѣднику небесный звѣздный кругъ, и отсюда фраза: „ради небесъ Георгій творилъ кругъ на колесѣ“. Наконецъ колесо имѣеть сходство съ хороводомъ, и проповѣдникъ замѣчаетъ, что колесо пляски ведетъ въ геенну огненную. Особенно любитъ Барановичъ отыскивать въ священномъ писаніи символическій и аллегорическій смыслъ. Такъ въ словѣ объ умноженіи хлѣбовъ онъ приравниваетъ пять хлѣбовъ и двѣ рыбы евангельскаго сказанія пяти ранамъ Спасителя и двумъ естествамъ его. По отношенію къ людямъ эти пять хлѣбовъ и двѣ рыбы замѣчаютъ собою пять чувствъ человѣка и двѣ силы его души: разумъ и волю. Въ приступѣ слова югозападные проповѣдники, слѣдуя правиламъ Галатовскаго, имѣли обыкновеніе обращаться къ Богу или къ Богородицѣ съ молитвою о помощи, а къ слушателямъ съ просьбою о вниманіи, — у Барановича эти обращенія допелъзя трескучи и вычурны. Такъ напр. въ словѣ о расслабленномъ онъ говоритъ : „въ нынѣшней проповѣди вспомнилъ о томъ, какъ при купѣли овчей возстановилъ расслабленнаго отъ расслабы агнецъ Христосъ. Исусе, исцѣляющій всякій недугъ и всякую язву въ расслабленномъ, исцѣли и мою расслабу въ глаголаніи, а слушателей въ слышаніи!“ Или вотъ какъ онъ молится Богородицѣ: „аще были быхомъ центинедесъ стоножны, всѣ бы мы къ Богородицѣ прилежно притекали, яко грѣшныи. Аще быхомъ были арги (т. е. аргусы) стоочныи, всѣ бы мы на Тебя смотрѣли, яже милосердія двери намъ отверзаси. Аще быхомъ были центимани сторучныи, всѣ бы мы Твоей ризѣ помлащенней прикасалися“ У Барановича мы не находимъ ни ссылокъ на исторію, ни выдержекъ изъ древнихъ писателей, ни анекдотовъ, даже къ заимствованіямъ сравненій изъ природы онъ прибѣгаетъ рѣдко. Все краснорѣчіе зиждется на предметахъ религіозныхъ. „Проповѣдуя о томъ, кто сказать: Азъ есмь истина, я

старался -- говорить онъ -- писать только истину, не прибавляя не только никакихъ басней, но даже исторій, внѣ писанія священнаго и изученія церковнаго сущихъ“. Съ этой стороны своихъ поученій Лазарь приближается къ восточнымъ проповѣдникамъ церковно-византійскаго направленія. Сходство это поддерживается и языкомъ: Барановичъ писалъ больше по церковно-славянски, чѣмъ по польски. Впрочемъ и онъ, слѣдуя знаменитому способу сочинять проповѣди, употребляетъ иногда сравненія изъ міра животныхъ. Такъ въ одномъ словѣ каждый грѣхъ человѣческій онъ уподобляетъ какому нибудь звѣрю: гордость -- льву, лихоимство -- киту, гнѣвъ -- волку, обьяденіе -- медвѣдю, зависть -- ису, лѣность -- ослу. По перечисленнымъ свойствамъ проповѣди Барановича не были понятны для простаго народа. За то онѣ высоко цѣнились книжниками, видѣвшими въ неестественномъ языкѣ проповѣдника перлы отечественнаго краснорѣчія.

Нѣсколько словъ были написаны Барановичемъ царю Алексею Михайловичу на разные случаи въ жизни его. Почти всѣ онѣ наполнены разными избитыми фразами и неестественными сравненіями.

Кромѣ сочиненій на русскомъ языкѣ Барановичъ написалъ и на польскомъ, -- это именно „Житія святыхъ“, „Стихотворное сочиненіе о случаяхъ человѣческой жизни“ и „Новая вѣра старой вѣры“. Последнее сочиненіе полемическое; написано противъ іезуита Боймы о главенствѣ наны и объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына.

Проповѣдь выше приведенныхъ трехъ проповѣдниковъ, согласная съ требованіемъ схоластической науки и украшенная различными примѣрами и свидѣтельствами, служила доказательствомъ образованности русскихъ проповѣдниковъ и могла освобождать православное духовенство отъ упрековъ въ невѣжествѣ со стороны католическихъ ученыхъ и іезуитовъ. Она, конечно, правилась образованнымъ людямъ, знавшимъ міеологію, исторію, риторику и другія науки, но не была полезна большинству, которое было незнакомо съ науками, и простому народу, который не умѣлъ даже читать и слѣдовательно, нисколько не интересовался утонченными сближеніями, противоположеніями и другими приѣмами и формами краснорѣчія. Тѣмъ не менѣе такое направленіе надолго утвердилось въ югозападной проповѣди и вмѣстѣ съ тамошними учеными

перешло въ Москву. Этимъ направлѣніемъ, хотя не въ одинаковой степени, отличаются, какъ мы увидимъ, и проповѣди Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго и другихъ проповѣдниковъ до-Петровскаго періода.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

(Души людей умершихъ, соч. Галатовскаго).

Въ числѣ сочиненій Галатовскаго противъ католиковъ есть еще одно, написанное противъ ихъ ученія очистилищъ, это — *„Души людей умершихъ“*. Въ этомъ сочиненіи авторъ изображаетъ состояніе душъ умершихъ за гробомъ, описываетъ жилища праведныхъ и грѣшныхъ, небо и адъ. Души праведныхъ, по мнѣнію его, размѣщаются на небесахъ въ девяти отдѣленіяхъ, по числу девяти чиновъ архангельскихъ и сообразно тѣмъ обязанностямъ, какія возложены на эти чины. Противоположное небесамъ жилище грѣшниковъ — цекло, т. е. адъ, состоитъ изъ двухъ отдѣленій, первое — отхлань цекельная (бездна), второе — огненная гесина. Въ первомъ отдѣленіи до пришествія Христа находились ветхозавѣтные праведники вмѣстѣ съ язычниками Спаситель освободилъ праведниковъ, которые ждали Его, но оставилъ тамъ язычниковъ. Второе отдѣленіе ада, предназначенное для грѣшниковъ, изобилуетъ всевозможными муками; тамъ для каждаго грѣха специальная мука. Въ адѣ будетъ большая тѣснота: „все цекло — говоритъ Галатовскій — будетъ биткомъ набито грѣшниками: одни на самомъ днѣ, посредицѣ, третьи наверху; словно кто положитъ въ бочку рыбы и заткнетъ ее чепомя“. Далѣе идетъ описаніе мытарствъ, черезъ которыя должна проходить душа по отдѣленіи отъ тѣла.

Н. Шумкаревъ, ученикъ VII кл. Вологодской Гимназіи.

ПЕРЕХОДЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ МОСКВУ.

Школы и главнѣйшіе дѣтели на пользу просвѣщенія въ Москвѣ. Труды Епифанія Славинецкаго и Симеона Полоцкаго. Славяно-греко-латинская академія при Лихудяхъ; дальнѣйшая дѣятельность московскихъ ученыхъ.

А.

Въ то время, какъ на юго-западѣ Руси шла жаркая борьба за религіозную независимость, борьба вызвавшая усиленную работу мысли и различныя измѣненія внутренняго быта (необходимыя въ виду успѣшнаго веденія борьбы), Русь Московская продолжала безмятежно почивать на неизмѣнныя праотеческія заветы и обычаи, безъ всякаго осмысленнаго къ нимъ отношенія, съ одной непоколебимой, упорной, но бездоказательной вѣрой въ непогрѣшимость вѣковыхъ традицій. Разумѣется, были личности, которыя, стоя по своему развитію выше общаго уровня, понимали всю неудовлетворительность такого порядка вещей. Но трудно было измѣнить убѣжденія того образованнаго большинства, которое по своей умственной ограниченности мало чѣмъ отличалось отъ массы темнаго люда и все таки было выразителемъ умственныхъ потребностей народа. Большинство священниковъ отличалось отъ простыхъ людей только грамотностью и слѣпо слѣдовало буквѣ церковныхъ уставовъ. Мало по малу дѣло дошло до того, что стали относиться съ недоувѣріемъ къ греческимъ подлинникамъ, потому что сличеніе съ послѣдними нашихъ переводовъ обнаруживало между ними не мало рѣзкаго различія. Подмѣченныя отступленія объяснялись не невѣрностью переводовъ, а новѣйшимъ искаженіемъ греческихъ книгъ, возможнымъ, какъ полагали, потому, что греческія богослужебныя книги, съ порабощеніемъ Греческой имперіи турками, печатались на западѣ. По этой же причинѣ и на мнѣнія малорусскихъ писателей смотрѣли крайне враждебно. Москвичи не вѣрили въ чистоту православія юго-западныхъ представителей духовенства, имѣвшихъ частыя сношенія съ католиками. Тѣмъ болѣе могли они казаться вѣроотступниками, что многіе изъ нихъ ѣздили для довершенія образованія за границу, гдѣ по мнѣнію москвичей, должны были неминуемо онеганиться латинской ересью. Вотъ почему московская цензура не пропускала юго-западныхъ произведеній, напрягая всѣ усилія къ тому, чтобы отыскать въ представляемыхъ на сея просмотрѣніе книгахъ еретическій смыслъ. Такъ два раза было просматриваемо „Учительное Евангеліе“

Кир. Транквилюона, и всякій разъ придиричизе критики, на основаніи неправильно понятыхъ мѣстъ, приписывали автору не православные взгляды.

Между немногими просвѣщенными людьми сѣверной Руси выдавался въ то время по личнымъ особенностямъ характера бояринъ *Θ. М. Ртищевъ*. Въ прогивность своимъ современникамъ, не допускавшимъ критическаго отношенія къ тому, что выработала жизнь правдѣ, онъ надъ всемъ задумывался, во все вникалъ, искалъ во всемъ внутренняго смысла. Не мудрено поэтому, что отъ него не ускользнули ошибки и искаженія, вкравшіяся въ наши богослужебныя книги. Видя въ невѣжествѣ причину того упорства, съ какимъ народъ противился исправленію книгъ, Ртищевъ принялся усердно хлопотать о заведеніи училища, въ которомъ бы преподавателями были люди западнаго либеральнаго образа мыслей. Выписывая для этого ученыхъ изъ Кіева, онъ надѣялся на дѣятельное участіе ихъ въ дѣлѣ исправленія книгъ. Въ то время это былъ животрепещущій вопросъ въ небольшомъ кружкѣ просвѣщенныхъ бояръ, любимцевъ государя. На зовъ Ртищева явились въ Москву нѣсколько монаховъ. Главнымъ изъ нихъ былъ **Епифаній Славинецкій**, іеромонахъ братскаго монастыря. По воспитанію своему Славинецкій принадлежалъ къ числу немногихъ просвѣщенныхъ представителей современнаго ему духовенства. Кончивъ курсъ въ Кіево-Могилянской коллегіи, онъ отправился для завершенія образованія за границу, гдѣ слушалъ разныхъ европейскихъ знаменитостей въ области науки и литературы. По возвращеніи изъ заграницы, онъ сдѣлался преподавателемъ въ Кіево-Могилянской коллегіи. Зная, сколько пользы можно принести въ Москвѣ, гдѣ умственный застой грозилъ самыми печальными послѣдствіями, Епифаній охотно принялъ приглашеніе Ртищева и оставилъ коллегію. Занявшись въ Москвѣ обученіемъ юношества въ новооткрытой школѣ при Андреевскомъ Преображенскомъ монастырѣ, (1649) Епифаній находилъ время и для литературныхъ трудовъ. Онъ началъ съ перевода твореній св. отцовъ. Благодаря его усердію, литература наша обогатилась новѣйшими правильными переводами наиболѣе любимыхъ у насъ церковныхъ писателей, каковы: Аонасій Александрійскій, Іоаннъ Дамаскинъ, Іоаннъ Златоустъ. Но главное дѣло предстояло Епифанію впереди. Въ это время энергическій патріархъ Никонъ, опираясь единственно на свою власть, рѣшилъ

подвергнуть тщательному пересмотру и исправленію всѣ церковныя сочиненія. Важность такого предпріятія требовала самаго осмотрительнаго выбора сотрудниковъ. Епифаній, какъ человѣкъ громадной учености, прежде всѣхъ обратилъ на себя вниманіе Никона. Патріархъ назначилъ его предѣвателемъ комисіи, составленной для сличенія и исправленія церковныхъ книгъ. Епифаній всей душой отдался этому дѣлу, имѣвшему, въ глазахъ всѣхъ образованныхъ людей того времени, весьма важное значеніе, и блестяще оправдалъ довѣріе патріарха. Обыкновенно искоренителемъ церковныхъ нестроеній считаютъ Никона, въ дѣйствительности же Никону принадлежитъ только инициатива, или вѣрнѣе, высочайшее разрѣшеніе на введеніе реформы, необходимость которой была понята людьми болѣе развитыми, чѣмъ умный, энергичный, но недостаточно компетентный въ этомъ патріархъ. Исправленіе же книгъ было единственно дѣломъ Епифанія и работавшихъ подъ его руководствомъ монаховъ. Достоинства сдѣланныхъ переводовъ, послѣ того не нуждавшихся ни въ какихъ существенныхъ измѣненіяхъ, говорятъ о неоцѣнимой заслугѣ Славинецкаго. Иначе и быть не могло, судя по той строгой обдуманности и осторожности, съ какими Епифаній выполнялъ высокое порученіе. Прежде всего онъ выбралъ себѣ достойныхъ помощниковъ. Подъ его надзоромъ занимались переводами земляки его: Арсеній Сатановскій и Данило Птицкій, Арсеній Грекъ, затѣмъ нѣсколько великорусскихъ духовныхъ лицъ: священникъ Никифоръ, бывший игумень Сергій, инокъ Чудова монастыря Евѳимій и др. Комисія располагала огромнымъ запасомъ старинныхъ греческихъ рукописей, за которыми нарочно отправляли въ Грецію Арсенія Суханова. При столь толковомъ веденіи дѣла, предпріятіе Никона, естественно, выполнено было удачно. Подъ руководствомъ Епифанія были напечатаны богослужебныя книги въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ употребляются онѣ и по настоящее время. Тогда вышли: *Служебникъ* съ предисловіемъ самого Епифанія, *Часословъ*, *дѣнь Тріоди*, *Смѣдованная псалтырь*, *Общая Мисья*, *Прологъ* и, какъ дополненіе къ нимъ, *Новая Скрижаль*, содержащая объясненіе литургіи и прочихъ обрядовъ Восточной церкви съ приложеніемъ исторіи исправленія книгъ въ Россіи. Велѣдъ за этими сочиненіями комиссія издала, удовлетворяя также насущной потребности времени, церковныя законоположенія, не учѣтывшія отъ сознательныхъ и бессознатель-

ныхъ пасилій разныхъ комментаторовъ. Всѣ переводы, какъ лично принадлежащіе Епифанію (а къ числу его собственныхъ переводовъ кромѣ твореній св. отцовъ принадлежитъ нѣсколько свѣтскихъ книгъ по исторіи, географіи и педагогикѣ), такъ и тѣ, которые выходили изъ подъ его редакціи, отличаются буквальной вѣрностью подлинникамъ, что уменьшаетъ ихъ литературныя достоинства. Ради буквальной точности Славинецкій жестокимъ образомъ коверкаетъ родной языкъ, подчиняя его несвойственнымъ греческимъ оборотамъ и сочиняя собственные неологизмы, составленные на греческій ладъ. Вотъ нѣсколько словъ и оборотовъ, чуждыхъ духу славянской рѣчи: вредословити хулити, укрестовасте — распясте, разогнство — воспламенение, целепетвовалеса повилеса целенами. Завѣтной мыслью Епифанія, не покидавшей его во всю жизнь, было изданіе новаго перевода библіи. Къ сожалѣнію, это предпріятіе, требовавшее немалыхъ затратъ, не могло осуществиться въ то тяжелое время, когда война истощала и безъ того скудныя средства казны. Въмѣсто изданія новаго перевода Епифаній долженъ былъ помириться на перепечатаніе библіи Острожской съ нѣкоторыми поправками грубыхъ ошибокъ. Впрочемъ Славинецкій не терялъ надежды на лучшее изданіе въ недалекомъ будущемъ. Когда военныя дѣла нѣсколько поправились, онъ съ обычной настоятельностью началъ просить государя, владыкъ и бояръ ссудить его средствами къ давно желанному изданію. Соборъ 1674 г., внемли просьбамъ Епифанія, разрѣшилъ ему переводить библію, подъ наблюденіемъ Павла Сарскаго, намѣтника патріаршаго престола. Славинецкій съ обычнымъ прилежаніемъ и тщательностью началъ новый трудъ. Онъ перевелъ уже Новый Завѣтъ и Пятокнижіе, какъ смерть прервала его полезную дѣятельность въ самомъ разгарѣ. Трудъ переводчика былъ какъ нельзя болѣе по силамъ Славинецкому. Онъ такъ основательно зналъ греческій языкъ, что едва-ли имѣлъ между своими современниками равнаго себѣ соперника. Уединенная жизнь кабинетнаго затворника не могла сдѣлать изъ него смѣлаго практика или блестящаго проповѣдника — импровизатора, за то она какъ нельзя болѣе соответствовала характеру глубокомысленнаго, сосредоточеннаго ученаго. Читая св. писаніе въ греческомъ подлинникѣ, онъ вникалъ во всѣ неуловимые оттѣнки мыслей, и желаніе передать эти оттѣнки въ переводѣ заставляло его прибѣгать къ той рѣзкой буквальности, въ кото

рой на первый взгляд можно увидѣть недостаточное знакомство переводчика съ духомъ греческаго языка.

Заслуги Епифанія на пользу Русской церкви не ограничиваются одними переводами. Едва-ли не болѣе значенія въ дѣлѣ возстановленія на Руси истиннаго православія имѣла его проповѣдь, которая по самой цѣли ея появленія должна была отличаться характеромъ изяснительнымъ, догматическимъ. Въ виду того всеобщаго возбужденія, какое было вызвано крутыми мѣрами Никона при распространеніи вновь изданныхъ книгъ, Епифаній разъяснялъ слушателямъ необходимость сдѣланныхъ исправленій. Онъ доказываетъ необходимость просвѣщенія и громадное образовательное вліяніе признаетъ за греческимъ языкомъ. Къ вопросу о просвѣщеніи, съ которымъ тѣсно связано правильное пониманіе догматовъ вѣры, Епифаній возвращается нѣсколько разъ въ своихъ поученіяхъ. Такъ, обращаясь въ одной изъ проповѣдей своихъ къ іереямъ, Епифаній говоритъ: „Пекись и промышляй всѣмъ сердцемъ и душою, сколько твоей силы станеть, увѣщевай царя и всѣхъ могучихъ людей вездѣ устраивать училища для малыхъ дѣтей, и за это паче всѣхъ добродѣтелей, ты получишь прощеніе грѣховъ своихъ.“ Въ томъ же поученіи Епифаній даетъ господамъ правила обращенія съ рабами. Въ своемъ кроткомъ, но сильно дѣйствующемъ увѣщаніи онъ является горячимъ защитникомъ человѣческихъ правъ крѣпостнаго сословія. Епифаній старается пробудить въ слушателяхъ состраданіе, затронуть то чувство гуманности, которое не умираетъ совершенно въ самомъ гнусномъ эксплуататорѣ — и это-то придаетъ его проповѣдямъ теплый, задумчивый, сердечный тонъ отеческаго наставленія. Онъ не обличаетъ, онъ не караетъ злодѣевъ, не призываетъ на головы слушателей громовъ небесныхъ, но въ простой, правдивой картинѣ страданій, выпавшихъ на долю бѣднаго человѣка, лишеннаго свободы и обреченнаго работать на другихъ, всякій владѣлецъ — извергъ могъ слышать горькій упрекъ забитаго страдальца. Всѣ поученія Епифанія проникнуты этой любовью къ бѣднякамъ. Оно и понятно, такъ какъ проповѣдникъ разъяснялъ духъ, сущность ученія Христа, ратовалъ за примѣненіе Его доктринъ къ жизни. Призывая богатыхъ людей къ благотворительности, какъ къ наиболее легкой и плодотворной общественной дѣятельности, онъ совѣтуетъ однако не зря помогать, оказывать поддержку не каждому просителю. Благодѣя-

ніе, сдѣланное вами, тогда только можетъ принести несомнѣнную пользу, когда оно оказано человѣку, дѣйствительно нуждающемуся. Въ противномъ случаѣ, какъ это признается и теперь, благотворительность имѣетъ деморализующее вліяніе. Располая праздношатаевъ и туеядцевъ, она подрываетъ трудъ, лежащій въ основѣ экономическаго благосостоянія общества. Между тѣмъ неправильное пониманіе евангельскаго ученія о милостынѣ породило между современниками Епифанія убѣжденіе, что слѣдуетъ помогать всякому, кто проситъ именемъ Христовымъ. Опровергая это ложное мнѣніе, Славинецкій говоритъ, что истинная нужда не силится обращать на себя вниманіе, она стонетъ не на улицахъ, гдѣ нерѣдко обступаютъ васъ мнимые уроды и нахалы—просители, а прячется въ тѣсныхъ конурахъ, куда лучъ солнца не заглядываетъ, а глазъ благотворителя и подавно. Между людьми, нуждающимися въ помощи, онъ указываетъ на вдовыхъ матерей семействъ и на взрослыхъ дѣвицъ. Заслуживаютъ также всякаго участія странники и пришельцы. Осторожность въ раздачѣ милостыни была въ то время крайне необходима въ виду того, что число нищихъ, т. е. людей живущихъ поданіемъ, чрезвычайно размножилось. Съ одной стороны, гнетъ непрерывнаго труда, потеря свободы и всевозможныя лишеныя, а съ другой—всѣ прелести бездѣйствія при наилегчайшемъ способѣ кормленія именемъ Христовымъ, щедрыя подачки, заупокойныя трапезы и даже почетъ, соединяемый съ званіемъ юродиваго..... при такомъ выборѣ для многихъ бѣдняковъ не могло быть и колебаній. Не мудрено послѣ этого, что многіе употребляли всѣ средства, чтобы получить какое нибудь право на завидную жизнь не сѣющихъ не жнущихъ, не собирающихъ въ житницы. Здоровенная женщина нанимала за деньги дѣтей и бродила, разигрывая роль матери сиротъ; отъ бродягъ—монаховъ отбою не было. Ихъ вынуждала къ бѣгству крайне тяжелая монастырская жизнь. Простой монахъ находился въ рабской зависимости у настоятеля. Все монастырское достояніе было собственностью послѣдняго, и онъ расточалъ его на свои личныя прихоти: имѣлъ роскошный столъ, угощалъ у себя вельможъ, держалъ породистыхъ жеребцовъ, словомъ—обставлялъ свою жизнь всевозможнымъ комфортомъ, а инокамъ предоставлялъ всѣ средства къ спасенію, держа ихъ на щипцѣ св. Антонія. Естественно, не всѣ могли выносить такой суровой образъ жизни. Въ міру же бѣглецовъ принимали радушно,

особенно въ домахъ боярскихъ и куческихъ, гдѣ людей Божіихъ кормили на убой. Епифаній проситъ архіереевъ принять мѣры къ прекращенію подобныхъ безчинствъ. Не смотря на обиліе частныхъ благотворителей, даяніями которыхъ, впрочемъ, болѣе пользовались ловкіе ханжи, чѣмъ истинно бѣдствующіе, нищета повсюду была вошіющая. Поэтому Епифаній предлагаетъ устроить богадѣльни для призрѣнія престарѣлыхъ и больныхъ. Пусть они найдутъ здѣсь покойную и обезпеченую жизнь, которой не промѣняютъ ни на какое шатанье по міру. Наконецъ, чтобы и частная благотворительность могла приносить возможно-большую пользу, онъ совѣтуетъ соединяться въ братства или общества милосердія.

Къ трудамъ Епифанія, кромѣ переводовъ и поученій, относятся еще нѣсколько каноновъ, утѣшительное посланіе къ княгинѣ Радивилловой, сочиненіе объ отшествіи съ престола Никона патріарха, сочиненіе „о псалмахъ, превращенныхъ отъ Аноллинарія“ и проч. Епифаній составилъ также два словаря: одинъ *филологическій*, для объясненія словъ, встрѣчаемыхъ въ церковныхъ книгахъ, а другой *славяно—греко—латинскій*. Оба лексикона остались неизданными.

Б.

Въ то время какъ Епифаній трудился надъ провѣркою и исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, въ Москвѣ началъ литературную дѣятельность другой питомецъ югозападной школы, раздѣлившій съ Епифаніемъ дѣло обновленія церковной проповѣди новымъ духомъ схоластическаго вѣрнія. Это былъ ревностный поборникъ просвѣщенія Симеонъ Петровскій-Ситіяновичъ или, какъ обыкновенно называютъ, Полоцкій. Свидѣнія о жизни Симеона до постриженія его въ Богоявленскомъ Полоцкомъ монастырѣ довольно скудны. По немногимъ свидѣтельствамъ, сохранившимся въ письменныхъ памятникахъ того времени, мы можемъ только указать годъ его рожденія (онъ родился въ 1629 г.) и предположить, что родиной его была Вѣлоруссія. Несомнѣнно также, что онъ былъ воспитанникомъ Кіевской коллегій, гдѣ слушалъ извѣстнаго проповѣдника Лазаря Барановича. О томъ, былъ ли Симеонъ для завершенія образованія за границей, письменныхъ свидѣтельствъ

не осталось, но фактъ посѣщенія Симеономъ заграничныхъ училищъ не подлежитъ сомнѣнію. По возвращеніи изъ заграницы, Симеонъ выбралъ мѣстомъ жительства Полоцкъ, быть можетъ, своей родной городъ, принялъ подстриженіе въ Богоявленскомъ братскомъ монастырѣ и занялъ въ тамошней школѣ должность дидаскала. Восемь лѣтъ трудился онъ на поприщѣ малоизвѣстнаго педагога. Жизнь эта не могла нравиться Симеону, стремившемуся къ славѣ и къ видному общественному положенію. Правда, еще вначалѣ пребыванія въ Полоцкѣ, Симеону представился случай выказать свой умъ и таланты передъ самимъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который проездомъ останавливался въ Полоцкѣ и имѣлъ удовольствіе слышать привѣтственные вирши молодого дидаскала Богоявленской школы. Дѣстная исключительность этой встрѣчи такъ понравилась молодому царю, что онъ навсегда запомнилъ личность Полоцкаго дидаскала. Къ тому же Симеонъ позаботился напомнить о себѣ новыми виршами, посланными прямо въ Москву, такъ что, когда въ 63—64 годахъ, по поводу польскихъ безпорядковъ, Симеонъ рѣшился переселиться изъ Полоцка въ Москву, онъ уже могъ рассчитывать на неоставленіе царской милостью. Однако онъ запасся еще рекомендательными письмами къ нѣкоторымъ наиболѣе вліятельнымъ лицамъ, между прочимъ къ бывшему въ то время въ Москвѣ газетному епископу Лигариду. Симеонъ былъ принятъ въ Москвѣ съ распростертыми объятіями. Ему было предоставлено не безвыгодное мѣсто учителя въ Заиконо-Спасской школѣ. Дѣло было Симеону знакомое, и онъ горячо принялся за него. Алексѣй Михайловичъ восторгался тѣмъ направленіемъ, какое давалъ воспитательному дѣлу Полоцкій. Симеонъ умѣлъ какъ нельзя лучше пользоваться царской милостью, расположеніемъ царя и не опускать изъ виду той постоянной цѣли, къ достиженію которой милость государя служила ему могучимъ средствомъ: Симеонъ ратовалъ за повсемѣстное открытіе учебныхъ заведеній. Для этого онъ заискивалъ передъ высшими духовными лицами, пользовавшимися благосклонностью царя, и обращался къ царю по ихъ полномочію. Разумѣется, эти настойчивыя просьбы не оставались безъ послѣдствій и хотя казна государственная не располагала средствами, необходимыми для открытія нѣсколькихъ школъ, но изъ нея по мѣрѣ возможности отпускаясь суммы на улучшеніе Заиконо-Спасскаго училища и на прибавку къ жалованью Симеона. До самой смерти

старался Симеонъ поддерживать связи со дворомъ и высшимъ духовенствомъ и въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличается отъ своего собрата Епифанія, который, какъ мы видѣли, съумѣлъ принести неоцѣненную пользу родинѣ и среди своего скромнаго, незамѣтнаго положенія. Не смотря на званіе инока, Симеонъ стремился къ вліянію на свѣтскія дѣла и желалъ, чтобы общество дорожило его мнѣніями. Но потому-ли, что Симеонъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ отступалъ отъ православія, или потому, что не все понимали оригинальнаго дидакаала, только немного было у него почитателей въ средѣ московскаго общества. Въ силу тѣхъ же причинъ никогда не могло установиться согласныхъ отношеній между Полоцкимъ и духовенствомъ греческаго направленія, главными представителями котораго были: Епифаній, патріархъ Іоакимъ и инокъ Евонній. За то при дворѣ авторитетъ Симеона утвердился неизблемо: онъ пользовался здѣсь почетомъ, какъ воспитатель царскихъ дѣтей (Федора Алексѣевича) и какъ человѣкъ, услуги котораго въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ были незамѣнимы. Не проходило ни одного сколько — нибудь выдающагося событія, чтобы во дворцѣ не декламировались по сему поводу вирши неистощимаго Симеона.

Сочиненія Полоцкаго распадаются главнымъ образомъ на два отдѣла: труды духовныя и произведенія свѣтскаго характера. Въ тѣхъ и другихъ отразилось схоластическое направленіе автора.

1) Первымъ духовнымъ сочиненіемъ Симеона, съ котораго началась его литературная извѣстность, былъ „*Жезль православія*“. Сочиненіе это появилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ самомъ разгарѣ раскола, еще до пріѣзда въ Москву восточныхъ патріарховъ по дѣлу Никона, царю Алексѣю Михайловичу были челою главные вожаки раскола суздальскій попъ Никита и романовскій — Лазарь. Челобитчики обличали новшества Никона въ церковныхъ обрядахъ и особенно негодовали на изданную по его повелѣнію „Скрижаль“ (толк. на чинъ богослуж.). Алексѣй Михайловичъ передалъ челобитную собору архіереевъ, который нашелъ нужнымъ составить обстоятельное опроверженіе этихъ невѣжественныхъ обвиненій. Обличеніе написано Лигаридомъ, но такъ какъ Газскій епископъ не зналъ славянскаго языка, то переводъ сочиненія порученъ былъ Симеону. При этомъ нашли нужнымъ завести съ темными поборниками старшии гласную полемику. Составленіе полемическаго сочиненія возложено было на Симеона и въ 1667 г.

вышелъ въ свѣтъ его „Жезлъ православія“. Сочиненіе посвящено кротчайшему и тишайшему государю Алексѣю Михайловичу; состоитъ изъ предисловія, въ которомъ превозносятся дѣянія членовъ собора, и двухъ частей: 1-я направлена протѣвъ Никиты, 2-я протѣвъ Лазаря. Промя дерзкихъ челобитчиковъ за непониманіе дѣла, за превратное толкованіе смысла новоисправленныхъ книгъ, авторъ „Жезла“ раздражается такой бурей риторическаго пустословія и утонченной ругани, что трудно предположить, чтобы „Жезлъ“ произвелъ на обличаемыхъ обскурантовъ большее дѣйствіе, чѣмъ смутное ощущеніе риторической шумихи. Съ высоты своего просвѣщеннаго величія Симеонъ смотритъ на противниковъ не какъ на заблудшихся, нуждающихся въ увѣщаніи и вразумленіи, а какъ на дерзкихъ бунтовщиковъ, которые, не зная ни грамматики, ни риторики, осмѣлились уяснить себѣ смыслъ божественныхъ истинъ. Особенно возмущаетъ Симеона то обстоятельство, что по части историческихъ тонкостей и Никита, и Лазарь проявили полное невѣжество. Такъ напр. Лазарь подъ словами эктении „о всей палатѣ и воинствѣ ихъ“ понималъ моленіе не о здравіи государя, не о боярѣ и воиновъ, а о какихъ-то каменныхъ палатахъ, не зная, что словомъ палата замѣнены бояре „черезъ образъ грамматическій и риторическій, именуемый синекдохе, еже различнымъ образомъ бываетъ, еже едино изъ другаго коимъ либо обычаемъ познавается“. За то и достается же имъ отъ Симеона. Эпитеты въ родѣ: буселовець, нечестивецъ, смрадное козлище, свинья, взрывающая вертоградъ церкви, разбойникъ, удъ согнившій—такъ и сыплются изъ устъ ревностнаго обличителя. Пускаясь съ Никитой въ разсужденіе о тайнѣ воплощенія Христа, Симеонъ высказываетъ взглядъ, несогласный съ духомъ православія. Безспорно, доводы Симеона протѣвъ отступниковъ основательнѣе и полновѣснѣе, чѣмъ доводы противной стороны, но и тутъ Симеонъ не можетъ обойтись безъ діалектическихъ увертокъ. Такъ наприм. на выраженное Лазаремъ сомнѣніе въ подлинности заклипательной молитвы св. Трифона (помѣщена, говоритъ онъ, „ни вѣсть какая заклипательная молитва Трифона“) Симеонъ уличаетъ его въ рационалистическомъ невѣрїи въ силу чудесъ. Вообще, полемическое сочиненіе Полоцкаго не могло произвести того дѣйствія, на какое рассчитывалъ авторъ. Слѣдно вѣря въ силу тѣхъ полемическихъ приемовъ, какіе усвоилъ онъ на школьной скамьѣ, Симеонъ упустилъ изъ

виду совершенную неумѣтность ихъ въ настоящемъ случаѣ. На западѣ, гдѣ побѣда оставалась на сторонѣ располагавшей большимъ запасомъ краснорѣчія и діалектической изворотливости, его полемическія средства были бы, конечно, дѣйствительны; но здѣсь нужны были болѣе убѣдительныя доказательства и не столь затѣйливые способы.

Вслѣдъ за „Жезломъ православія“ выходитъ одно за другимъ богословскія сочиненія Симеона: *Житіе и ученіе Христа Господа, Вѣнцы вѣры, Катехизисъ въ вопросахъ и отвѣтахъ*. Первое изъ упомянутыхъ сочиненій не было вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ Полоцкаго. Онъ имѣлъ готовый образецъ подобнаго сочиненія, написанный нѣмецкимъ ученымъ Герардомъ Меркаторомъ.

Гораздо полнѣе характеризуетъ направление автора „*Вѣнцы вѣры католическія*“. Это не органически цѣльное произведеніе на опредѣленную тему, а сводъ отвѣтовъ по различнымъ богословскимъ вопросамъ. Чтобы придать сочиненію болѣе единства, авторъ положилъ въ основу его такъ называемый большой апостольскій символъ вѣры, по членамъ котораго онъ и ставитъ свои вопросы. Такая форма оставляетъ автору болѣе простора для его ученыхъ соображеній и придаетъ сочиненію больше занимательности. Тутъ можно найти все, что приходило въ голову точному мыслителю, разрѣшаются самые прихотливые вопросы наклоннаго къ мудрствованію ума. Въ „Вѣнцѣ“ Симеонъ выказалъ столько остроумія, что не знаешь, чему больше дивиться, затѣйливости ли вопросовъ, или находчивости въ отвѣтахъ. Вотъ напр. на какіе вопросы наводитъ Симеонъ размышленіе о страшномъ судѣ. Такъ какъ, по увѣренію Симеона, судъ будетъ происходить въ Иосафатовой долинѣ, то какимъ образомъ вмѣстятъ она всѣхъ воскресшихъ? Очень просто, рѣшаетъ Симеонъ: на землѣ будетъ стоять часть судимыхъ, а остальные установятся въ воздухѣ ирусами, одни надъ другими. Или говоря о соединеніи частей тѣла по воскресеніи, Симеонъ въ недоумѣніи останавливается надъ кишками. Неужели и кишки воскреснутъ? Да, отвѣчаетъ онъ, только будутъ наполнены не обыкновеннымъ содержимымъ, а влагами пречистыми. Точно также безпокоятъ Симеона ногти и волосы. Вѣдь если допустить, что и они воскреснутъ, то какъ отрутутъ они ко дню страшнаго суда. Вопросъ однако рѣшается въ пользу воскресенія ногтей и волосъ, которые не выйдутъ изъ размѣровъ,

необходимыхъ для украшенія плоти. Второе пришествіе особенно занимаетъ автора, и онъ обстоятельно описываетъ его. Особеннымъ обиліемъ фантастически-грозныхъ подробностей отличается у него пришествіе антихриста. Антихристъ представляется у Симеона человѣкомъ необыкновенныхъ умственныхъ способностей, которыя обратитъ онъ на нагубу человѣческаго рода. Онъ будетъ тѣмъ опаснѣе, что умѣетъ искусно лицемѣрить. У него есть свои лже-пророки и лжеапостолы, которые разебѣются по всей землѣ и будутъ склонять людей къ его вѣрѣ. Антихристъ сдѣлается царемъ и изберетъ столицею своей Вавилонъ. Отсюда онъ будетъ владѣть надъ міромъ. Всѣ царства ему покорятся, одна Аравія не подчинится. Гога и Магога возстанутъ, но передъ таинственностью Гога и Магога самъ Симеонъ становится въ тупикъ. Велѣдъ за тѣмъ явятся съ проповѣдью Энохъ и Илія. Антихристъ убьетъ ихъ въ Иерусалимѣ, но они воскреснутъ и т. д. Вообще, въ описаніи свѣтопреставленія рядомъ съ апокалипсическими подробностями встрѣчается не мало апокрифическихъ вымысловъ. Еще замѣтнѣе примѣсь апокрифическихъ подробностей въ разсужденіяхъ о рождествѣ Христовомъ и о крестѣ Господнѣ. Въ первомъ между прочимъ къ числу чудесъ, которыми, по апокрифамъ, сопровождалось рожденіе Спасителя, онъ прибавляетъ еще одно, очевидно, западнаго происхожденія, именно сосудъ елѣя и скитъ въ Римѣ. Въ подобномъ отношеніи Симеона къ апокрифическимъ вымысламъ очень ощутительно западное, католическое вліяніе. Православные пастыри, ревниво оберегавшіе неприкосновенность св. писанія, издавна наложили запрещеніе на всѣ такъ называемые апокрифы, ограничивъ кругъ истинно христіанскаго чтенія книгами каноническими. Между тѣмъ на западѣ къ подобнымъ созданіямъ народной фантазіи относились не такъ строго. Тамъ, гдѣ съ цѣлью вкоренить въ народѣ преданность вѣрѣ, старались различнымъ образомъ дѣйствовать на его воображеніе, въ мистическомъ направленіи народной фантазіи видѣли доказательства религіозности. Въ „Вѣнцѣ“ Симеонъ показалъ также свое знакомство съ западными астро-логическими утвѣжденіями. Вотъ какія свѣдѣнія сообщаетъ онъ слушателямъ объ устройствѣ міра. Три неба простираются надъ землею, одно выше другого: эмпирейское, самое высшее и неподвижное, престолъ всемогущаго Бога, затѣмъ небо кристалльное, движущееся съ неизрѣченной скоростью, третій слой неба ---

твёрдь, въ которой сіяють звѣзды и планеты Звѣзды — тѣла, вѣществомъ чистѣя, образомъ круглыя, по количеству многочисленныя. Ниже звѣздъ по мѣстоположенію — планеты, сирѣчь блудящія, такъ какъ онѣ ходять то по одному пути съ звѣздами, то по противоположному. Самая меньшая изъ звѣздъ больше земли въ 80 разъ, а солнце въ 170, луна же въ 30 разъ меньше. Земля ниже всѣхъ другихъ стихій и окружена ими. Она черна, тяжела, кругла, мать плодовъ, питательница звѣрей, кентръ всего міра. Въ нѣдрахъ ея заключены злые духи, которые терзаніемъ своимъ производять трусы. Эти разсужденія напоминають „зерцало Богословія“ Кирилла Транквилиона. „Вѣнецъ вѣры“ былъ встрѣченъ восторженными отзывами поклонниковъ Симеона и возбудилъ негодованіе въ средѣ духовенства греческаго направленія Правда, самъ Епифаній, по своей сдержанности, не высказывалъ рѣзкихъ отзывать, за то ученикъ Славянецкаго, Евѡимій, былъ до глубины души возмущенъ многими взглядами Симеона, проникнутыми духомъ латинства Въ сохранившихся рукописяхъ Евѡимія встрѣчается много критическихъ замѣтокъ, касающихся „Вѣнца вѣры“. „Вѣнецъ вѣры“, говоритъ Евѡимій, „сплетенъ не изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, не изъ словесъ богоносныхъ отцовъ, а изъ бодливаго тернія, выросшаго на западѣ новшества“ Евѡимій упрекаетъ Симеона за положенный въ основу сочиненія апостольскій символъ, котораго православная церковь не признаеть, не безъ колкости указываетъ ему на двусмысленныя выраженія по вопросу объ исхожденіи съ Духа, осуждаетъ неприличное для православнаго пастыря увлеченіе астрологическими бреднями. „Есть“, говоритъ онъ, „въ томъ Вѣнци басноповѣданія о количествѣ и качествахъ круговъ небесныхъ и о мѣрахъ разстоянія между ними. Но повѣдая сіи мѣры и разстоянія, не сказалъ сочинитель, сколько лѣтъ сатана, низверженный съ небеси, летѣлъ въ бездну; знающему тѣ мѣры и разстоянія, слѣдовало бы знать и повѣдать о семъ“.

Слѣдующее богословское сочиненіе Симеона „*Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехизическихъ*“ заключаетъ въ себѣ столько несогласныхъ съ духомъ православія положеній, что хотя при жизни Симеона и было издано, однако послѣ смерти автора церковная власть нашла нужнымъ совершенно изъять его изъ употребленія. Для историка „Катехизизъ“ Симеона — любопытныя характеристики современной общественной жизни. Въ отдѣлѣ

о десяти заповѣдяхъ авторъ приводитъ много характерныхъ бытовыхъ чертъ. Перечисляя грѣхи противъ 1-й заповѣди, онъ подробно останавливается на суевѣріяхъ, которыя по недостатку умственного развитія были тогда сильно распространены во всѣхъ классахъ общества. Здѣсь же Симеонъ объясняетъ происхожденіе ересей Главной причиною увлеченія расколомъ онъ считаетъ развившуюся въ народѣ опасную страсть къ чтенію. Не отрицая пользы чтенія, онъ желалъ бы ограничить кругъ читателей людьми, обладающими знаніемъ грамматики, и то не позволяя имъ дѣлать своихъ толкованій, а обращаться за этимъ къ дѣйствительнымъ знатокамъ св. писанія. Въ дальнѣйшемъ перечнѣ обыденныхъ грѣховъ, расположенныхъ по заповѣдямъ, находитъ боготворенія иконъ, частую божбу, особенно распространенную между купцами, недостойное провозженіе праздничнаго времени. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ, строгость автора напоминаетъ щепетильность ветхозавѣтныхъ евреевъ. Нещадно бичуя обычай водить хороводы, которые Симеонъ уподобляетъ бѣсовскому круговерченію, онъ порицаетъ даже такое невинное времяпрепровожденіе, какъ собраніе грибовъ и ягодъ по лѣсамъ, не допускаетъ для простаго народа, по извѣстному намъ убѣжденію, чтенія и религіозныхъ бесѣдъ, налагаетъ безусловное запрещеніе на всякій физическій трудъ даже сборъ плодовъ дозволяетъ лишь въ случаѣ неблагоприятнаго для нихъ состоянія погоды, а бить скотъ и торговать съѣстными припасами—и то не долѣе 3-хъ часовъ въ сутки—разрѣшаетъ только, когда нѣсколько праздниковъ придется подъ рядъ. Самое большое число грѣховъ приводится у него противъ 8-й заповѣди. Здѣсь мы встрѣчаемъ довольно широкія обобщенія къ нарушителямъ этой заповѣди Симеонъ причисляетъ не только воровъ по ремеслу, разныхъ мошенниковъ и грубыхъ стяжателей, но и князей отягощающихъ народъ поборами, и правителей, дурно распоряжающихся народнымъ достояніемъ, и начальниковъ, нерѣдко бывающихъ для народа хищниками и кровопійцами, и судей вездѣ цѣпляющихся за мзду, и господъ, злоупотребляющихъ трудомъ рабочаго человѣка. За отдѣломъ о десяти заповѣдяхъ слѣдуетъ ученіе о тайнствахъ. Здѣсь между прочимъ Полоцкій высказалъ вполне католическій взглядъ на время прееуществованія даровъ, что позднѣе было главнымъ поводомъ къ обвиненію его въ латинской ереси.

2) Перейдемъ теперь къ другому виду духовныхъ сочиненій Ситїяновича — къ проповѣдямъ. Проповѣди въ силу ихъ всеобщей доступности при оцѣнкѣ дѣятельности духовнаго писателя гораздо больше имѣютъ значенія, чѣмъ учено богословскіе трактаты. Проповѣди Симеона изданы въ двухъ большихъ томахъ, подъ названіями: „Обидь душевный“ и „Вечера душевниа“. Въ первомъ собраны поученія на воскресные дни и переходные праздники, а во второмъ на праздники непереходные, господскіе, богородичные, дни нѣкоторыхъ святыхъ.

У Симеона мы находимъ оба вида схоластической проповѣди: изъяснительный и совѣщательный. Похвальные слова Полоцкаго, читанныя имъ въ дни святыхъ Русской церкви, крайне безсодержательны. Прославляя Сергія Радонежскаго, Петра, Алексія, Филиппа, Антонія и Феодосія Печерскихъ, проповѣдникъ не нашелся ничего сказать объ ихъ неисчислимыхъ заслугахъ на пользу Русской церкви и свелъ всю похвалу на риторическую шумиху громкихъ фразъ. Въ проповѣдяхъ нравственно-поучительныхъ схоластика уживается съ нѣкоторымъ содержаніемъ. Но и здѣсь современная автору жизнь очерчена далеко не всесторонне. Въ проповѣдяхъ своихъ Полоцкій обращаетъ исключительное вниманіе на тѣ общественныя явленія, которыя были предметомъ осужденія на соборѣ 66—67 годовъ. Любопытенъ взглядъ Симеона на семейную жизнь. Впрочемъ, проповѣдникъ касается одной стороны ея — отношеній родителей къ дѣтямъ. Не признавалъ закона наследственности, онъ придаетъ особенную важность первымъ привычкамъ и поступкамъ ребенка, лежащимъ въ основу его будущаго характера. А въ этомъ всего неотразимѣе, всего безповоротнѣе сказывается вліяніе окружающихъ и главнымъ образомъ родителей. Къ сожалѣнію, такое вѣрное пониманіе роли родителей въ дѣлѣ воспитанія не мѣшаетъ Симеону признавать цѣлесообразность несложной педагогической системы „Домостроя.“ Давайте, добрые родители, вашимъ чадамъ подобающее наказаніе, т. е. поусерднѣй бейте ихъ и ваши дѣти выйдутъ чудомъ воспитанія — вотъ смыслъ воспитательной философіи нашего аскета. Съ такой же аскетической точки зрѣнія смотритъ Симеонъ и на женщину, раздѣляя вѣками установившееся предубѣжденіе, что женщина — существо поганое. Въ одномъ поученіи онъ проводитъ такое остроумное сравненіе между женщиной и грѣшной душой: „Какъ у

Женщины тонкой голосъ, такъ и у грѣшной души голосъ тонкій и скудный къ хваленію Бога; жена скороглаголива, коснодвижима, вкорогнѣвлива. нетрудолюбна, малонадежна—такова и грѣшная душа“. Обличенія Симеона, особенно направленные противъ богачей, какъ-то нерѣшительны, несмѣлы, робки. И если онъ касался иногда пороковъ, возможныхъ исключительно въ высшихъ сферахъ, то не иначе, какъ отъ имени патриарха Іосифа. Въ предисловіи къ „Обѣду душевному“ Симеонъ въ такихъ выраженіяхъ оправдывается передъ читателемъ за дерзновенныя попытки къ обличенію, на которое вынуждаетъ его долгъ службы: „... я обличаю не отъ дерзости... не въ укоръ... не въ досаду, но по тому, что долгъ мой есть глаголати.. Сія вѣдая, читателю благочестивый, прости мнѣ мое глаголаніе и прими радостно любовное наказаніе“. Не досказанность, затаенность мысли, робкіе намеки слышатся во многихъ мѣстахъ проповѣдей Симеона, по откровенное разоблаченіе темныхъ сторонъ жизни допускалъ онъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Со стороны виѣшней отдѣлки, ставившейся схоластическими проповѣдниками выше содержанія, проповѣди Симеона должны были казаться безупречны. Конечно у Симеона не было ни той живости воображенія, какою обладалъ Галатовскій, ни той поэтической струи, которая постоянно пробивается въ риторическихъ по принципу сочиненіяхъ кіевского проповѣдника, за то Полоцкій прилагаетъ всѣ усилія, чтобы въ проповѣдяхъ его совмѣщались всѣ условія риторической изящности. Разные символизмы, параллелизмы, сравненія, уподобленія, метафоры такъ и пекутъ страницы поученій.

3) Отдѣлъ свѣтскихъ сочиненій Симеона имѣетъ для насъ тоже немаловажное значеніе, какъ потому, что въ нихъ съ особенной яркостью отразилось схоластическое направленіе автора, такъ и по множеству бытовыхъ чертъ. Къ числу произведеній, обрисовывающихъ современную автору жизнь, принадлежатъ его сатирическія стихотворенія и драматическіе опыты, или такъ называемыя „мистеріи“. Сатира Полоцкаго направлена противъ тѣхъ самыхъ общественныхъ на строеній и пороковъ, которыхъ онъ касался въ проповѣдяхъ. Но здѣсь Полоцкій открытѣе и смѣлѣе, быть можетъ, потому, что смѣхотворный элементъ сатиры способенъ смягчать сердца самыхъ подозрительныхъ читателей. Поэтому въ сатиры Симеонъ часто затрагиваетъ вопросъ объ отношеніяхъ бога-

тѣхъ людей къ бѣднымъ, отношеніяхъ, далеко не соответствовавшихъ тому идеалу, во имя котораго дѣйствовали всѣ лучшіе христіанскіе пастыри. Въ сатиру же Симеонъ обличаетъ наиболѣе частые изъ обывденныхъ пороковъ. Таковы: пьянство, укоренившееся на Руси, благодаря старинному обычаю выпивать на пирахъ изрядное количество задравныхъ чашъ, чисто вѣшняя религіозность, торговля плутни. Описаніе послѣднихъ составляетъ замѣчательное стихотвореніе „*Купство*“. Обнажая язвы въ жизни свѣтскихъ сословій, Симеонъ не пропускаетъ и хорошо знакомой ему монашеской среды. Стихотвореніе „*Монахъ*“ можетъ быть взято за образецъ Симеоновой сатиры.

Изъ мистерій Симеона самое большое значеніе имѣетъ „*Комедія о блудномъ сынѣ*“, если не по выполненію, то, по крайней мѣрѣ, по замыслу автора изобразить подмѣченный имъ разладъ между старымъ, отживающимъ, и новымъ, созрѣвающимъ, поколѣніями своихъ современниковъ, показать различіе въ міровоззрѣніи современныхъ ему отцовъ и дѣтей. Предметъ, конечно, не новый, такъ какъ еще ранѣе Симеона народное творчество создало изъ этихъ отношеній родителей къ дѣтямъ двѣ прекрасныхъ повѣсти: „О горѣ — злосчастіи“ и „О Саввѣ Грудцыни“. Но между героями — комедіи Симеона и двухъ названныхъ повѣстей нѣтъ ничего общаго. На рѣзкое непримиримое различіе, проводимое въ народныхъ повѣстяхъ, между старымъ и молодымъ поколѣніями Симеонъ смотритъ, какъ на явленіе ненормальное. Онъ не отрицаетъ дѣйствительно существующаго разногласія, но считаетъ его плодомъ обоюдныхъ увлеченій. Онъ выводитъ такихъ представителей двухъ поколѣній, которые не отличаются нетерпимостью другъ къ другу. Его „отецъ“, будучи приверженцемъ патріархальнаго, вѣками установленнаго послушанія отцовской волѣ, отвесилъ спиходительно къ намѣренію сына оставить отчій кровь и отираваться въ чужіе края. Скорымъ согласіемъ на просьбу сына „отецъ“ Симеона напоминаетъ скорбе старца въ евангельской притчѣ (который предоставляет сыновьямъ полную свободу), чѣмъ отцовъ въ народныхъ повѣстяхъ. Это придаетъ „отцу“ комедіи Полоцкаго характеръ симпатичности, согласно тенденціи автора. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно не сочувствовать старику, который не смотря на довольство вѣковѣчными порядками, не принуждаетъ сына слѣдовать имъ, а говоритъ: мы люди старые, шли по узкой, да торной, вѣрной до-

роги, вы же, коли хотите, выбирайте другой путь. Будетъ опъ лучше — мы порадуемся, заблудитесь — не наша вина. И сынъ въ надеждѣ отыскать этотъ лучший путь, измѣняетъ завѣтнымъ преданіямъ старины. Едва онъ оставляетъ отчій домъ, какъ передъ нимъ открываются всѣ оболъщенія увлекательнаго разгула, и онъ чувствуя себя ничѣмъ не связаннымъ, предается ему безъ всякихъ раздѣленій, со всѣмъ пыломъ молодости, чуждой критическаго отношенія къ тому, что безотчетно тянетъ ее. Не считаемъ нужнымъ распространяться о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя довели „сына“ до нищеты, до поступленія въ свинопасы — они у Симеона довольно ограничены, быть можетъ, по незнанію авторомъ всѣхъ прелестей свѣтской жизни, и во всякомъ случаѣ не даютъ вѣрнаго понятія о жизни тогдашней *jeunesse dorée* — замѣтилъ только, что паденіе „сына“ мотивируется у Полоцкаго со всѣмъ иначе, чѣмъ въ произведеніяхъ народнаго творчества. Тамъ герою приходится бороться съ непреодолимой силой неизбѣжныхъ случайностей, здѣсь онъ поддается соблазну по собственному увлеченію. Народная поэзія видитъ въ отчужденіи отъ вѣковыхъ принциповъ родоваго быта неизбѣжную гибель, Симеонъ не можетъ предоставить молодежи полной самостоятельности единственно по недостатку въ ней опытности и благоразумія, но къ попыткамъ осторожнаго измѣненія образа жизни и къ пытливости молодаго ума онъ относится сочувственно. Полное единодушіе между отцами и дѣтьми, возможное при взаимныхъ уступкахъ, — вотъ по мнѣнію Полоцкаго, идеаль общественнаго преуспѣянія, залогъ стройнаго и прогрессивнаго движенія жизни.

Другія свѣтскія произведенія Симеона не имѣютъ такой важности. Первая мистерія его „*О царь Навуходоносоръ*“ историческаго содержанія. Это болѣе полное и сценичное представленіе такъ называемаго „пещнаго дѣйствія“. „Пещнымъ дѣйствіемъ“ называется обрядъ, издревле совершавшійся въ Москвѣ и разныхъ городахъ Великой Руси на предрождественской недѣлѣ. Цѣлю его было наглядно изобразить вверженіе Навуходоносоромъ трехъ отроковъ сврѣйскихъ въ печь огненную. Эта церемонія можетъ считаться первообразомъ мистерій.

Между стихотворными произведеніями Симеона кромѣ сатиръ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія оды и элегіи, писанныя ими на разныхъ случаяхъ придворной жизни. Изъ всей массы виршей особенной

извѣстностью пользовался „*Послѣдній гласъ царя Алексѣя Михайловича*“, жалобная злетія на смерть государя. Мелкія стихотворенія Симеона, по крайней бѣдности мысли и тщательной отдѣлкѣ формы могутъ считаться образцомъ риторическаго пустозвонства. Создавались они, конечно, не подъ вліяніемъ вдохновенія, а по страсти автора позабавиться въ минуты досуга подборомъ звучныхъ рвѣмъ. Поэтому многія стихотворенія его опредѣляютъ разныя понятія, напр.: Гражданство, Гласъ народа, Проповѣдникъ, Жидъ. Другія содержатъ рассказы изъ священной исторіи, нравственныя изреченія. Симеонъ переложилъ въ стихи—хотя крайне уродливо— всю *Псалтырь*. Вириши его вышли въ двухъ сборникахъ подъ названіями „*Риѣмологіонъ*“ и „*Вертоградъ многоцвѣтный*“.

Къ послѣднимъ трудамъ Полоцкаго относится составленіе проекта Московской академіи. Мѣстомъ для нея выбранъ былъ Заиконо-Спасскій монастырь, на содержаніе отдавались доходы съ нѣсколькихъ монастырей и отводилось нѣсколько пустошъ. Кромѣ того принимались пожертвованія отъ частныхъ благотворителей. „Блюстителемъ“ академіи и дидаскалами назначались русскіе, а также греки съ удостовѣреніемъ отъ восточныхъ патріарховъ въ непоколебимой преданности ихъ православію. Всего строже относились къ принятію въ Академію ученыхъ изъ Малороссіи и Литвы. Академія имѣла полное самоуправленіе, даже свой судъ, которому предоставлялось рѣшать и уголовныя дѣла. Блюстителю и учителямъ вмѣнялось въ обязанность слѣдить, чтобы не подрывалось православіе, и о лицахъ, покушающихся на чистоту исповѣданія, доносить государю. Имъ поручалось также наблюдать, чтобы между учащимися не распространились книги и брошюры, считавшіяся еретическими, а также волшебныя, чародѣйскія, отреченныя сочиненія. Виновный въ чтеніи подобныхъ книгъ подвергался сожженію на кострѣ.

Но завѣтной мечтѣ Симеона не суждено было осуществиться при его жизни. Симеонъ скончался 1680 году, Московская же академія не успѣла открыться даже при жизни Θεодора Алексѣевича, ученика и преданнаго поклонника Симеона.

В.

По смерти Симеона все то, что накипѣло противъ него въ сердцахъ греческаго духовенства, обрушилось на его послѣдователей.

Открылась ожесточенная борьба двухъ направлений: греческаго, привитаго Епифаніемъ, и латинскаго, внесеннаго Симеономъ. Сами виновники этого разъединенія умственныхъ силъ, не смотря на явное несходство своихъ взглядовъ и стремленій, никогда не обнаруживали взаимной нетерпимости; хотя, нѣтъ сомнѣнія, затаенная ненависть была сильна между нами. Епифаній, какъ извѣстно, не допустилъ Симеона къ участию въ исправленіи книгъ, боясь его ереси. Съ своей стороны Симеонъ имѣлъ еще поводъ ненавидѣть Епифанія: Славинецкій своимъ вліяніемъ на патріарха мѣшалъ сближенію съ нимъ Полоцкаго, чего тотъ такъ усердно добивался. Но съ виду отношенія ихъ были если не дружелюбны, то, во всякомъ случаѣ, миролюбивы. Симеонъ нерѣдко совѣтовался съ Епифаніемъ „о нѣкоторыхъ неудобъ разумѣваемыхъ вещей.“ И Епифаній молчалъ, замѣчая въ сочиненіяхъ Симеона латинское суетмысліе. Но преемники, продолжатели этихъ двухъ дѣятелей повели дѣлю иначе. Въмѣсто того, чтобы примирить несогласія двухъ направлений, удержать изъ того и другаго тѣ идеи и стремленія, которыя наиболѣе соответствовали современнымъ требованіямъ, они уничтожали всякое единство убѣжденій, порвали между собой всѣ связи и обособились въ исключаютелныя другъ друга крайности. Уже прямые продолжатели дѣятельности двухъ московскихъ труженниковъ, инокъ *Евфимій*, ученикъ Епифанія, и Сильвестръ *Медовдосвъ*, поклонникъ Симеона, подали соблазнительный примѣръ открытой ненависти. И тотъ, и другой въ излишней преданности идеямъ воспитателей доходили до фанатизма. Епифаній, не смотря на основательное знаніе латинскаго языка, рѣдко обращался къ нему и не вводилъ его въ кругъ предметовъ обученія въ своей школѣ, такъ какъ знаніе латыни было здѣсь излишней роскошью, а не насущной потребностью, какъ на югѣ. Однако нѣтъ сомнѣнія, что онъ признавалъ предпочтеніе, отдаваемое латинскому языку на югѣ, не только умѣстнымъ, даже необходимымъ. Между тѣмъ Евфимій до того враждебно смотрѣлъ на латинистовъ, что считалъ ихъ ярыми врагами православія. Сильвестръ точно такъ же смотрѣлъ на грековъ. Онъ будто забылъ, что Симеонъ, не смотря на свои симпатіи ко всему латинскому, уважалъ и цѣнилъ заслуги греческихъ дѣятелей; случайное же незнаніе его учителемъ греческаго языка возводилъ въ принципъ и презиралъ греческихъ ученыхъ. Симеонъ, хотя и признавалъ многія католическія толкованія

по вопросам вѣры, все же опасался слишкомъ явно и открыто высказывать ихъ. Но что онъ выражалъ намеками или говорилъ въ кружкѣ нѣсколькихъ близкихъ знакомыхъ, то Сильвестръ провозглашалъ во всеуслышаніе, какъ непоколебимую истину.

Епифаній, сообразно своему сану, никогда не позволялъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла мірскія. Онъ трудился главнымъ образомъ для церкви и если касался иногда свѣтской жизни, то единственно со стороны примѣненія къ ней ученія вѣры и, по характеру своей дѣятельности, держался болѣе около духовныхъ властей. Между тѣмъ Симеонъ явился въ Москву съ надеждой распространить здѣсь просвѣщеніе въ собственномъ смыслѣ, стремился привить и здѣсь схоластическую премудрость, которой онъ давалъ значеніе абсолютной науки. Ради этого онъ старался попасть въ милость къ Государю, заискивалъ передъ аристократіей, но неизвѣстно, чтобы пускалъ въ ходъ гнусныя средства интриги. Медвѣдевъ же до того заразился свѣтскимъ вліяніемъ, что принималъ участіе въ явномъ возмущеніи. Въ силу всего этого не только Еввоимій, но и греческое духовенство, съ патріархомъ Іоакимомъ во главѣ, смотрѣло на Сильвестра крайне недружелюбно. Нерасположеніе патріарха было причиною того, что Сильвестръ не могъ получить мѣста во вновь устраиваемой въ Москвѣ по проекту Полоцкаго Академіи, котораго такъ усердно добивался. Патріархъ рѣшился вызвать въ качествѣ преподавателей для новой Академіи ученыхъ изъ Греціи—людей, по его мнѣнію болѣе благонадежныхъ, чѣмъ всѣ западники. Съ этою цѣлью былъ отправленъ въ Турцію нѣкто Проконій Возницынъ. Многіе историки приглашеніе къ намъ греческихъ ученыхъ объясняютъ иного рода нуждою. Въ это время между Еввоиміемъ и Сильвестромъ завязалась горячая полемика по вопросу о времени преемственія даровъ, въ которомъ Сильвестръ держался католическаго ученія. Въ спорѣ по столь важному вопросу, касавшемуся существеннаго отличія Восточной церкви отъ Западной, принималъ участіе и самъ патріархъ, стоявшій, разумѣется, на сторонѣ Еввоимія. Однако Сильвестръ, какъ проворный, находчивый діалектикъ, постоянно сбивалъ Еввоимія, ловкимъ поворотомъ отклонялъ отъ себя опасныя доводы противника и выѣзжалъ на парадоксахъ. Словомъ, блестяще оправдывалъ отзывъ одного изъ своихъ современникавъ о его діалектическихъ способностяхъ: „Злоковаренъ бо бѣ отъ юности возраста и многорѣчивъ, и острогла-

голивъ, и любоправъ, уста имѣяй бездверна: и изъ гортани изрыгающъ ядъ душегубительный всякаго лжесловія и коварства; языкъ же не премолчно блидуецъ толико, яко всему тѣлу мнитися языку.“ Евоимій, не смотря на превосходное знаніе св. писанія, оказывался обезсилень противъ этого змѣйнаго жала. Поэтому патріархъ, вызывая греческихъ богослововъ, имѣлъ въ виду поразить чрезъ нихъ изворотливаго Сильвестра, мнимая непобѣдимостъ котораго ободряла его сторонниковъ. Константинопольскій патріархъ Діонисій указалъ русскому посланцу на двухъ братьевъ, счастливо соединявшихъ въ себѣ основательныя богословскія свѣдѣнія съ блистательнымъ краснорѣчіемъ и знаніемъ педагогическаго дѣла. Это были *Іоанникій* и *Сеофроній Лихуды*. Съ дѣятельностю братьевъ Лихудовъ не разлучно связано основаніе высшаго училища въ Москвѣ, задуманнаго еще Феодоромъ Алексѣевичемъ по проекту Симеона Полоцкаго; это высшее училище, учрежденное въ 1685 г., сначала называлось *Еллино-греческимъ училищемъ*; потомъ съ 1700 г., — *Славяно-латинской академіей*, наконецъ съ 1755—1814, *Славяно-греко-латинской академіей*; при устройствѣ училища за образецъ были приняты западныя училища и Кіевская академія; здѣсь было положено преподавать: грамматику, шитику, риторикъ, діалектику, философію и богословіе, церковное и гражданское право; существенная разница между Московской и Кіевской академіей та, что въ первой преобладало греческое вліяніе, между тѣмъ какъ во второй господствовало вліяніе латинское. Славяно-греко-латинская академія сдѣлалась такимъ же разсадникомъ просвѣщенія на сѣверо-востокъ Руси, какимъ была Кіевская академія на югозападѣ; въ ней получилъ первоначальное образованіе знаменитый Ломоносовъ.

Лихуды происходили изъ очень древней фамиліи. Родоначальникъ ихъ, Константинъ, былъ зятемъ греческаго Императора Константина Мономаха и имѣлъ право на престолъ, котораго, однако, лишился по нескательству Комненовъ. Послѣ завоеванія Константинополя Турками Лихуды переселились на островъ Кефалонію. Здѣсь то и родились и два брата Іоаннь и Спиридонъ. Лихуды получили обширное образованіе, посѣтивъ для этого, по обычаю вѣсѣхъ богатыхъ грековъ того времени, итальянскія школы въ Венеціи и Падуѣ. По возвращеніи на родину старшій братъ посвященъ былъ въ священники, а младшій постригся подъ име-

нежь Софронія. Скоро и старшій братъ, овдовѣвъ, принялъ иноческій санъ. Оба они занимали довольно видныя посты по учебной администраціи. Лихуды приняли приглашеніе русскаго патріарха и въ Іюль 1683 г. отправились въ Россію. На пути чрезъ Польшу они имѣли нѣсколько ученыхъ диспутовъ съ іезуитами, пытавшіимися привлечь ихъ на свою сторону. Задержать Лихудовъ въ Польшу хотѣлось и самому королю, знавшему, съ какою цѣлью Лихуды ѣдутъ въ Россію. Но братья только прослѣдовали чрезъ Польшу, доказавъ въ спорахъ съ іезуитами полное равенство, если не превосходство, своихъ полемическихъ способностей передъ искусствомъ іезуитовъ. Въ Москвѣ прибытіе Лихудовъ было встрѣчено радостно. Имъ отвели мѣсто въ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ и была немедленно открыта школа. Сильвестръ, почувшій въ нихъ не только враговъ по убѣжденіямъ, но и опасныхъ кандидатовъ на облюбованный имъ постъ ректора академіи, обратился съ ходатайствомъ къ царевнѣ Софьѣ, прося утвердить его избраніе. Но царевна, не смотря на свое расположеніе къ Сильвестру, не могла удовлетворить его желанію, такъ какъ противъ него былъ сильно ожесточенъ патріархъ. Между тѣмъ Сильвестру предстояло испытать свои діалектическія средства въ спорѣ съ Лихудами по тому же самому вопросу о времени пресуществленія даровъ, въ которомъ онъ одержалъ верхъ надъ Евоніемъ и по поводу котораго написалъ цѣлый трактатъ подъ названіемъ „Манна.“ Лихуды отвѣчали на это сочиненіе опроверженіемъ, которое назвали „Акосъ,“ или врачеваніе, противопологаемое ядовитымъ угрызеніямъ зміевымъ“. Съ появленіемъ „Акоса“ Лихудовъ открылась жаркая, рѣшительная борьба, долженствовавшая окончательно утвердить то или другое пониманіе догмата. Борьба, кромѣ важности предмета, имѣла и тотъ интересъ, что тутъ сталкивались противники совершенно равныхъ силъ. Слѣдовательно, побѣда могла остаться лишь на той сторонѣ, на которой была правда; тутъ уже невозможно было отдѣлываться одними пререканіями, остроумной, фразистой бранью, — нужна была мысль, дѣло, неопровержимыя историческія данныя. Не только лица духовныя и книжники обсуждали и провѣряли аргументы противниковъ, но и простой народъ: торгаша, ремесленники, даже женщины напряженно прислушивались къ отголоскамъ спора. Между тѣмъ съ той и другой стороны продолжали выходить одна за другой полемическія брошюры. Силь-

вестрь, по выходѣ „Акоса“ пустиль въ ходъ сочиненіе кievскаго игумена Сафоновича: *«Выкладъ о церкви святой»* и написалъ собственную *„Тетрадь на Иоанникія и Софронія Лихудіевъ.“* Къ Лихудамъ присталь, съ наивной мыслью о помощи, и Евонимій, написавшій противъ Медвѣдова *„Неустовое бреханіе,“* полное отборныхъ и задирагельныхъ ругательствъ. Лихуды выпустили: *„Диалогъ Грека учителя къ инокъму іезуиту.“* Ссылаясь въ подтвержденіе своего мнѣнія: 1) на примѣръ Спасителя, который, по толкованію св. Златоуста, совершилъ таинство пресуществленія хлѣба въ свое тѣло и вина въ кровь не словами: „примите, ядите....“ а молитвою, благословеніемъ, призываніемъ и словами неизрѣченными; 2) на апостольскую практику; 3) на литургію св. отцовъ первыхъ вѣковъ; 4) на древніе, писанные на пергаментѣ, служебники російскихъ чудотворцевъ и проч., они обезоружили Сильвестра. Для торжественнаго осужденія его мудрствованій въ Москвѣ созванъ былъ соборъ. Въ это время раскрылись замыслы Шакловитаго и всѣхъ сторонниковъ Софьи. Замѣшанный въ подготовленіи возстанія, Медвѣдевъ бѣжалъ за границу, но былъ схваченъ близъ литовской границы. Представленный на соборъ, Медвѣдевъ созналъ свои заблужденія, принесъ торжественное покаяніе и переименовалъ свою книгу вмѣсто „Манна“ въ *«Обманъ»*. Побѣда Лихудовъ была полная, конечная. Въ подтвержденіе справедливости ученія Лихудовъ патріархъ Досифей прислалъ еще нѣсколько историческихъ документовъ. Евонимій, съ соизволенія патріарха Іоакима, изложилъ исторію происходившаго спора и постановленія собора въ книгѣ „Остенъ“. Соборъ не только осудилъ всѣ сочиненія Медвѣдова (а самъ онъ былъ казненъ въ 1691 г.), но наложилъ строгое отреченіе и на труды Симеона Полоцкаго, Галатовскаго, Радивилловскаго, Барановича и даже Петра Могилы.

Но прошло 4 года отъ казни Медвѣдова, и Лихуды, виновники пораженія западниковъ, подверглись печальной участи. Дѣло въ томъ, что Лихуды, будучи солидарны съ патріархомъ и прочимъ греческимъ духовенствомъ въ вопросахъ догматическихъ, вовсе не раздѣляли ихъ узкой односторонности во взглядѣ на просвѣщеніе. Какъ люди развитые, они не придавали никакого значенія мелочному различію въ предпочтеніи православными греческаго, а католиками латинскаго языка. Судя по самимъ себѣ, они не допускали мысли, чтобы знаніе латинскаго языка влекло

за собой неизбежное впадение въ ересь. Считаая, напротивъ, языкъ этотъ необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка, какъ языкъ науки и ученыхъ, они не стѣсняясь вели на немъ преподаваніе въ академіи. На это косо поглядывало духовное начальство, все еще продолжавшее видѣть въ исключительномъ знаніи греческаго языка свое спасеніе, хотя, съ одной стороны, безуспѣшное состязаніе истаго грека Еввомя съ латиняниномъ Сильвестромъ, а съ другой, побѣда надъ нимъ Лихудовъ всѣмъ и каждому ясно говорили, что ни греческій языкъ не заключаетъ въ себѣ спасительной силы, ни латынь—пагубы. Раздѣляя общее предубѣжденіе грековъ насчетъ латинскаго языка, сталъ въ непріязненныя отношенія къ Лихудамъ и патріархъ Досіоей, чему способствовало еще и слѣдующее обстоятельство. Въ это время въ Москву явился племянникъ Досіоея, архимандритъ Хрисановъ, для нерѣдкаго въ то время сбора пожертвованій, въ которыхъ такъ нуждались восточныя церкви, сильно обѣдѣнныя съ потерей политической самостоятельности. Хрисановъ прежде всего обратился къ Лихудамъ, прося ихъ внести посильную лепту въ сумму пожертвованій, да и съ богатыхъ москвичей собрать таковыя же. Но видно на этотъ разъ не особенно посчастливилось Хрисанову въ Москвѣ. Возвратясь въ Молдавію, гдѣ, по причинѣ смутныхъ обстоятельствъ, проживалъ іерусалимскій патріархъ, Хрисановъ энергически обвинялъ Лихудовъ, называлъ ихъ гордецами, говорилъ, что они совсѣмъ забыли о бѣдствіяхъ родины, устроившись въ богатомъ московскомъ государствѣ. Патріархъ, который такъ надѣялся на содѣйствіе Лихудовъ, былъ сильно возмущенъ этимъ и началъ искать увольненія ихъ отъ преподаванія въ академіи. Онъ до того круто измѣнилъ свое мнѣніе о Лихудахъ, что новымъ донесеніемъ на нихъ прямо противорѣчилъ одобрителному отзыву, данному при отправленіи Лихудовъ въ Россію. Лихуды, по увѣренію патріарха, были обманщики, тайные латинники, люди вовсе не княжескаго происхожденія, которое приписываютъ себѣ изъ личныхъ выгодъ, однимъ словомъ,—настоящіе негодяи. Такихъ людей оставлять долѣе при академіи значило пятнать имя русскихъ. Въ излишней заботливости о просвѣщеніи русскаго юношества, патріархъ негодовалъ на Лихудовъ и за то, что они вмѣсто богословскихъ наукъ забавлялись физикой и философіей, не взирая на его благословеніе учить только греческому языку. По его на-

стойчивымъ требованіямъ Лихуды были не только оставлены отъ преподаванія, но и удалены изъ Москвы. Такимъ образомъ восточный ревнитель русскаго просвѣщенія лишилъ академію незамѣнимыхъ преподавателей. Заслуги Лихудовъ въ постановкѣ педагогическаго дѣла въ академіи несомнѣнны. Лихуды не копировали до подробностей программу южно-русскихъ училищъ, они дѣлали въ ней очень существенныя измѣненія, припоровляясь къ мѣстнымъ условіямъ. Богословіе преподавалось безъ всякой определенной системы, потому что схоластическая система не давала глубокихъ, основательныхъ знаній. Лихуды слѣдовали примѣру Епифанія, ученики котораго почерпали свои богословскія свѣдѣнія изъ непосредственнаго чтенія св. писанія и отцевъ церкви. Преподаваніе предметовъ, заимствованныхъ изъ западныхъ коллегіумовъ, было переработано на иной ладъ. Въ риторикѣ, пѣтикѣ, философіи бралось только то, что прямо клонилось къ развитію мыслительной дѣятельности. Въ этомъ-то и состояла вся тайна примиренія двухъ направленій, изъ которыхъ каждое носило въ себѣ добрыя задатки, но задатки эти не могли прivityся вслѣдствіе ихъ разъединенія и преобладанія постороннихъ примѣсей. И Епифаній и Симеонъ — оба они съ одинаковымъ рвеніемъ ратовали за просвѣщеніе, но разными путями шли къ одной общей цѣли. Каждый вѣрилъ, что онъ идетъ настоящей дорогой и скептически смотрѣлъ лишь на выборъ спутника, не подозрѣвая, что пути ихъ лежатъ рядомъ и одинаково непроходимы, что для проложенія широкой, свободной дороги нужно сравнять тотъ промежутокъ, что лежитъ между ихъ путями. Слава проложенія этой просторной дороги принадлежитъ Лихудамъ. Заслуга ихъ была понята уже современниками, и если у нихъ были враги среди крайнихъ грековъ, готовыхъ преслѣдовать всякое привнесеніе въ систему воспитанія латинскаго элемента, то были и компетентные цѣнители. Не приплети Доскѣей къ обвиненію противъ Лихудовъ политической причины, приверженцы ультра-—греческаго направленія не были бы въ состояніи отстранить братьевъ отъ преподаванія въ академіи.

Вскорѣ по удаленіи изъ Москвы Лихудовъ, борьбѣ грековъ съ латынцами суждено было вспыхнуть съ новою силою. На защиту пораженнаго латинства выступилъ Гавріиль Долецкій. Долецкій, переселившійся изъ Малороссіи въ Москву, занималъ первоначально мѣсто настоятеля Симонова монастыря. Уже въ это время онъ

заявилъ о себѣ, какъ сторонникъ новѣйшаго латинства, громкимъ голосомъ въ пользу безразличія духовныхъ отъ мірянъ. Его монашескій уставъ, такъ называемый «Киновіонъ» казался строгимъ ревнителямъ древняго благочестія преступнымъ покушеніемъ противъ исконныхъ церковныхъ постановленій, уничтожалъ постъ и иноческую замкнутость. Не только больнымъ монахамъ разрѣшалась всякая пища, но вообще для братіи требовалась трапеза здоровая и вкусная. Допускалось употребленіе вина, пива, меда, — разумѣется въ умѣренномъ количествѣ. Скромныя и приличныя развлечения тоже не возбранялись. Подобныя новшества не могли не нажить Домецкому враговъ среди греческаго духовенства. Соборъ, осудившій все, до чего додумались западные ученые, присудилъ къ изгнанію и Домецкаго. Послѣдній нашелъ себѣ пріютъ у Новгородскаго митрополита Іова, давшаго ему во владѣніе Юрьевъ монастырь. Отсюда-то Домецкій выступилъ на защиту пораженнаго западничества. Онъ пытался еще разъ возобновить спорный вопросъ о времени пресуществленія даровъ и отстоять ученіе западниковъ. На борьбу съ нимъ выступилъ инокъ Дамаскинъ, бывшій съ митрополитомъ Іовомъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Дамаскинъ употребилъ въ дѣло все зависѣвшія отъ него средства, чтобы заставить замолчать дерзкаго кievлянина. Въ своихъ частыхъ посланіяхъ къ митрополиту онъ убѣждалъ его прогнать Домецкаго и порвать съ Малороссіей все связи. Внемя доводамъ друга, Іовъ удалилъ Домецкаго, и сѣв. Русь на всегда покончила съ мелочной, не чуждой опасныхъ крайностей и увлеченій, схоластикой, вторгавшейся сюда подъ видомъ науки. Правда, послѣдующіе духовные дѣятели Москвы были тоже западники, но западники иного закала, не узкіе словесные формалисты временъ Галитовскаго, а мыслители, ближе подходящіе къ идеалу Лихудовъ.

С. Насоновскій, ученикъ VII класса Вологодской гимназіи.